
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2019. 10(2). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 22.12.2019.
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № 26

© Russkaya Starina, 2019

Russkaya Starina

2019

Is. **2**

Русская старина

Издается с 2010 г.
 E-ISSN 2409-2118
 2019. 10(2). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йозеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIN PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара Вайнорска, г. Братислава – Нове Место, Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.12.2019.
 Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
 E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Заказ № 26

CONTENTS

Articles and Statements

The Theme of «The Russian World» in the Old Russian Literature M.Ch. Larionova, A.S. Tishchenko	86
The Problems of Modern Interpretations of Classical Texts (“Captain’s Daughter” by A. Pushkin at School and University) O.V. Bogdanova	95
Attribution of the Property Status of the Don Officers and Cossacks by the Don Military Structures in Early 19th century A.V. Venkov	108
Traditional Folk Worldview and Its Coverage in Local Periodicals O.A. Shepeleva	120
Kalmyk Collection of Felt Products from the Funds of the Russian Museum of Ethnography S.G. Batyreva	131
Mythopoeitic Ideas about the Disease in the Oral Tradition of Nekrasov Cossacks T.Yu. Vlaskina	138
Three Functions of Fire in Slavic Funeral Rite: the Illumination, the Purification, the Way to the Other World (on Polesye Data) M.A. Andrunina	148
The Best Man in the Wedding Ceremonies in the Don Region: Functions and Terminology T.E. Grevtsova	157
Shipboard Structure’s Reconstruction of the Izhevsk Operational Office/ Izhevsk Pier in 1948–1986 N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, S.L. Bautina	173

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 86-94

DOI: 10.13187/rs.2019.2.86
www.ejournal15.com

Articles and Statements

The Theme of «The Russian World» in the Old Russian Literature

Marina Ch. Larionova ^{a,*}, Alexey S. Tishchenko ^b

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The notion and idea of «the Russian World» has been actively used in the modern social life. At the same time, the content and boundaries of these notion and idea have become the subject of discussions. There are no specific works devoted to the idea of «The Russian World» in the Russian literature. The article gives an analysis of the genesis of the notion in the ancient Russian written monuments «The Sermon on Law and Grace», «The Tale of Bygone Years», «The Word of Igor's Campaign». The phrase «The Russian World» appeared for the first time in «The Word on the Renewal of the Tithe Church» (the second half of the 11th century) with the meaning of the unification of people, which is based on certain spiritual values. In «The Word of Law and Grace» the theme of the Russian World appears along with the theme of the adoption of the Christianity and the independence of the Russian Church. The historical fate of the Russian land, its political independence became the content of «The Tale of Bygone Years». In «The Word of Igor's Campaign», the idea of «The Russian World» is consonant with the general idea of this work – the unification of the Russian lands, which is expressed by Prince Svyatoslav in his «golden word». Thus, the idea of «the Russian World» has been permanent in the national literature (since its inception). Nowadays, it has become especially relevant in the connection with geopolitical events. This is a living and vital phenomenon which requires further studies.

Keywords: «Russian World», genesis, ancient Russian literature, «The Sermon on Law and Grace», «The Tale of Bygone Years», «The Word of Igor's Campaign», Eastern Orthodoxy.

1. Введение

Идея «русского мира» в последнее время становится предметом активных обсуждений, вызывает интерес исследователей из различных областей. Множество дискуссий, возникающих вокруг этой темы, в целом разворачивается под влиянием двух факторов: во-первых, словосочетание «русский мир» обладает довольно широким спектром значений, во-вторых, существуют «русский мир» как понятие и «русский мир» как явление, о чем

* Corresponding author
 E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

писала О.Н. Батанова, отмечая, что «“русский мир” (в кавычках) – это метафора или дефиниция, а русский мир (без кавычек) – реальное явление» (Батанова, 2009: 23).

Слово «мир» в современном языке имеет сложную разветвленную систему значений. В русском языке существуют омонимы «мир» (I) и «мир» (II), которые восходят к древнерусским «миръ» и «міръ»: «мир» с восьмеричной «и» толкуется как «спокойное мирное состояние», а «мир» с десятеричной «и» (i) – как «общность людей», что подтверждается данными из словаря Д.Н. Ушакова (Толковый словарь..., 2007: 303). В нашем исследовании слово «мир» в словосочетании «русский мир» употребляется в значении II («общность людей») и, с нашей точки зрения, имеет оттенки значения: «какая-нибудь отдельная сфера жизни или область предметов, явлений» и «люди, население земного шара» (Толковый словарь..., 2007: 303).

2. Материалы и методы

Понятию «русский мир», его истокам, составляющим, проблемам формирования и развития, перспективам посвящено множество работ, причем в изучении этой темы наметились некоторые общие направления. Выделим их вслед за С.Н. Кочеровым (Кочеров, 2014). Понятие «русский мир» рассматривается с точки зрения геополитики – как реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам. Такое объяснение дают А.Г. Дугин (Дугин, 2012), А.М. Столяров (Столяров, 2004), В.Л. Цымбурский (Цымбурский, 1993). Группа других исследователей осознает русский мир как геоэкономическое понятие, т.е. рассматривает его как сеть сообществ, целью которой является формирование инновационной экономики с центром – ядром русского мира – Россией. Таким образом осмысляют это понятие П.Г. Щедровицкий (Щедровицкий, 2000), Т.В. Полоскова, В.М. Скрипник (Полоскова, Скрипник, 2003). Как уникальную этнокультурную общность людей, которые объединены русским языком, историей, нормами и ценностями, проживают не только в России, но и за ее пределами, рассматривают русский мир В.А. Никонов (Никонов, 2014), Н.Н. Нарочницкая (Нарочницкая, 2008), В.А. Тишков (Тишков, 2018). Кроме этого, русский мир описывается с позиции православной цивилизации, что нашло отражение в выступлениях патриарха Кирилла, Лаврентия Черниговского.

Одним из основополагающих трудов, посвященных проблеме русского мира, является работа политолога О.Н. Батановой, которая в первую очередь указывает, что русский мир «есть цивилизационное, социокультурное пространство, охватывающее почти треть миллиарда русскоязычных людей <...> Русский мир – не суперэтническая, а наднациональная общность. Это транснациональное, глобальное образование, идентифицирующее себя с русской культурой и русским языком, с духовными и ментальными признаками русскости» (Батанова, 2009: 27). Из этого определения следует, что понятие русского мира не привязано ни к национальности, ни к территории, оно шире, способно связывать людей по всему земному шару, а главные его признаки – цивилизация и глобальность.

А.А. Громько говорит о «русском мире» как большой человеческой общности, базирующейся на следующих принципах: территориально-временном, культурном, смысловом и ценностном (Громько, 2010). Политолог указывает, что признаки русского мира выделяются далеко не однозначно, хотя традиционно принято считать, что таковыми являются русская культура и язык, православие, русская традиция и историческая память – эти признаки называл патриарх Кирилл. Однако автор работы предлагает другой ряд признаков: «справедливость, духовность, солидарность». Тем не менее, А.А. Громько утверждает, что роль русского языка огромна в осмыслении понятия русского мира, русский язык является связующим звеном и становится неким кодом русского мира.

Несмотря на большое количество трудов, посвященных проблеме русского мира, принадлежащих к различным областям научного знания, работ, в которых рассматривается концепция русского мира в литературе, нет.

Нас прежде всего интересует формирование понятия «русский мир» в отечественной художественной и публицистической литературе. Поэтому материалом настоящей статьи стали «Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве».

Эти произведения являются древнейшими письменными текстами, но уже в них обнаруживаются идеи русского мира.

Наше исследование опирается на органический синтез культурно-исторического и вытекающего из него социологического методов литературоведения. Культурно-исторический метод используется для выявления связи художественного текста с эпохой, в которую он был написан. Литературный памятник осмысливается как отражение духа народа, в контексте цивилизации и культуры. Социологический метод дает возможность понимания литературы как особой формы выражения общественного сознания.

3. Обсуждение и результаты

Границы понятия «русский мир» представляются нам пока нечеткими, вопрос о его содержании до сих пор является дискуссионным. Не претендуя на окончательное решение проблемы, мы можем предложить филологический взгляд на него: русский мир – это сложное многостороннее явление, представляющее собой объединение людей, связанных общностью истории, русским языком и культурой, ментальностью, привязанностью к России и интересом к ее судьбе; оно наднационально и внетерриториально, зачастую под «русским миром» понимается особая идея межгосударственного и межконтинентального сплочения людей, объединенных неравнодушием к России и считающих, что у России свой особый путь развития и важная роль в мировом сообществе.

В нашем представлении главные особенности, которые свойственны русскому миру как явлению и позволяют осмысливать понятие «русский мир» как нечто целостное, – это:

- русская история;
- русский язык и культура;
- особенности русского менталитета;
- ценности, обычаи, традиции русского народа;
- православная церковь и православная культура.

Активно словосочетание «русский мир» стало употребляться сравнительно недавно, однако это понятие, каким мы его представляем, в русской литературе появляется очень давно. Причиной этому служит само появление древнерусской литературы, которая встает на собственный путь развития в связи со сформировавшимися русским языком и письменностью на русском языке, принятием христианства и возникновением государства. Само понятие «русский мир» древнего происхождения. В таком виде это словосочетание появляется впервые в «Слове на обновление десятинной церкви», которое было написано во второй половине XI в. в пору правления князя Изяслава, а издано было впервые в 1850 г. М.А. Оболенским (Оболенский, 1850). В это время Десятинная церковь как религиозный центр обретает авторитет, главной святыней в ней являются мощи святого Климента. В тексте «Слова...» речь идет о мучениях и посмертных чудесах святого Климента. М.А. Оболенский композиционно делит слово на три части: мучения Климента, посмертное чудо, похвала Клименту. «Тако сего церковнаго солнца, своего угодника, нашего же заступника, святаго реку достойно священномученика Климента, отъ Рима убо въ Херсонь, отъ Херсоня въ нашу Рускую страну створи приити Христось Богъ нашъ, преизобильною милостию въ наше вѣрныхъ спасение» (Оболенский, 1850: 144) – произведение начинается с восхваления Христа, с которым пришла на Русскую землю благодать: «Но да сбудется реченное: благодатию есте спасени, идѣ умножатся грѣси, ту преизбылова благодать, идѣже бо жертвици бѣсомъ бѣша, ту святаыя церкви славятъ Отца и Сына и Святаго Духа, еже пришествиемъ святаго Климента створися и утвердися» (Оболенский, 1850: 144). Именно во вступительной части, где в центре текста стоит похвала Христу, и употребляется словосочетание «русский мир»: «...славимъ и хвалимъ и кланяемъ въ Троицѣ поему Богу, благодаряще того вѣрнаго раба, иже умножи своего господина талантъ не токмо въ Римѣ, но всеумс и въ Херсонѣ, еще и въ Рустемъ мирѣ, ркуще къ нему: мученикомъ похвала, святителемъ удобрение и неподвижное основание церкви Христовой, еиже врата адова не удолеютъ, и присныи заступнице странѣ Рустей...» (Оболенский, 1850: 144). Примечательно, что употреблено именно такое словосочетание, а не, к примеру, «Русская земля» или «страна Русская», которые наряду с ним используются в тексте, или не название города Киева; это наталкивает нас на мысль, что употребление данной

конструкции осознанно и здесь подчеркивается не территориальный аспект, как в словах «земля», «страна» или «город», а на первом месте – значение объединения людей, в основе которого лежат определенные духовные ценности, в данном случае – благодать Христа, воплощенная в мощах святого Климента.

Символично, что впервые словосочетание в таком виде обнаружено именно в этом памятнике, ведь Десятинная церковь (церковь Успения Пресвятой Богородицы) – это первая каменная церковь на Руси, которую воздвиг князь Владимир, крестивший Русь. То есть на начальных этапах идея русского мира в таком виде, как мы ее осмысливаем, полностью связывается с религиозными ценностями. Под покровительством религии начинает развиваться национальное самосознание, и только учитывая влияние религии, можно говорить об идее русского мира.

В отличие от «Слова на обновление Десятинной церкви» в следующих рассматриваемых нами памятниках словосочетание «русский мир» не появляется, однако идеи русского мира в текстах есть. Так, в памятнике письменности XI в. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона тема русского мира появляется вместе с темой принятия христианства – православия. Принятие православия сыграло важнейшую роль в становлении Древней Руси как части православного мира, означало ее вхождение в круг христианских стран, давало возможности контактировать с Европой. Православие стало основой духовной цивилизации. Автор утверждает достоинства православия, поднимает вопрос независимости Руси от других стран, ставит проблему ответственности князей. Иларион прославляет русский народ среди других народов, говоря о русской «благодати»: принятие христианства связывается со спасительным путем, на который направил Русь сам Бог. Начинает Иларион с общего, говоря о распространении христианства в мире, показывает преимущества свободного христианства над ограниченным в национальном плане иудаизмом, приводя примеры из библейского Ветхого завета: «Прѣжде законъ, ти по томъ благодѣть, прѣжде стѣнь, ти по томъ истина. Образъ же закону и благодѣти Агарь и Сарра, работнаа Агарь и свободнаа Сарра, работнаа прѣжде, ти потомъ свободнаа, да разумѣть, иже чететь!» (Слово о законе и благодати...). Далее Иларион переходит к распространению христианства на Русской земле: «Се бо уже и мы съ всѣми христианами славимъ Святую Троицу, и Иудеа молчить; Христос славимъ бываетъ, а иудеи кленоми; языци приведени, а иудеи отринувени», «Вся страны благии Богъ нашъ помилова и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны, и въ разумъ истинныи приведе», «Вси языци въсплещѣте руками и въскликнѣте Богу гласомъ радости, яко Господь вышний страшень, царь великъ по всеи земли». Затем следует восхваление Владимира: «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворышааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашаа земли Володимера, вѣнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многих, и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычствоваша, нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». Значение Владимира как князя-крестителя Руси в авторском понимании увеличивается до мирового масштаба: это учитель, наставник, «равнохристоролюбец», как Константин Великий. Прославляя русского князя, Иларион тем самым утверждает авторитет России среди других стран, но этот авторитет, по мнению оратора, появился с крещением Руси, с приходом на Русь благодати, а не закона; благодать, дарованная всевышним, – это та сила, которая делает страну великой. Историческая миссия русского народа, как считал Иларион, – принять новое учение: «Не въливають бо, по словеси Господню, вина новааго учения благодѣтна въ мѣхы вѣтхы», «ново учение – новы мѣхы, новы языки!». Согласно митрополиту, русские являются новым народом, который пришел на смену старым.

«Слово о законе и благодати» в жанровом отношении является торжественной проповедью, оно было произнесено Иларионом в честь «завершения киевских оборонительных сооружений в церкви Благовещения на главных Золотых воротах» (Творогов, 1980: 49), однако по своему содержанию произведение выходит за рамки жанра проповеди, становясь особенным жанром красноречия, похожим на декларацию. Появление в проповеди политических мотивов связано с нарастанием гражданственности в Древней

Руси 30-х–40-х гг. XI в.: в это время Ярослав Мудрый добивается независимости русской церкви от византийской. Этот фактор, с нашей точки зрения, является основополагающим при понимании идеи русского мира в данном тексте: православная церковь формирует общество, организуя духовную почву для объединения людей; на данном этапе развития страны религия неотделима от государственности, поэтому она становится прочной основой государственной власти, стремится к стабильности и организованности общества. Православная благодать, согласно Илариону, отгораживает русский мир от всего чужого, вредоносного; по мнению автора, с приходом православной религии от Древней Руси отходит все плохое: «И въ едино время вся земля наша въслави Христа съ Отцемъ и съ Святыимъ Духомъ. Тогда начать мракъ идольский от нас отходити, и зоръ благовѣриа явишася; тогда тма бѣсослуганиа погыбе, и слово евангельское землю нашу осиа. Капища разрушаахуся, и церкви поставляахуся, идолии съкрушаахуся, и иконы святыхъ являахуся, бѣси пробѣгааху, крестъ грады свѣщае». Именно христианство воспринимается как духовная сила, могущая сделать возможным существование цивилизации не только на Руси, но и во всем мире: «Христианыхъ же спасение благо и щедро простираяся на все края земляныя», «И Христова благодѣть всю землю обятъ и ако вода морьскаяа покры ю».

В «Повести временных лет» тема русского мира затрагивается в связи с установкой летописца создать книгу, которая станет своего рода руководством для князей, будет показывать, как можно, а как нельзя поступать. Самые первые слова повести «Се повесть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, хто в Кieve нача пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» ([Повесть временных лет](#)) указывают на содержание летописи: русская земля, ее историческая судьба. Автор-летописец, ставит перед собой задачу рассказать историю Русской земли с самого начала. Текст пронизан высокой патриотической идеей могущества Русской земли, ее политической самостоятельности, религиозной независимости от Византии. Вся «Повесть» обращена к русской действительности, сквозными стали мотивы надежды на хорошее будущее Русской земли, тревоги за страну. В памятнике происхождение русских земель вписывается в контекст всемирной истории – автор обращается к библейскому тексту: «Въ Афетови же части седить русь... Афетово же колено и то: варязи, свей, урмане, готее, русь», тем самым, как и в «Слове о законе и благодати», подчеркивается божественное покровительство над Русью. То, что автор поместил рассказ о начале истории Русской земли в контекст всемирной истории, дает нам основание полагать, что летописец осмыслял русскую общность как некое духовно и культурно родственное единство, выделяющееся на фоне развития истории других стран и народов. Автор говорит о том, что, расселившись по земле, племена имели свои особенности, традиции: «Имѣяхуть бо обычая своя и законы отецъ своихъ и предания, кождо своя норовъ». Об образовании политической общности Руси говорит летописец, упоминая события 862 г., когда словене, чудь, весь и кривичи призвали на княжение варяг от племени Русь – Рюрика, Синеуса и Трувора. Такова в понимании летописца древнейшая история Руси, или предыстория по отношению к его современности, а собственная история начинается с возникновения династии князей – общей и единой для всей Руси. Факт, что князья были варяжского, то есть неславянского, происхождения, дает нам основание для вывода, что идея русского мира, как мы указывали ранее, стоит выше национальности и территории, а главные ее основания – единство, цивилизация, культура (в широком смысле). Рюриковичи ставили перед собой задачу объединения земель под своей властью, эта задача решалась постепенно, но за время правления были объединены Новгород, Полоцк, Ростов, Муром, Смоленск, Любеч и собственно Киев. Таким образом, постепенно и последовательно складывалась Русская земля. Вторая не менее важная задача, которую ставили Рюриковичи в «Повести», – это борьба за независимость Руси, прекращение усобиц и утверждение спокойствия и тишины. «Повесть» обращена к насущным вопросам действительности, которые были актуальны и в историческом прошлом страны, а в современную для автора пору обострились: его концепция сводится к ключевой идее установления и сохранения политического единства Русской земли. Повествование носит то исторический характер, когда летописец говорит о территориях, занимаемых славянами, перечисляет славянские племена, называет Киев «матерью городов русских», упоминает

варяжских князей, то художественный, когда, например, Нестор включает в текст русские предания (рассказы о мести Ольги, легенда о белгородском киселе).

Идея русского мира в «Повести временных лет» главным образом заключается в следующем: Русь показана в развитии, движении, целью которого является соединение разных племен и городов в определенную организованную общность, которая образовалась на основе общей истории, одной религии, определенных ценностей (в первую очередь – морально-нравственные темы, связанные с преступлением и наказанием за него: так, Игорь гибнет из-за своих корыстолюбия и жадности, Святослав – из-за того, что ослушался мать, Святополк – из-за того, что убил брата). Летописец выступает не только как историк, но и как учитель-наставник, наполняя содержание текста морально-дидактической атмосферой. Он преследует практическую цель – дает установки князьям, закладывает основы норм и ценностей. С нашей точки зрения, весь текст «Повести временных лет» содержит в себе различные составляющие идеи русского мира. Как отмечал И.П. Еремин, «Повесть временных лет» – это «книга о прошлом Русской земли, но каждой своей строкой повернутая в сторону русской действительности, современной летописцу; книга, проникнутая духом большой тревоги и беспокойства за будущее Русской земли» (Еремин, 1966: 52), поэтому, как нам видится, идея русского мира здесь перекликается с идеей мира – отсутствия войн, междоусобиц, что было возможно только путем объединения людей и создания цивилизованного государства.

В «Слове о полку Игореве» идея русского мира созвучна общей идее этого произведения, которую высказывает князь Святослав в своем «золотом слове». Князь призывает к объединению ради блага Руси, чтобы справиться с внешними врагами. Для этого необходимо решить следующие задачи: прекратить междоусобицы и отказаться князьям от честолюбия и алчности. Так, со слезами на глазах он осуждает поход Игоря и Всеволода: «О моя сыновья, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала на Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте» (Слово о полку Игореве). Сначала, вспоминая своих предшественников, киевский князь обращается с призывом объединиться между собой, а поражение Игоря видится ему как повод для объединения.

«Слово о полку Игореве» было написано в то время, когда проблема феодальной раздробленности Руси стояла на первом месте. Признанное на Любечском съезде разделение княжеств не способствовало мирному их сосуществованию, авторитет Киева падал, вся эта историческая ситуация осложнилась еще и половецкими нашествиями. В условиях такой нестабильности мудрый князь Святослав понимал, что выйти из положения можно только путем общих усилий, т.е. объединения. Д.С. Лихачев подчеркивает: «Идея единства Русской земли слагается им из представлений, свойственных эпохе феодальной раздробленности. Автор “Слова” не отрицает, например, феодальных отношений, но в этих феодальных отношениях он постоянно настаивает на необходимости соблюдения подчиняющихся обязательств феодалов, а не на их правах самостоятельности. Он подчеркивает послушание Игоря и Всеволода по отношению к их отцу Святославу и осуждает их за это. Он призывает к феодальной верности киевскому князю Святославу, но не во имя соблюдения феодальных принципов, а во имя интересов всей Русской земли в целом» (Лихачев, 1987: 170). Призыв князя Святослава к объединению – главное проявление идеи русского мира в этом тексте.

4. Заключение

Итак, в рассмотренных нами текстах древнерусской литературы идея русского мира только начинает формироваться. В «Слове о законе и благодати» она в первую очередь связана с принятием Русью православия, в «Повести временных лет» – с историей Русской земли и появлением государственности, в «Слове о полку Игореве» – с необходимостью преодоления проблемы феодальной раздробленности и подчинения княжеств одному князю с целью объединения и решения разных вопросов, в первую очередь, защитительного характера. На основании этих текстов, как мы полагаем, можно сделать вывод о том, что идея русского мира включает в себя идею объединения, которое строится в первую очередь на основе религии, духовных ценностей, общих проблем. Можно говорить о зарождении

определенных культурных ценностей, которые также объединяют людей и дополняют составляющие русского мира.

Таким образом, идея русского мира является устойчивой в национальной литературе с момента ее появления. В наши дни она стала особенно актуальной в связи с геополитическими событиями. Это живое явление, которое требует изучения.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

Батанова, 2009 – Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2009. 163 с.

Громыко, 2010 – Громыко А.А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура // Смыслы и ценности русского мира. М.: Фонд «Русский мир» 2010. С. 20–24.

Дугин, 2012 – Дугин А.Г. Геополитика России. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. 424 с.

Еремин 1966 – Еремин И.П. Литература Древней Руси. М.; Л.: Наука, 1966. 263 с.

Кочеров, 2014 – Кочеров С.Н. Русский мир: проблема самоопределения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5 (1). С. 163–167.

Лихачев, 1987 – Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1987. 656 с.

Нарочницкая, 2008 – Нарочницкая Н.А. Русский мир. М.: Алетейя, 2008. 304 с.

Никонов, 2014 – Никонов В.А. Российская матрица. М.: Русское слово, 2014. 992 с.

Оболенский, 1850 – Оболенский М.А. О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги // Киевлянин. Кн. 3. М., 1850. С. 139–150.

Повесть временных лет – Повесть временных лет. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. XI–XII века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 18.07.2019).

Полоскова, Скрипник, 2003 – Полоскова Т.В., Скрипник В.М. Русский мир: мифы и реалии. М.: Русский Архипелаг; СО-ЛИД, 2003. 128 с.

Слово о законе и благодати... – Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. XI–XII века. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 10.10.2019).

Слово о полку Игореве – Слово о полку Игореве. Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. СПб.: Наука, 2000. Т. 4. XII век. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4941> (дата обращения: 02.08.2019).

Столяров, 2004 – Столяров А.М. Русский мир // Нева. 2004. № 3. С. 151–166.

Творогов, 1980 – Творогов О.В. Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы: в 4 т. Т. 1. Л.: Наука, 1980. С. 19–62.

Тишков, 2018 – Тишков В.А. Русский мир: история и география // Русский мир в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 13–34.

Толковый словарь..., 2007 – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА- Книжный клуб, 2007. 752 с.

Цымбурский, 1993 – Цымбурский, В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–21.

Щедровицкий, 2000 – Щедровицкий П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения // Независимая газета. 2000. № 25. С. 24–35.

References

Batanova, 2009 – Batanova O.N. (2009). Russkij mir i problemy ego formirovaniya [The Russian World and problems of its formation]. PhD Thesis (Political Sciences). Moscow, 163 p. [in Russian]

Gromyko, 2010 – Gromyko A.A. (2010). Russkij mir: ponyatie, principy, cennosti, struktura [The Russian World: notion, principles, values, and structure]. Smysly i cennosti russkogo mira [Essence and values of the Russian World]. Moscow: Fond “Russkij mir”, pp. 20–24. [in Russian]

- Dugin, 2012** – *Dugin A.G.* (2012.) Geopolitika Rossii [Geopolitics of Russia]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Gaudeamus, 424 p. [in Russian]
- Eremin 1966** – *Eremin I.P.* (1966). Literatura Drevnej Rusi [Literature of ancient Russia]. Moscow; Leningrad: Nauka, 263 p. [in Russian]
- Kocherov, 2014** – *Kocherov S.N.* (2014). Russkij mir: problema samoopredeleniya [The Russian World: the problem of self-determination]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. № 5 (1), pp. 163–167 [in Russian]
- Lihachev, 1987** – *Lihachev D.S.* (1987). Izbrannye raboty [Selected works]. In 3 vols. Vol. 2. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, 656 p. [in Russian]
- Narochnickaya, 2008** – *Narochnickaya N.A.* (2008) Russkij mir [The Russian World]. Moscow: Aletejya, 304 p. [in Russian]
- Nikonov, 2014** – *Nikonov V.A.* (2014). Rossijskaya matrica [The Russian Matrix]. Moscow: Russkoe slovo, 992 p. [in Russian]
- Obolenskij, 1850** – *Obolenskij M.A.* (1850). O dvuh drevnejshih svyatynyah Kieva: moshchah sv. Klimenta i kreste velikoj knyagini Ol'gi [On two oldest shrines of Kiev: Saint Clement holy relics and the cross of Grand Princess Olga]. *Kievlyanin*. Part 3. Moscow, pp. 139–150. [in Russian]
- Povest' vremennyh let** – *Povest' vremennyh let*. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [The Tale of Bygone Years. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c. Saint-Petersburg: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (accessed on: July 18, 2019).
- Poloskova, Skripnik, 2003** – *Poloskova T.V., Skripnik V.M.* (2003). Russkij mir: mify i realii [The Russian World: myths and realities]. Moscow: Russkij Arhipelag; SO-LID, 128 p. [in Russian]
- Slovo o zakone i blagodati...** – Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [The Sermon on Law and Grace by Metropolitan Bishop Hilarion. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c. Saint-Petersburg: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (accessed on: October 10, 2019).
- Slovo o polku Igoreve** – Slovo o polku Igoreve. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [The Word of Igor's Campaign. The library of literature of ancient Russia]. In 20 vols. Vol. 4. XII c. Saint-Petersburg: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941> (accessed on: August 2, 2019).
- Stolyarov, 2004** – *Stolyarov A.M.* (2004). Russkij mir [The Russian World]. *Neva*. № 3, pp. 151–166. [in Russian]
- Tishkov, 2018** – *Tishkov V.A.* (2018). Russkij mir: istoriya i geografiya [The Russian World: history and geography]. Russkij mir v menyayushchemsya mire [The Russian world in a changing world]. Moscow: IEA RAS, pp. 13–34. [in Russian]
- Tvorogov, 1980** – *Tvorogov O.V.* (1980). Literatura Kievskoj Rusi. X – nachalo XII veka [The Literature of the Kievan Rus'. X – early XII centuries]. Istoriya russkoj literatury [History of Russian Literature]. In 4 vols. Vol. 1. Leningrad: Nauka, pp. 19–62. [in Russian]
- Tolkovyj slovar'.., 2007** – *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. D.N. Ushakov (ed.). Moscow: TERRA- Knizhnyj klub, 2007. 752 p. [in Russian]
- Cymburskij, 1993** – *Cymburskij V.L.* (1993). Ostrov Rossiya. Perspektivy rossijskoj geopolitiki [The Island of Russia. The prospects of the geopolitics of Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. № 5, pp. 6–21. [in Russian]
- Shchedrovickij, 2000** – *Shchedrovickij P.G.* (2000). Russkij mir. Vozmozhnye tseli samoopredeleniya [The Russian World. Possible goals of self-determination]. *Nezavisimaya gazeta*. № 25, pp. 24–35. [in Russian]

Тема «русского мира» в древнерусской литературе

Марина Ченгаровна Ларионова ^{a, *}, Алексей Сергеевич Тищенко ^b

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Понятие «русский мир» активно используется в современной общественной жизни. При этом содержание и границы понятия становятся предметом дискуссий. Не существует специальных работ, посвященных идее «русского мира» в отечественной литературе. В статье предлагается анализ генезиса понятия в древнерусских памятниках – «Слове о законе и благодати», «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве». Впервые словосочетание «русский мир» появилось в «Слове на обновление десятиной церкви» (вторая половина XI в.) со значением объединения людей, в основе которого лежат определенные духовные ценности. В «Слове о законе и благодати» тема русского мира появляется вместе с темой принятия христианства и независимости русской церкви. Содержанием «Повести временных лет» стала историческая судьба русской земли, ее политической самостоятельности. В «Слове о полку Игореве» идея русского мира созвучна общей идее этого произведения – объединению русских земель, которую высказывает князь Святослав в своем «золотом слове». Таким образом, идея русского мира является устойчивой в национальной литературе с момента ее появления. В наши дни она стала особенно актуальной в связи с геополитическими событиями. Это живое явление, которое требует изучения.

Ключевые слова: «русский мир», генезис, древнерусская литература, «Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», православие.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 95-107

DOI: 10.13187/rs.2019.2.95
www.ejournal15.com

The Problems of Modern Interpretations of Classical Texts (“Captain’s Daughter” by A. Pushkin at School and University)

Olga V. Bogdanova ^{a, *}

^a Herzen State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

In the article on the example of the text of the novel “Captain’s Daughter” by A. Pushkin the author demonstrates how axiological perspectives of classical literary works change in modern conditions, how in a modern school can be more interesting and more deeply interpreted axiomatic material repeatedly studied and subjected to understanding in different years. In particular, the article considers the images of the central characters of Pushkin’s novel – Pyotr Grinev and Alexei Shvabrin. The article shows how two characters – Grinev and Shvabrin – stood out in Pushkin’s manuscripts from the original single and integral image of the main character of the novel. However, in contrast to the existing tradition, which considers these heroes of “Captain’s Daughter” as antagonist heroes, in this work these images are qualified as twin heroes with a common ideological root. The study shows that the image of Grinev undoubtedly bears the features of an autobiographical hero, for example, in those circumstances when the first chapter of the novel tells the story of the childhood of the central character. However, before the researchers did not pay attention to the fact that the image of Shvabrin is also accompanied by portrait details and features that have a connection with the personality of the real Pushkin, the creator of the novel. For example, at the first appearance of the hero Shvabrin in front of Grinev (and the reader) draw attention to the characteristic features of Pushkin’s portrait (curly dark hair, dark skin, short stature, fluent knowledge of French, the vitality of nature). As the novel progresses, it becomes clear that the writer deliberately gives the characters similar features, actually equalizes and likens the characters. Pushkin consciously detects the contradictory nature of each of the characters, placing them in a similar situation, pushing in a conflict – “love triangle”. Thus, Pushkin actually demonstrates the techniques of auto-psychoanalysis. Through the images of paired characters, the author disavows the duality of each person’s nature, discovers dual impulses within the personality of one person, each of us (including himself). Form of narrative in novel is memoirs, diaries, memories. This narrative form prompted the author to ensure that a single and integral image of a complex character broke up in the end into two simplified images that appeared more understandable to the consciousness and perception of the character-narrator Petrusha Grinev. The last statement does not mean that Pushkin was going to whitewash the person or to justify behavior of the hero Alexey Shvabrin. In the end, his image still comes in the text of the memoir to a negative evaluation. However, Pushkin’s ability to maintain the capacity of the character of the individual character, to abandon the primitive classic division into positive and

* Corresponding author
 E-mail addresses: olgabogdanova03@mail.ru (O.V. Bogdanova)

negative characters, the ability to see in different characters antinomic phenomenon properties enriches the perception of the novel (including the image of Shvabrin).

Keywords: Russian literature of the XIX century, A. Pushkin, novel “Captain’s daughter”, dichotomy of the image, pair of characters, subjectivism of the narrative.

1. Введение

В современных условиях весьма актуален опыт педагогов-словесников (в школе и в вузе), ориентированный на возрождение и укрепление книжной культуры, читательского восприятия, интереса к книге. Чтобы привлечь (вернуть) молодое поколение к художественной литературе, к опыту русской классики, необходимо, в первую очередь, предлагать новые формы уроков. Но не менее важно – предлагать новые ракурсы восприятия традиционных текстов. Едва ли не каждое классическое произведение сегодня обретает новые семантические планы, приоткрывает сокрытые прежде ментальные пласты. Художественное наследие Пушкина в этом плане, как ни странно, предлагает множественность подходов и неожиданно новые ракурсы интеллектуального восприятия. Именно это и демонстрирует проделанный анализ текста многоаспектно изученного романа «Капитанская дочка». Однако и этот хрестоматийный текст предоставляет возможность новой аксиологии и, следовательно, новой интерпретации.

2. Материалы и методы

Освещение истории замысла и творческого воплощения романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836) было начато так давно и осуществлено столь тщательно (см.: [Белинский, 1956](#); [Блок, 1940](#); [Петров, 1953](#); [Гуковский, 1957](#); [Оксман, 1959](#); [Измайлов, 1960](#); [Макогоненко, 1977](#); [Лотман, 1988, 1999](#); [Петрунина, 1987](#); [Овчинников, 1991](#); [Богданова, 2019](#) и др.), что к фактологической стороне вопроса сегодня, кажется, вряд ли что-либо можно добавить. Между тем интерпретационные ракурсы пушкинского текста продолжают открывать новые содержательные грани, предлагают более широкие перспективы осмысления не только исторических событий, составивших основу нарративного плана романа, но и тех смысловых контекстов, которые формируют характеры главных действующих лиц романа. В основе предпринятого анализа лежит синтез основополагающих методов и принципов научного исследования, среди которых прежде всего сравнительно-сопоставительный, интертекстуальный, биографический и поэтологический – в их взаимосвязи и дополнительности.

3. Обсуждение и результаты

В попытке интерпретации «Капитанской дочки» концептуально важным оказывается то обстоятельство, что пушкинский роман находится в прямом межтекстовом диалоге с «Историей пугачевского бунта» (1834), произведением историко-культурологического характера, ставшим результатом интереса Пушкина-историка к важнейшим событиям прошлого, к событиям крестьянского восстания под предводительством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. На наш взгляд, стремительность появления романа «Капитанская дочка» вслед за «Историей пугачевского бунта» становится основанием к тому, чтобы рассматривать эти произведения как единую дилогию, в которой смена нарративного дискурса (точки зрения повествователя/рассказчика) в совокупности обеспечивает объективность оценки одних и тех же исторических событий, увиденных с различных сторон. При этом вопрос выбора повествователя-рассказчика в художественном произведении «Капитанская дочка» рядом с историко-документальным дискурсом «Истории пугачевского бунта» оказывается принципиально важным.

Наиболее авторитетное суждение относительно системы повествователей в романе высказал Г.П. Макогоненко в работе «“Капитанская дочка” А.С. Пушкина». Исследователь задавался вопросом: «Что же определило решение Пушкина придать своему историческому роману мемуарную форму?» – и отвечал: Пушкину «нужен был свидетель событий крестьянского восстания – свидетель, не только наблюдавший восстание <...> но и знакомый с фактами жизни Пугачева и его товарищей» ([Макогоненко, 1977: 22, 33](#)). При этом рассказчиком-свидетелем неслучайно избирался дворянин, так как в таком случае позиция героя Гринёва была честной и потому объективной: «он принужден был

свидетельствовать не только о кровавых расправах Пугачева, но и о его человечности, гуманности, справедливости и великодушии», «ценность таких показаний <...> увеличивалась именно от того, что их давал противник мятежников», «личный опыт оказывался более значимым, чем социальный» (Макогоненко, 1977: 33–35).

Видимую справедливость суждений исследователя нельзя не принять, но при этом необходимо констатировать их неокончателность. И дело не в том, что Макогоненко рассуждает (отчасти) в духе советского литературоведения (например, о значении народного духа пугачевского бунта), а в том, что исследователь не учитывает присутствия второго повествователя, «приискавшего к каждой главе приличный эпиграф», – издателя, который появляется в эпилоге романа, сообщая о том, что «подготовил» записки Гринёва к публикации. Кажется, мало значащая деталь на деле оказывается принципиально важной – дневниковая форма повествования от лица юного и наивного героя-рассказчика в таком случае сопровождается «редакторской правкой» некоего вдумчивого и опытного издателя, что позволяет Пушкину развести плоскости восприятия и акцентуации событий, описываемых и оцениваемых двумя различными субъектами наррации. Диалогические интенции эксплицированного и имплицитного персонажей оказываются если не антитетичными, то разнонаправленными (Богданова, 2019). Текст (не)отчетливо распадается на два дискурсивных уровня, когда точка зрения благородного и честного, но достаточно поверхностного наблюдателя-мемуариста разнится с восприятием и глубинным проникновением в семантику событий персонажа-издателя. В таком случае едва ли не каждое суждение молодого субъективного рассказчика как бы корректируется точкой зрения объективного наблюдателя-издателя – Пушкин словно бы демонстрирует бифокальность зрения, когда любое наблюдение героя-участника событий ставится (может быть поставлено) под сомнение или отрефлектировано иначе. В результате образы как самого мемуариста-рассказчика, так и окружающих его персонажей обретают новые ракурсы, начинают оцениваться по иной аксиологической шкале. С учетом присутствия двух повествовательных ракурсов наиболее существенной трансформации подвергается образ Алексея Швабрина.

Для (пере)оценки образа и личности Швабрина необходимо учитывать то обстоятельство, что для Пушкина и его современников актуальным было представление о «старом» и «новом» дворянстве, об аристократии «истинной» и «мнимой», о дворянстве «почтенном» и «по случаю»¹. Важное для понимания романа «Капитанская дочка» суждение о дворянстве «старом» и «новом» утрачено современным читателем: революционные события начала XX в. стерли различия между теми и другими, нивелировав их как единый класс – дворяне, помещики. Между тем у Пушкина дифференциация «старые/новые» положена в основу антиномичной персонажной системы романа, задавая бинарную оппозицию «Гринёв ↔ Швабрин».

Сведения об историческом прототипе Швабрина – Михаиле Шванвиче – Пушкин приводит в «Замечаниях о бунте» (в связи с «Историей пугачевского бунта»), и они цитировались неоднократно: «Шванвич был сын кронштадтского коменданта, разбившего некогда палашом, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского)»; «Шванвич один был из хороших дворян» (Пушкин, 1940: 375). То есть Михаил Шванвич – потомственный дворянин, представитель старинного и известного дворянского рода. Однако столь краткие выдержки из «Замечаний...» не дают истинного представления о ходе мыслей Пушкина в работе над пугачевской темой в «Истории...», а позже и в «Капитанской дочке», что и требует привлечения цитат в более полном виде.

В «Замечаниях» к «Истории пугачевского бунта» Пушкин сообщает: «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны. (NB. Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать

¹ Известна острая полемика о дворянстве, инициированная Пушкиным в 1830-х гг. на страницах «Литературной газеты» и «Северной пчелы». Сам Пушкин размышлял об этой проблеме в конспективных набросках «О дворянстве» (1830–1835).

и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева. Шванвич один был из хороших дворян)» (Пушкин, 1940: 375).

Развернутая цитата позволяет понять, что Пушкин видел временное усиление пугачевских масс в присоединении к ним «приказных и чиновников» и «выслужившихся из солдат офицеров», т.е. «новых» дворян, класс которых в XVIII в. (к счастью, по Пушкину) был «еще малочислен». Для Пушкина это «правило» могло иметь исключения (образ капитана Миронова и верных ему «инвалидов»), но общее направление тенденции было именно таково¹. По наблюдениям Пушкина, предателями и перебежчиками становились не «почтенные» дворяне, но «выскочки» (именно эта мысль пронизывает документальное повествование «Истории пугачевского бунта», «Примечания» ней и «Замечания о бунте»).

Между тем о Шванвиче известно, что он был родовым дворянином, и это обстоятельство как будто бы рушит предложенную оппозицию новый ↔ старый. Однако историческая личность Михаил Шванвич и вымышленный персонаж Алексей Швабрин суть не одно и то же лицо, переключка фамилий могла иметь значение для писателя, но исключительно «фонетическое». Пушкин воспользовался звуковым сходством фамилии немецкого происхождения с корнем Schwan- и русского слова «швабра» в стремлении актуализировать «сниженную» семантику последнего (грязь, мусор). Хотя для превосходно образованного Пушкина было очевидно, что значение корня фамилии Шванвич означает «лебедь» (англ. *swan*). Подобие фамилий прототипа и литературного персонажа — мнимое, обманчивое.

Найти разумную (или хотя бы допустимую) мотивацию перехода старинного дворянина на сторону бунтовщиков древний шестисотлетний аристократ Пушкин не мог. Заметим, как и его родовитые современники. Так, В.Ф. Одоевский в письме к автору романа писал: «Пугачев чудесен, он нарисован мастерски. Швабрин набросан прекрасно, но только набросан; для зубов читателя *трудно пережевать его переход из Гвардии Офицера в сообщники Пугачева* <...> Покаместь Швабрин для меня имеет много нравственно-чудесного; может быть, как прочту в 3-й раз, лучше пойму» (Пушкин, 1949а: 236; курсив мой. — О.Б.). И поскольку найти правдоподобной и глубинной мотивации перехода Швабрина на сторону Пугачева благородный Пушкин не мог, у него оставался только один ход — умолчать об истинной причине предательства Швабрина (может быть, не только из трусости, но и из-за любви к Маше) и замолчать происхождение Швабрина (все сведения о герое косвенные, с чужих слов). Так, Марья Ивановна, вспоминая о сватовстве Алексея Ивановича, скажет, что он «хорошей фамилии». Однако (может быть) правы комментаторы, когда не доверяют суждению Маши: «...надо полагать, что капитанской дочке Маше Мироновой, отец которой был из солдатских детей, *любой дворянин* мог представляться человеком хорошей фамилии» (Гиллельсон, Мушина, 1977: 112; курсив мой. — О.Б.). И в этом исследователь очень близок к истине. Таким образом, Шванвич может быть назван прототипом Швабрина с целым рядом существенных оговорок, а родовитость Швабрина в отсутствие доказательств может быть признана сомнительной.

Между тем косвенным указанием на новое дворянство Швабрина, как ни парадоксально, может служить его «близость» реальному Шванвичу, а через него — Алексею Орлову. Пушкин помнил (и даже записал в черновиках «Замечаний о бунте») знаменитую историю о хмельной трактирной драке и ударе Шванвича-старшего палашом по щеке Алексея Орлова. В том же замечании Пушкин сообщал, что после разгрома пугачевской вольницы именно граф А.Г. Орлов просил о помиловании молодого Шванвича перед новой государыней Екатериной. Таким образом, в сознании Пушкина фамилии Шванвич и Орлов, несомненно, были прочно связаны, и эта связь бросала отблеск на пару Шванвич — Швабрин, невольно перенося негативные коннотации с реальных лиц на вымышленные образы. Как помним, в «Моей родословной» Пушкин писал: «Попали в честь тогда Орловы, / А дед мой в крепость, в карантин...» («новые» Орловы противопоставлены «старым» Пушкиным). То есть новое дворянство Орловых оказывалось где-то совсем рядом с образом буюна и «дуэлиста» Швабрина.

¹ Поэтому согласиться с суждением Ю. Лотмана, что в романе Пушкин объединил «всех дворян, без различия их идейно-интеллектуального уровня, степени свободолюбия или сервилитета», вряд ли возможно (Лотман, 1988: 107–124).

Последнее наблюдение дает основание предположить, что при создании образа предателя Швабрина Пушкин мог в объяснении низости поступков героя-дворянина исходить из отсутствия в его роду «старинных» корней, т.е. допуская для читателя возможность «заподозрить» его «новое» дворянство. Потому, если о судьбе обвиненного Гринёва известно, что его должна была постигнуть «примерная казнь», но «из уважения к заслугам и преклонным летам отца» императрица повелела сослать осужденного «в отдаленный край Сибири», то о наказании Швабрина Пушкин (вновь) умалчивает. Между тем в «Замечаниях...» к «Истории пугачевского бунта» Пушкин-историк передает выразительный эпизод «гражданской казни» дворянина Шванвича: был «ошеломлен преломлением над головою шпаги» (Пушкин, 1950: 374). Отказ от использования столь выразительной детали в тексте романа может быть расценен как невозможность найти другие мотивы перехода Швабрина в стан врага, как только непрочность его корней. По сведениям Пушкина, «множество из сих последних были в шайках Пугачева...» (Пушкин, 1950: 375).

Однако если отодвинуть мысль о «случайном» происхождении Швабрина и довериться суждению Маши Мироновой о «хорошей фамилии» героя, то динамика взаимоотношений пары «Гринёв ↔ Швабрин» обретает в этом контексте еще большее напряжение и остроту – внутреннюю, нравственную, психологическую (что еще точнее соответствует таланту Пушкина).

Из истории создания «Капитанской дочки», тщательно и многоаспектно исследованной, известно, что черновые планы романа Пушкина включали в себя различные сюжетные перипетии и образ центрального героя от наброска к наброску менял фамилии: Шванвич, Башарин, Валуев, Буланин, Зурин, наконец, Гринёв. Причем в конспективных планах центральный персонаж повествования неизменно оставался единственным, и он вбирал в себя черты характера (и поступки) как Гринёва, так и Швабрина из окончательной редакции романа. Например, в одном из набросков «цельный» герой оказывался в стане бунтовщиков в попытке спасти свою возлюбленную (функция Гринёва, хотя отчасти и Швабрина) или, например, герой, приставший к пугачевцам, избавлял от пленения бунтовщиками его отца (Гринёв из романной «Пропущенной главы») или спасал соседа отца (функция, не нашедшая отражения в окончательном варианте романа). То есть герой по фамилии Шванвич (или др.), казалось бы, будущий подлец Швабрин, вбирал в свой образ коннотации позитивные, аккумулировал черты характера неоднозначного, сложного и противоречивого.

Однако форма мемуара, сознательно избранная для воплощения нарративной интенции героя-рассказчика, вряд ли (по представлениям Пушкина) могла вобрать в себя и выявить все драматические антиномии человеческой личности. Пафос дневникового повествования — о себе и собственных воспоминаниях — с неизбежностью должен был носить избирательный характер, односторонний, субъективный. Психологическая селективность подобного явления была знакома Пушкину, многократно прибегавшему в работе над историческим материалом к дневниковым записям (в том числе и в работе над «Капитанской дочкой» — к воспоминаниям И.И. Дмитриева, Г.Р. Державина, И.А. Крылова и др.). И, следовательно, вряд ли можно согласиться с Г.П. Макогоненко, что дневниковая форма повествования обеспечивала Пушкину объективность свидетельских показаний и оценок Гринёвым существа крестьянского восстания и истинности характера его предводителя. Скорее наоборот — Пушкин потому и избирал форму частных записок, чтобы аргументально задать ракурс личности оценок, их выборочности, необъективности. С одной стороны, это защищало издателя от цензурных претензий («изменившаяся» по сравнению с «Историей...» точка зрения на Пугачева принадлежала не Пушкину, но Гринёву), с другой стороны — именно «чужая» дневниковая форма наррации позволяла Пушкину выявить субъективную точку зрения рассказчика (и на ее фоне акцентировать объективированную точку зрения издателя). План выражения и план содержания в одной и той же точке совпадали и не совпадали, высказываемые сентенции были гринёвскими и пушкинскими одновременно — но, что особенно важно, нередко различными¹.

¹ Поэтому вряд ли можно согласиться с Ю. Оксманом, что «расщепление образа дворянина» было связано с тем, чтобы «обеспечить прохождение “Капитанской дочки” в печать» (Оксман, 1959: 76).

Субъективизм рассказчика дополнялся и корректировался объективизмом издателя, но и объективность последнего подвергалась психологической ревизии со стороны субъективности первого.

Благодаря избранной нарративной форме сложный и противоречивый характер единого и цельного романного героя дробился на два образа дневниковые, с доминантными и, как следствие, упрощенными чертами, опосредованными преобладающей в повествовании личностно-субъективной аксиологией персонажа-рассказчика. Потому часто критикуемая и опровергаемая пушкинистами, кажущаяся несправедливой оценка «Капитанской дочки», данная некогда В.Г.Белинским, при здоровом размышлении оказывается допустимой и оправданной. Если отбросить формальную резкость критика-демократа, то можно принять его по существу верную оценку – замечание о «бесцветности» характера Гринёва и Маши Мироновой и о «мелодраматизме» образа Швабрина¹. Правда, последнее качество в тексте романа скорее в большей степени реализуется в образах двух молодых влюбленных героев – Маши и Петруши, тогда как мелодраматизм Швабрина редуцируется, лишь угадывается, но не прописывается.

Так, едва ли не в каждом эпизоде, где появляется юная Маша Миронова, ее образ сопровождается черточками героини отлитературной – сентиментальной и мелодраматичной, чувствительной и сердечно изнеженной. Ни в одной из сюжетных картин Маша не выглядит героиней полноцветной или яркой – она везде «бледная и трепещущая», «бледная, худая».

В рассказе Василисы Егоровны о жизни в крепости: «До сих пор не может слышать выстрела из ружья, так и затрепещет...» (Пушкин, 1948: 298).

При выстреле из пушки – «<...> чуть со страха на тот свет не отправилась», «оглушенная залпом, она казалась без памяти...» (Пушкин, 1948: 323).

При известии о приближении вражеской силы – «ни жива, ни мертва» (Пушкин, 1948: 323).

При встрече с возлюбленным – «Увидя меня, она вздрогнула и закричала» и вскоре «упала без чувств» (Пушкин, 1948: 356).

Поистине в героине жизни нет – она явное порождение сентиментального литературного XVIII века, аллюзия-проекция к карамзинской «бедной Лизе».

В сентиментальности и елейности, присущей персонажам чувствительно-сентиментальной литературы конца XVIII в. (Н.М.Карамзин, В.А.Жуковский, братья Тургеневы и др.), пушкинской героине не уступает герой. В манере и тональности дневникового изложения Гринёв-рассказчик предстает выразительным карамзинистом, с присущим последнему «внутренним человеком», окруженным атмосферой чувствительного морализирования и пристальным вниманием к движению «сердца и воображения» (ср. об Эрасте из «Бедной Лизы» – «добрый и ласковый барин», «ласковый, пригожий», «он взглянул на нее с видом ласковым...»).

В тексте романа о чувствительных любовных стишках Гринёва (сентиментальных в духе Третьяковского) говорит Швабрин. Но в пространстве романной жизни, в текстовой реальности повествования поведение Гринёва не в меньшей степени пронизано и карамзинской сентиментальностью (отчасти и поэтическими сантиментами Жуковского). Так, перед приступом крепости герой прощается с капитанской дочкой и произносит трогательные слова: «Прощай, мой ангел <...> прощай, моя милая, моя желанная! Чтобы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» (Пушкин, 1948: 320). Вскоре герой-рассказчик дополняет чувствительность образа: «Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил ее из ее рук, как бы в защиту моей любезной! Я воображал себя ее рыцарем...» (Пушкин, 1948: 322). Оказавшись в комнате Маши после приступа пугачевцев, не удержался от поэтической риторики: «Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи?...» И далее: «Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной...» (Пушкин, 1948: 327) Потому

¹ «Ничтожный, бесцветный характер героя повести и его возлюбленной Марьи Ивановны и мелодраматический характер Швабрина хотя принадлежат к резким недостаткам повести, однако ж не мешают ей быть одним из замечательных произведений русской литературы» (Белинский, 1955: 577).

ожидаемо поведение возлюбленных при встрече после долгой разлуки: «Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали...» (Пушкин, 1948: 357).

Однако карамзинская сентиментально-чувствительная повесть обернулась (развернулась) у Пушкина в гриневском журнале иной фабульной стороной – по сути сентиментальной, но полярно трансформирующей знакомую карамзинскую развязку, доводя трогательно-чувствительные воспоминания до счастливого конца.

Очевидно, что если рассказчик Гринёв мог не осознавать столь нагнетаемой сентиментальной избыточности, то от издателя такая насыщенность текста сантиментами ускользнуть не могла. Пушкин и обнажает мелодраматизм образов героев (нарративный дискурс Гринёва), и иронизирует на этот счет (дискурсивный ракурс издателя), акцентируя тем самым дихотомию: любовная фабула составляет стержень дневниковой наррации, но не романной.

Иными словами, избранная форма записок-мемуара, создаваемых Гринёвым для благодарных потомков (один из вариантов начала записок: «Любезный друг мой Петруша! Часто рассказывал я тебе некоторые происшествия моей жизни...»¹), диктовала Пушкину известную облегченность характеров мемуарных персонажей, некоторую упрощенность и даже сказочность тех перипетий, в которых они оказываются.

Однако, как бы то ни было, упреки (в том числе Белинского) в непрописанности характеров Маши и Петруши, замечания о недостаточности литературного мастерства и недаровитости повествователя должны быть отнесены (сознательно отнесены писателем) к герою-рассказчику, но не к герою-издателю. Последний оказывался «над» текстом наивного прапорщика (или отставного военного) Петра Гринёва и позволял читателю разглядеть сложность характеров персонажей в чертах, не только выделяемых мемуаристом, но и формирующихся межстрочно (подтекстово). Активно эксплуатируемый ранее Пушкиным, например, в «Повестях Белкина», прием авторской (сюжетной) маскировки позволял писателю «каждый момент рассказа <ощущать> в двух планах: в плане рассказчика, в его предметно-смысловом и экспрессивном кругозоре, и в плане автора, преломленно говорящего этим рассказом и через этот рассказ» (Бахтин, 1975: 127). План восприятия дневникового мемуариста принципиально не совпадал с планом осмысления событий романным издателем.

Так, знакомство с Алексеем Ивановичем Швабриным происходит в третьей главе романа – «Крепость», впервые заочно, когда Василиса Егоровна сообщает приехавшему Гринёву: «Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство...» (Пушкин, 1948: 295). Появление Гринёва в Белогорской крепости Иваном Игнатьичем, старым инвалидом, тоже предположительно связывается с дуэлью: «А смею спросить <...> зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон? <...> Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки...» (Пушкин, 1948: 295) То есть оба молодые героя а priori связываются между собой понятием дворянской чести — реальным или предполагаемым («чаемым») участием в дуэли, в поединке чести.

Близости героев служит и название поэтических учителей Швабрина и Гринёва, с одной стороны, фактически снимая полярную антитезу между ними, с другой – усиливая ее. Вспоминая о своем поэтическом даре, Гринёв пишет: «Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалил...» (Пушкин, 1948: 300) Подобным же образом (почти симметрично и композиционно рядом) Швабрин назовет своим учителем Тредиаковского: «Такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского, и очень напоминают мне его любовные куплеты...» (Пушкин, 1948: 300) (затекстово проступает и собственно пушкинское: «Старик Державин нас заметил...»). Имена Тредиаковского и Сумарокова оказываются рядом, и хотя современникам Пушкина было (еще) памятно противостояние, существовавшее между выдающимися классиками XVIII в. (по предмету «филологическое», но по сути и личное), однако оба оставались высочайшими авторитетами в литературе XIX в., оба воспринимались оппонентами по отношению к официальному («высокому») стилю Ломоносова и по праву числились «образцовыми». Называние имен Тредиаковского

¹ Из вступления к «Капитанской дочке», которое не вошло в основной текст романа (Пушкин, 1940: 927).

и Сумарокова подчеркивает «парную» литературную образованность молодых героев и в какой-то мере «уравнивает» (уравновешивает) их образы, допуская поэтический («нежный») талант не только в рассказчике-мемуаристе, но и в Швабрине. Так, о хорошем литературном вкусе антагониста свидетельствует его суждение о поэтических опытах Гринёва. Швабрин прав, когда осмеивает действительно до наивности сентиментальные и второсортные стишки влюбленного Гринёва (опрошенные и оглушенные в том числе и в результате тех изменений, что были внесены Пушкиным в оригинальный текст: «...ах, Маша...», «Сжался, Маша...» и др.)¹.

Но в именах литературных учителей героев заложено и еще одно представление, уже не сближающее, а разделяющее героев. Сегодня едва ли кто помнит о том, что Третьяковский не был дворянином (родом из семьи астраханского священника), Сумароков, наоборот, происходил из родовитой дворянской семьи, и потому на страницах «Трудолюбивой пчелы» немалое место занимали его всегдашние рассуждения о дворянском сословии и положении крестьян. Опосредованно, но «родословные» наставников бросают ответ на молодых героев и заставляют вспомнить о «новом» и «старом» дворянстве.

Последнее замечание не лишено смысла, так как в заметках «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830) Пушкин прямо писал о том, что «большая часть наших литераторов» представляет собой «старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного...» (Пушкин, 1949: 173) Легко сопоставить: о Гринёве издатель в финале сообщит, что потомство его «благоденствует в Симбирской губернии», в одном из сел, «принадлежащем десятерым помещикам», т.е. в одном из «раздробленных имений» (Пушкин, 1948: 374). И наоборот, о новом дворянстве в «Опыте...» Пушкин говорит, что «по большей части» оно и составляет «нашу знать», «истинную, богатую и могущественную аристократию...» (Пушкин, 1949: 173). Вспомним, что о Швабрине в романе сказано, что его семья «имеет состояние». То есть даже в раздумьях о литературе Пушкин не оставлял мысли о «различиях в дворянстве», а следовательно, упоминание Третьяковского и Сумарокова было неслучайным и намеренно проецировалось на молодых героев, которые «занимались литературой» и чьи поэтические опыты «для тогдашнего времени были изрядны».

Весьма любопытно, что портрет Швабрина вбирает в себя удивительно знакомые (как ни парадоксально – пушкинские) черты: «...ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. “Извините меня”, – сказал он мне по-французски...» (Пушкин, 1948: 296). Суммарность и множественность индивидуализирующих черт Швабрина далеко уводят от известного портрета реального Михаила Шванвича, оставленного современниками, но указывают на совершенно иной «прототип». О новом знакомом Гринёв пишет: «Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца...» (Пушкин, 1948: 296). Позитивная коннотация образа Швабрина очевидна, его загадочная личность словно бы несет в себе следы (рудименты) того единого образа, который остался в планах Пушкина. Более того, влюбленный в Машу Швабрин (как и Гринёв) дважды благородно уберегает Машу от грозящих ей неприятностей – в первый раз, не выдав Машу при взятии крепости пугачевцами (в данном случае даже от смерти), во второй – не упомянув ее имени во время следствия над изменниками.

И наоборот, «положительный» Гринёв (заметим, тоже наделенный узнаваемой чертой: «грыз перо в ожидании рифмы») обнаруживает подвижность в степени ответственности и преданности его гражданскому долгу (и чести), например, в тех эпизодах, когда (подобно Швабрину, влюбленный и желающий спасти Машу) герой самовольно оставляет Оренбург и отправляется в Берду в поисках помощи у Пугачева. Прочтя правительственную бумагу, «секретный приказ» об аресте, полученный Зуриным, Гринёв

¹ В. Чернышевым установлено, что Пушкин приписал Гринёву стихотворение, заимствованное им из «Нового и полного собрания российских песен» (М., 1780) и частично измененное. «Конечно, Пушкин мог узнать данную песню и не по сборнику Новикова, но познакомиться с ней в живом употреблении: напр., в пении дворовых или мещан», – пишет В. Чернышев (Чернышев, 1904: 26).

понимает, что «приятельские сношения <его> с Пугачевым <...> должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными» (Пушкин, 1948: 366). Видимость вины осознает сам герой, тем более виновным он предстает в глазах очевидцев и особенно чиновных следователей. Вопрос: «Отчего произошла такая странная дружба <с бунтовщиком> и на чем она основана...» (Пушкин, 1948: 367) – имеет прочный базис.

Заметим, что, «направляя» героя в Берду, в пугачевскую ставку, Пушкин от рукописи к рукописи меняет поведенческий импульс персонажа, мотивацию обращения Гринёва к злодею – и этот субъектный контекст симптоматичен. По черновикам известно, что в одном варианте главы «Мятежная слобода» Пушкин говорит о продуманном намерении героя обратиться за помощью к главарю бунтовщиков, в другом – о случайности попадания Петруши в стан к мятежникам. Колебания в модальной установке автора опосредуют неустойчивость позиции (в том числе и) центрального персонажа – писатель вместе с героем словно бы сомневается, раздумывает, выбирая тот или иной путь. И оба пути для героя (и для писателя) оказываются гипотетически возможными. Как и в случае с Швабриным, Пушкин «утаивает», каким мог бы быть план сознательного и целенаправленного обращения Гринёва к Пугачеву, каковой могла бы быть его цена. Но по сути, в такой проекции Гринёв оказывался симметрично подобен Швабрину, его намерение обратиться к Пугачеву было продуманным и осознанным, хотя, по его словам, и «странным». И несмотря на то, что в конечном итоге Пушкин выбирает «случай», знаменательно, что вариант сознательного обращения Гринёва за помощью к бунтовщику допускался писателем. И в образе Швабрина, и в образе Гринёва Пушкин искал мотив перехода на другую сторону, но не обличал (подобно Гринёву) неясную и непонятную позицию оппонента.

В отличие от Швабрина Гринёв не опускается до непростительной низости, не вступает в ряды пугачевцев, но его поведение объективно порочно (до известной меры – как и поведение Швабрина). Его арест и последующий процесс над ним объективно объяснимы и оправданны (именно поэтому Маша просит у государыни милости, а не правосудия). Члены следственной комиссии не сомневаются в вине Гринёва, сторонние свидетельства (доказательства) его связи с Пугачевым очевидны. Однако форма мемуара-дневника, повествование от первого лица, нюансировка субъективных мотиваций, которые выдвигает сам участник событий и которые он же субъективно интерпретирует, «спасает» и «оправдывает» рассказчика: фактически герой сам себя обеляет.

Можно представить, что, если бы повествование вел не Гринёв, а некое другое лицо (или даже независимый нарратор), акценты в воспоминаниях могли бы быть смещены, аксиология поступков героя со всей определенностью складывалась бы иначе. Поэтому, на наш взгляд, безупречна окончательная версия романа, в которой Пушкин не дает объяснения (устами Гринёва) скрытым мотивам поступков Швабрина – субъективная тайна его устремлений остается с ним. Негативный пафос оценочных суждений, которые сопровождают образ Швабрина, есть следствие взгляда малоопытного и наивного Гринёва, а не мудрого писателя (издателя). Иначе интерпретировать персонажную пару «Гринёв – Швабрин» значит обеднять роман Пушкина.

Между тем в тексте дневника-мемуара повествователем обрисовывается множество эпизодов, которые безапелляционно очерняют образ Швабрина – наветы на Машу, мстительность и зависть, подлость, проявленная во время дуэли, переход на сторону повстанцев, доносы... Однако относительно последних – доносов – дело в романе тоже обстоит непросто. Например, Гринёв уверен, что письмо родителям о дуэли написал Швабрин («Подозрения мои остановились на Швабрине...»), предполагая, что «он один имел выгоду в доносе» (возможный перевод Гринёва в другую крепость, удаление его от Маши). Между тем в тексте романа так и не выявлено, кто же из героев написал письмо, чтобы «помутить сына с отцом» – наоборот, Пушкин сообщает, что первоначально Петруша обвинял в этом Савельича и был уверен в своей правоте, но, как оказалось позже, герой ошибался, преданный дядька не писал письма хозяевам («Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением» (Пушкин, 1948: 310)). Герой оскорбил подозрением Савельича, которого знал с младенчества, но подобная ошибка могла произойти и в случае с Швабриным (доказательств на этот счет в тексте нет). То есть Пушкин так искусно строит романное

повествование, что почти любое из свидетельств Гринёва в конечном счете может быть поставлено под сомнение. Вспомним начало романа, главу II, где юный герой самоуверенно не прислушивается к предупреждению возникшего по поводу приближающейся бури: «...ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно...» (Пушкин, 1948: 287) – и ошибся. Или в другом случае: «Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающего ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и воду» (Пушкин, 1948: 294) – и вновь ошибся. И такого рода «обманных» предчувствий у Гринёва множество. То есть сомнению могут быть подвергнуты многие чувствования и подозрения Гринёва и, как следствие, оценки им поступков (и личности) Швабрина. Так, например, читателю очевидно, что Гринёв категорически неверно характеризует чувства Швабрина к Маше: если мемуарист определяет ее как «невинный предмет его <швабринской> ненависти», то читателю очевидно, что дочь капитана Миронова – предмет искренней, полной глубокого драматизма любви Швабрина. Пушкин (= издатель) неизменно ставит под сомнение суждения и оценки Гринёва, тем самым раздвигая морализаторские рамки его аксиологии.

4. Заключение

Предложенные утверждения не направлены к тому, чтобы обелить личность или оправдать поведение героя Алексея Швабрина, в конечном итоге все-таки сводящиеся в тексте Гринёвских мемуаров к негативной оценке. Однако пушкинское умение сохранить емкость характера отдельного персонажа, отказаться от примитивного классицистического деления на положительных и отрицательных героев, способность предположить (разглядеть) в разных характерах антиномичные свойства, обогащает восприятие романа (и образа Швабрина в том числе).

Литература

- Бахтин, 1975 – Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Белинский, 1955 – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1955. 740 с.
- Белинский, 1956 – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. М.: АН СССР, 1956. 474 с.
- Блок, 1940 – Блок Г.П. Путь в Берду (Пушкин и Шванвич) // Звезда. 1940. № 10. С. 211–214.
- Богданова, 2019 – Богданова О.В. «...невольник чести»: «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Сер. «Анализ литературного произведения». Вып. 103–104. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2019. Ч. 1. 46 с.; Ч. 2. 38 с.
- Гиллельсон, Мушина, 1977 – Гиллельсон М.И., Мушина И.Б. Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.
- Гуковский, 1957 – Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Художественная литература, 1957. 416 с.
- Измайлов, 1960 – Измайлов Н.В. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. III. Л.: Наука, 1960. С. 438–454.
- Лотман, 1988 – Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
- Лотман, 1999 – Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 847 с.
- Макогоненко, 1977 – Макогоненко Г.П. «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Л.: Художественная литература, 1977. 112 с.
- Овчинников, 1981 – Овчинников Р.В. Над Пугачёвскими страницами Пушкина. М.: Наука, 1981. 160 с.
- Овчинников, 1991 – Овчинников Р.В. Записи Пушкина о Шванвичах // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л.: Наука, 1991. С. 235–245.
- Оксман, 1959 – Оксман Ю.Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов: Саратовское книжное издательство, 1959. 316 с.
- Петров, 1953 – Петров С.М. Исторический роман А.С. Пушкина. М.: Наука, 1953. 157 с.

- Петрунина 1987** – *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина. Л.: Наука, 1987. 335 с.
- Пушкин, 1948** – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 496 с.
- Пушкин, 1940** – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 927 с.
- Пушкин, 1949** – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 600 с.
- Пушкин, 1949а** – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 16. М.: АН СССР, 1949. 503 с.
- Пушкин, 1950** – *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 488 с.
- Чернышев, 1904** – *Чернышев В.* Заметка к Пушкину: Происхождение песенки Гринёва «Мысль любовну истребляя» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1904. С. 25–26.

References

- Bahtin, 1975** – *Bahtin M.M.* (1975). Voprosy literatury i jestetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 504 p. [in Russian]
- Belinskij, 1955** – *Belinskij V.G.* (1955). Polnoe sobranie sochinenij. [Complete works]. Vol. 7. Moscow: USSR Academy of Sciences, 740 p. [in Russian]
- Belinskij, 1956** – *Belinskij V.G.* (1956). Polnoe sobranie sochinenij. [Complete works]. Vol. 10. Moscow: USSR Academy of Sciences, 474 p. [in Russian]
- Blok 1940** – *Blok G.P.* (1940). Put' v Berdu (Pushkin i Shvanvich) [The pass to Berda (Pushkin and Shvanvich)]. *Zvezda*. № 10. pp. 211–214. [in Russian]
- Bogdanova, 2019** – *Bogdanova O.V.* (2019). «...nevol'nik chesti»: «Kapitanskaja dochka» A.S. Pushkina [“...slave of honor”. “Captain’s daughter” of A.S. Pushkin]. Ser. «Literary analysis». Is. 103–104. Saint-Petersburg: Philology Department of St. Petersburg State University. Part. 1. 46 p.; Part. 2. 38 p. [in Russian]
- Gillel'son, Mushina, 1977** – *Gillel'son M.I., Mushina I.B.* (1977). Povest' A.S. Pushkina “Kapitanskaja dochka”. Kommentarii [A.S. Pushkin’s novel “Captain’s daughter”. Comments]. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 192 p. [in Russian]
- Gukovskij, 1957** – *Gukovskij G.A.* (1957). Pushkin i problemy realisticheskogo stilja [Pushkin and the problems of realistic style]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ., 416 p. [in Russian]
- Izmajlov, 1960** – *Izmajlov N.V.* (1960). Ob arhivnyh materialah Pushkina dlja “Istorii Pugacheva” [About archival materials of Pushkin for “History of Pugachev”]. Pushkin: Issledovanija i materialy [Pushkin: Research and materials]. Vol. III. Leningrad: Nauka Publ., pp. 438–454. [in Russian]
- Lotman, 1988** – *Lotman Ju.M.* (1988). V shkole pojeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol' [The schooling of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: Prosveshhenie Publ., pp. 107–124 [in Russian]
- Lotman, 1999** – *Lotman Ju.M.* (1999). Pushkin. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb, 847 p. [in Russian]
- Makogonenko, 1977** – *Makogonenko G.P.* (1977). “Kapitanskaja dochka” A.S. Pushkina [“Captain’s daughter” of A.S. Pushkin]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ., 112 p. [in Russian]
- Ovchinnikov, 1981** – *Ovchinnikov R.V.* (1981). Nad Pugachjovskimi stranicami Pushkina [On the pages of Pushkin’s Pugachev]. Moscow: Nauka Publ., 160 p. [in Russian]
- Ovchinnikov, 1991** – *Ovchinnikov R.V.* (1991). Zapisi Pushkina o Shvanvichah [Notes of Pushkin about Swanwiches]. Pushkin: Issledovanija i materialy [Pushkin: Research and materials]. Leningrad: Nauka Publ. Vol. 14, pp. 235–245 [in Russian]
- Oksman, 1959** – *Oksman Ju.G.* (1959). Ot “Kapitanskoj dochki” k “Zapiskam ohotnika” [From “Captain's daughter” to “Notes of the hunter”]. Saratov: Saratov Book Publishing House, 314 p. [in Russian]

- Petrov, 1953** – *Petrov S.M.* (1953). Istoricheskij roman A.S. Pushkina [Historical novel by A.S. Pushkin]. Moscow: Nauka Publ., 157 p. [in Russian]
- Petrunina, 1987** – *Petrunina N.N.* (1987). Proza Pushkina [The prose of Pushkin]. Leningrad: Nauka Publ., 335 p. [in Russian]
- Pushkin, 1948** – *Pushkin A.S.* (1948). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 16 vol. Vol. 8. P. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 496 p. [in Russian]
- Pushkin, 1940** – *Pushkin A.S.* (1940). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 16 vol. Vol. 8. P. 2. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 927 p. [in Russian]
- Pushkin, 1949** – *Pushkin A.S.* (1949). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 16 vol. Vol. 11. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 600 p. [in Russian]
- Pushkin, 1949a** – *Pushkin A.S.* (1949a). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 16 vol. Vol. 16. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 503 p. [in Russian]
- Pushkin, 1950** – *Pushkin A.S.* (1950). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 16 vol. Vol. 9. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 488 p. [in Russian]
- Chernyshev, 1904** – *Chernyshev V.* (1904). Zаметка k Pushkinu: Proiskhozhdenie pesenki Grineva “Mysl' lyubovnu istreblyaya” [Note to Pushkin: the Origin of the song Grinev “Thought lovingly destroying”]. Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya [Pushkin and his contemporaries: materials and research]. Is. 2. St. Petersburg: Komis. dlya izd. soch. Pushkina pri Otd-nii rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk, pp. 25–26. [in Russian]

Проблемы современной интерпретации классических текстов («Капитанская дочка» А.С. Пушкина в школе и в вузе)

Ольга Владимировна Богданова ^{а, *}

^а Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Российская Федерация

Аннотация. В предлагаемой статье на примере текста романа А.С. Пушкина «Капитанская дочка» демонстрируется, как в современных условиях меняются аксиологические ракурсы классических литературных произведений, как в современной школе может быть более интересно и более глубоко интерпретирован перед учащимися или студентами хрестоматийный материал, многократно исследованный и подвергнутый осмыслению в разные годы. Так, в статье в частности рассматриваются образы центральных персонажей пушкинского романа – Петра Гринёва и Алексея Швабрина – и показано, как из цельного образа первоначально единственного в рукописях Пушкина героя выделились два образа-персонажа – Гринёв и Швабрин. Однако в противовес существующей традиции, которая рассматривает данных героев «Капитанской дочки» как героев-антагонистов, в данной работе эти образы квалифицируются как герои-двойники, имеющие общий идейный корень. В ходе исследования показано, что образ Гринёва несомненно несет в себе черты автобиографического героя, например, в тех обстоятельствах, когда в первой главе романа ведется повествование о детстве центрального героя. Однако прежде исследователи не обратили внимание на то обстоятельство, что и образ Швабрина сопровождают портретные детали и черты, которые имеют связь с личностью реального Пушкина, создателя романа. Так, например, при первом появлении героя перед Гринёвым (и читателем) обращают на себя внимание характерные приметы пушкинского портрета (вьющиеся темные волосы, темный цвет кожи, невысокий рост, беглое владение французским языком, живость характера). По мере развития действия романа становится ясно, что писатель намеренно наделяет героев сходными чертами, фактически уравнивает и уподобляет персонажей, обнаруживая противоречивость характера каждого из них, ставя их в сходные ситуации, сталкивая в одном конфликте – «любовном треугольнике». Тем

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: olgabogdanova03@mail.ru (О.В. Богданова)

самым Пушкин фактически демонстрирует приемы автопсихоанализа: посредством образов парных персонажей автор дезавуирует двойственность натуры каждого человека, обнаруживает двойственные порывы внутри личности одного человека, каждого из нас (в том числе и себя). Форма повествования в романе – мемуары, дневник, воспоминания – подтолкнула автора к тому, чтобы единый и цельный образ сложного героя распался в итоге на два упрощенных образа, представших в сознании героя-повествователя более понятными восприятию персонажа-недоросля Петруши Гринёва. Последнее утверждение не означает, что Пушкин собирался обелить личность или оправдать поведение героя Алексея Швабрина, в конечном итоге все-таки сводящиеся в тексте мемуаров к негативной оценке, однако пушкинское умение сохранить емкость характера отдельного персонажа, отказаться от примитивного классицистического деления на положительных и отрицательных героев, способность предположить (разглядеть) в разных характерах антиномичные свойства, обогащает восприятие романа (и образа Швабрина в том числе).

Ключевые слова: русская литература XIX века, А.С. Пушкин, роман «Капитанская дочка», дихотомия образа, парность персонажей, субъективизм наррации.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 108-119

DOI: 10.13187/rs.2019.2.108
www.ejournal15.com

Attribution of the Property Status of the Don Officers and Cossacks by the Don Military Structures in Early 19th century

Andrei V. Venkov ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
 Russian Federation

Abstract

In 1805, during the war with Napoleon, a Russian landing detachment was sent to the coast of Pomerania, but was caught in a storm, and some of the ships sank. Among the drowned, there were 92 Don Cossacks. The emperor Alexander I decided to compensate for the losses of the families of the victims and asked the leadership of the Don Cossacks, what could be the amount of compensation. The Don leadership requested the local authorities, and they gave a report about the property of the deceased Cossacks and their families. Based on these data, the Don Cossacks governing body gave a characteristic of the described farms – “completely poor”, “poor”, “insufficient”, “mediocre” and “sufficient”. The proposed article compares the property of the Cossack families and the characteristics that the Don Cossack leaders gave them in order to determine what criteria they were guided by in determining the level of the economy. It turned out that they accounted the number of cattle, sheep, the availability and quality of housing, the number of children and able-bodied men in the family, the number of horses allowing the Cossacks to gather for service, and the presence of an orchard or grape garden. Assessing the property status of the family, the military administration proceeded from practical considerations – the possibility of feeding the family and the opportunity to gather for service. The Don Officers and the Don Cossacks in the property relation were estimated by uniform criteria.

Keywords: Don Cossacks, property, criterion, the beginning of the XIX century, State archive of the Rostov region.

1. Введение

В Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) хранится дело, в котором содержатся интересные материалы, касающиеся имущественного положения донских казаков в начале XIX в. и способов его определения. Называется оно «Дело об утонувших на берегах Курляндии казаках полка майора Фролова 1-го» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132).

В апреле 1806 г. донской войсковой атаман М.И. Платов получил письмо следующего содержания: «Милостивый государь Матвей Иванович!... Его Императорское Величество в намерении призреть семейства потонувших в прошлом году при берегах Курляндии десантного корпуса разных военных чинов, предписывал генерал-лейтенанту графу

* Corresponding author
 E-mail addresses: andrey_venk@rambler.ru (A.V. Venkov)

Толстому представить об них именной список. Ныне получа таковой о чинах Войска Донского казачьего майора Фролова 1-го полка, Государь император повелеть изволил препроводить оный к Вашему Превосходительству с тем дабы Вы к исполнению по изъясненному намерению Его Величества донесли, каковое приличнее с усмотрением нужд и настоящего положения семейств каждого из потонувших чинов, оказать им пособие» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 1).

К письму прилагалась копия «Списка Донского казачьего войска майора Фролова 1-го полка чиновникам, потонувшим на море во время усилившейся необычайной бури» и указывалось, что оригинал «за подписанием генерала Графа Толстова отправлен при представлении к г. военному министру». Список содержал фамилии трех офицеров (майора Фролова 1-го, сотника Попова, хорунжего Сахарова), трех урядников и 86 казаков. Итого – 92 человека (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 2–2 об.).

События, которые стали причиной этой переписки и последующих расчетов, становятся понятны из прошения капитана Ивана Григорьевича Мельникова, который тоже служил в полку Фролова 1-го, но во время бури спасся. В 1805 г., во время войны России и Австрии с Наполеоном, полк Фролова 1-го, ранее стоявший на границе с Пруссией, был послан в Ригу, а оттуда в рядах десантного корпуса на судах отправлен Балтийским морем в Шведскую Померанию, «к стороне острова Рюгена». 24 сентября в море начался сильный шторм. Капитан Мельников был выброшен на берег, но командир полка с рядом чиновников и казаков «сделался жертвою морского поглощения» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.).

М.И. Платову предстояло донести царю и в военное министерство, какое пособие назначить семьям утонувших «с усмотрением нужд и настоящего положения семейств». Военная экспедиция Войсковой канцелярии подготовила справку к 13 декабря 1806 г. Материалы были собраны сыскными начальствами 1-м и 2-м Донским, Аксайским, Усть-Медведицким и Хоперским – тех территорий, откуда были призваны казаки. Подготовившие справку учли, какое у утонувшего осталось семейство и имущество. Что касается семейства, то уточняли, есть ли братья или родители, есть ли дети, какого пола и возраста, жил ли утонувший с родителями или отдельно. Оценивалось имущество всей семьи утонувшего, если он жил с родителями, или то, что осталось, если он жил отдельно. (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 15–15 об.). На основании этой справки в декабре 1806 г. был составлен список (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16–21). Проведем его предварительный анализ.

Оставив на время имущественную оценку офицерского имущества, обратим внимание на урядников и казаков. Таковых 89:

- живших в семье с родителями и братьями, имевших совместное хозяйство – 53;
- живших отдельно или с матерью – 33;
- живших «в зятях» – 3.

Ситуация усложнялась тем, что Черкасская, Верхне-Курмоярская, Усть-Хоперская и Вёшенская станицы определили имущественное положение своих казаков, не указывая конкретно, что они имеют: имущества «достаточного» – 1; «посредственного» – 6; «малодостаточного» и «малоимущественных» – 5; «бедного» – 8.

Убрав из 89 казаков и урядников 20 казаков Черкасской, Верхне-Курмоярской, Усть-Хоперской и Вёшенской станиц, мы получим 69. Проанализируем положение, в котором жили оставшиеся после их гибели семьи.

Основа хозяйства – лошади, рогатый скот, овцы. Лишь в 1 семье указаны 2 вола, дающие возможность заниматься земледелием. Это показывает, что переход к земледелию у казаков в это время только наметился. Еще 4 семьи (Кочетовской и Ведерниковской станиц) указали, что кроме прочего имеют виноградные сады, а 2 семьи Кагальницкой станицы – яблоневые сады (но обе эти семьи не имели лошадей).

Из исследуемых 69 хозяйств 18, имея рогатый скот и овец, не имели лошадей; 1 семья из имущества имела лишь «жилой дом»; 1 семья имела рогатый скот, овец и лошадь, но «дома по бедности не имеется» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.); кроме того, просто не имели дома – 2 семьи, и 2 семьи указали, что «имущества не имеется». На одной семье

Пятиизбянской станицы при хозяйстве с лошадьми, рогатым скотом и овцами висел «неоплатный долг» в 2500 рублей.

Через год, после оценки присланных с мест данных, в Войске был составлен «Список Войска Донского казачьего бывшего Фролова 1-го полка чиновникам и казакам, потонувшим в 1805 году в море при берегах Курляндии с показанием, какие остались у них семейства и домашнее состояние» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35–40 об.). В списке было три графы: «Кто именно», «Семейство их» и «Домашние состояние их». В последнюю графу местные власти вписали имущественное положение семейства, как они его понимали.

Сведя вместе эти два списка, мы увидим, как Войсковая канцелярия оценивала имущественное положение казаков, исходя из представленных ей сведений о количестве членов семьи, количестве скота и лошадей и прочих данных.

2. Материалы и методы

Основным материалом исследования является уже описанное нами архивное дело, хранящееся в ГАРО. Для уточнения некоторых деталей привлекались материалы серии «Генеалогия и семейная история донского казачества», выпускаемая С.В. Корягиным.

Опираясь на принцип историзма, автор в основном использует сравнительный и антропологический методы, поскольку предмет исследования – казаки – имеет особую антропологическую специфику.

3. Обсуждение и результаты

Начнем сравнение двух списков с офицеров. В списке 1806 г. (обозначим его «А») значится: «Майор Иван Фролов. Жена Евдокея Екимова, сын Василий 10 [лет], дочери Прасковья 6 и Анна 3-х летние живут в собственном доме» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16). В списке 1810 г. (обозначим его «Б»): «Майор Иван Фролов. Жена Евдокия Якимовна, сын Василий 14, дочери Катерина 8, Прасковья 6 лет» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35). Имена дочерей перепутаны, откуда-то взялась «Катерина» и куда-то делась Анна, возраст сына завышен. Но графа «Домашнее состояние их» заполнена вполне разумно: «Состояния недостаточного, сына исправить на службу, а дочерей воспитать и выдать в замужество без пособия не может» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35). Между тем, сын Василий, 1793 г.р., уже служил, по крайней мере – числился на службе с 22 августа 1802 г., причем в полку собственного отца. Донцы, копируя российскую аристократию, записывали своих детей в полки с малых лет. 15 февраля 1807 г., когда создавался список «Б», Василий Фролов был произведен в урядники (Корягин, 2008: 69). Здесь, скорее, забота не о юном уряднике, а о его матери и сестрах.

«Сотник Иван Попов. Отец подполковник Попов 3-й, мать, жена утонувшего, дочь четырех лет, состояния весьма достаточного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16). В списке «Б» указаны некоторые изменения: «Отец подполковник Попов 3-й, мать и, за умертвением жены утонувшего, дочь пяти лет». В графе «Домашнее состояние их» стоит «Достаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35).

«Хорунжий Андрей Сахаров. Жена, три сына от 10 до 3 лет и дочь 13, имеет собственный дом, состояния не достаточного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16). В списке «Б»: «Жена, 3 сына от 11 до 4 лет и дочь 14 лет». В графе «Домашнее состояние их» стоит «Бедного», над ним зачеркнуто слово «Совершенно» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35). То есть, изначально было «Совершенно бедного».

К сожалению, из данного сопоставления не видно, что было критерием оценки имущественного положения донских чиновников.

Рассмотрим семьи утонувших урядников:

«Черкасской [станцы] Тимофей Несмеянов. Мать, брат утонувшего и четыре сестры от 14 до 7 лет, состояния посредственного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16). Список «Б»: «Мать (слово «брат» вычеркнуто) утонувшего и четыре сестры от 15 до 8 лет». В графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственного», выше зачеркнуто «Не бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35). Как видим, та же ситуация и с урядником «столичной» Черкасской станицы. Жители Черкаска, а затем Новочеркаска, были неким замкнутым привилегированным сообществом, «черкасней», из которого в основном подбирался командный состав Войска.

«Верхне-Кундрюченской [станции] Василий Свечников. Отец, жена утонувшего, дочь 3 лет и три брата, общее имущество дом, скота рогатого 30, две лошади и 10 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35 об).

«Полковой писарь Верхне-Кундрюченской [станции] Андрей Грицыхин. Мать, три брата, жена утонувшего, дети – сын 3-х и три дочери от 11 и до 6 лет. Общее имущество дом, скота рогатого 56, лошадей 12 и овец 30» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35 об).

Интересно, что оба урядника и писарь имеют «посредственное» хозяйство. Среди казаков разнородной гораздо больше.

«Дурновской [станции] Семен Журкин. Жена, сын 4 лет. Состояния недостаточного, так что дома собственного не имеет» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35 об).

«Грушевской [станции] Николай Бондарев. За умертвением жены, дети сын Василий 14 и две дочери 1-й 20 и последней 18 лет. По неимению собственного дома, жительствоуют у чужих людей» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35 об).

«Верхне-Кундрюченской [станции] Петр Анохин. Мать и три брата, жена утонувшего, дети два сына 1-й 18 и 2-й 10 лет, и дочь 16 лет. Общее имущество дом, скота рогатого 45, лошадей 12, овец 10» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное», зачеркнуто слово «недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об).

«Нижне-Кундрюченской [станции] Иван Наумов. Отец, брат, жена утонувшего, дети 2 сына 1-й 6, второй 4 и дочь 8 лет. Общее имущество дом, скота рогатого девять, овец 7» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об).

«Андрей Скопцов. Жена, детей же и имущества не имеется» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об).

«Максим Токарев. Отец, брат, жена утонувшего, дети три сына от 8 до 4 лет, две дочери 1-й 13, 2-й 9. Общее имущество дом, скота рогатого 10 и 6 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 35 об).

«Дмитрий Сказочников. Отец, два брата, жена утонувшего, дети сын 8, две дочери 1-я 6 и последняя 4-летние. Общее имущество дом, скота рогатого 20, 2 лошади и 20 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Иван Ковалев. Жена, сын 8, три дочери, 1-й 6, 2-й 5, и последней 4 лет, имущество дом, скота рогатого 7 и овец 7 поголовьев» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 16 об). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Федор Валуйсков. Отец, два брата, жена утонувшего, сын 5 лет, общее имущество дом, скота рогатого 15, лошадей 3 и овец 15» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об).

«Федор Болдырев. Отец, два брата, жена утонувшего, дети сын 6 и две дочери 1-я 11 и последняя 8-летние, общее имущество дом, скота рогатого 15 и овец 20» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Филипп Мармулев. Отец, жена утонувшего, детей нет. Имущество дом, 13 рогатых скотин и 17 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об).

«Кочетовской [станции] Федор Фолимонов. Дед, бабка, отец и мать, брат, жена утонувшего, сын 7 лет. Общее имущество дом, скота рогатого 16, лошадей 4, две овцы и виноградный сад» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об).

«Ведерниковской [станции]. Андрей Тропин. Мать, жена утонувшего, 4 дочери 1-й 17, 2-й 8, 3-й 6, и последняя 4-летние. Имущество состоит дом, 10 рогатых скотов, 5 лошадей, 10 овец и сад виноградный» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об).

«Федор Романцов. Жена и дочь двух лет, имущества одна пара волов» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Михайло Корольков. Мать и три брата. Общее имущество дом, рогатого скота 10, лошадей 6, овец 10 и виноградный сад» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об).

«Гаврила Московкин. Отец, жена утонувшего, три сына: 1-й 10, 2-й 8 и последний 4 лет. Имущества у них два дома, 20 скотин рогатых, 10 лошадей, три овцы и сад виноградный» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Кагальницкой [станции] Григорий Ларин. Мать, два брата служилые, жена утонувшего, дочь девяти лет, имущества у них дом, 10 рогатых скотин, пять овец и сад яблоневый» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Ефим Демин. Брат, жена утонувшего, три сына 1-й 10, 2-й шести и последний 4 лет, имущество у них дом, 11 скотин рогатых, 12 овец и сад яблоневый» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об).

«Дмитрий Сазонов. Жена, три дочери 1-й 18, 2-й 16 и последней 10 лет, имущества у них дом, рогатого скота 12 и 10 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Степан Селезнев. Жена, имущества у ней дом, скота рогатого 4, овец 3» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Усть-Хоперской [станции] Федот Киреев. Два брата и сын осми лет, оставшийся за смертью жены утонувшего, малоимущественны» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Ларион Попов. Отец, два брата, жена утонувшего, дети сын 14 и две дочери 1-я 16 и последняя 12 лет, имущественно посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Заполянской [станции] Никифор Клепов. Мачеха, состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Иван Кушаков. Жена, пять сынов, из коих три служилых, 4-й – 20 и последний 16 лет, малодостаточны» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Вёшенской [станции] Матвей Солдатов. Жена два сына, 1-й – 9, 2-й – 7 и три дочери, 1-й – 10, 2-й – 5 и последняя 3 лет, состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Федор Вощаев. Жена, три сына, 1-й – 11, 2-й – 8, 3-й – 2 и три дочери, 1-й – 16, 2-й – 12, и 3-й 9 лет, мало достаточны» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Алексей Калинин. Жена, 2 сына, 1-й – 12, 2-й – 6 и две дочери 1-й 8 и последней 2-х лет, имущество посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Иван Макокин. Мать престарелая, два сына утонувшего 1-й – 20, 2-й – 14, две дочери 1-й 9 и последней 5 лет, состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Леон Рудаков. Мать старых лет, невестка-вдова, у ней сын 20 лет и две дочери 1-й 11 и 2-й 10, утонувшего жена, два сына 1-й – 15, 2-й – 10, и дочь 5 лет. Малоимущественные» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» он назван «Ларионом», а в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Евдоким Турилин. Отец, мать, два брата, жена утонувшего, дети: два сына 1-й – 16, 2-й – 3, две дочери 1-я – 15, вторая – 7-летние. Состояния достаточного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Достаточного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40 об.).

«Николай Афонин. Жена, три сына 1-й – 17, 2-й – 13 и 3-й – 5, две дочери 1-я – 10 и 2-я осьми летние. Состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Иван Ващаев. Жена, один сын 10 лет и две дочери 1-й 19 и последняя 18 лет, состояния посредственного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Герасим Белов. Жена, три сына из коих два служилые а последний осьми лет. Состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Филипп Колундаев. Отец, жена утонувшего, два сына, 1-й служилый, а 2-й четырех лет, три дочери 1-й – 17, 2-й – 13 и последней 5 лет, состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Иван Колундаев. Мать старых лет, брат служилый, сестра, жена утонувшего, сын женатый, состояния посредственного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Прокофий Солдатов. Брат, племянник, жена утопшего, 5 сынов – 1-й – 12, 2-й – 10, 3-й – 9, 4-й – 6, и последний 3 лет. Состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

«Спиридон Рокачев. Мать, брат служилый, жена утонувшего, три сына, два служилые, 3-й – 9 лет и дочь 4-х лет. Состояния бедного» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37).

«Пятиизбянской [станции] Федор Попов. Отец и мать престарелые, три брата, имущества их дом, 30 скотин рогатых, 15 лошадей, неоплатного на них долгу 2500 р.» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об.).

«В[ерхне]-Курмоярской [станции] Ларион Кириллов. Отец престарелый, жена утонувшего, 3 сына 1-й – 8, 2-й – 6, 3-й – 4 и дочь 11 лет, имущество посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Павел Медведев. Жена, дети, сын 16 и две дочери 1-й – 14 и 2-й – 5 лет. Имущество недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

«Нагавской [станции] Анисим Сорокин. Мать, жена утонувшего, дочь 7 лет, два брата, имущества у них 11 скотов рогатых, 3 лошади и 10 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Петр Семенов. Тесть, жена утонувшего, имения у них состоит 30 скотин рогатых, 8 лошадей и 60 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Михайла Булилин. Жена, сын 15 и две дочери 1-я – 17 и 2-я – 4 лет, имущество у них состоит в 8 скотин рогатых, 10 овцах и одной лошади, дома по бедности не имеется» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об.).

«Григорий Осипов. Отец, мать престарелые, жена и три брата служилые, общее их имущество состоит из 16 скотин рогатых и 20 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.).

В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Иван Ушаков. Отец, мать, брат, жена утонувшего, дети три сына 1-й служилый, 2-й – 13 и 3-й – 7 и три дочери 1-я 17, 2-я – 15 и последняя – 12 лет, имущества у них 30 скотин рогатых, 10 лошадей и 60 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Михайла Атарщиков. Отец престарелый, брат, жена утонувшего, дети сын 5 и дочь 2 лет, имущества у них 20 скотин рогатых и 30 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Аввакум Атарщиков. Отец и мать престарелые, жена утонувшего, дети сын 14 и дочь 10 лет, имущества у них 10 скотин рогатых и 20 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Григорий Гаврилин. Мать престарелая, жена, дети, сын 4 и дочь 6 лет, имущества их 5 скотин рогатых, 15 овец и две лошади» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Егор Минаев. Жена имущества у ней 6 скотин рогатых и 17 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Поликарп Семенов. Отец, мать, три брата, жена утонувшего, сын 4 лет. Имущества у них 50 скотин рогатых, 12 лошадей, 80 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Букановской [станции] Иван Краснов. Отец и мать престарелые, жены и детей нет, два брата, имущества у них дом, 4 лошади, 6 скотин рогатых и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Василий Малахов. Мать престарелая, жена, дети, два сына, 1-й служилый, 2-й – 14, и две дочери 1-й – 14 и последней 12. Именья у них дом, 8 скотин рогатых и 30 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Петр Кириллов. Жена, сын 6 и три дочери от 13 до 8 лет. Имение их дом, три лошади, 9 рогатых скотин и 15 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Трофим Крапивин. Отец и мать престарелые, жена и один сын 8, и дочь 4-летние, брат, общее имение их состоит в одном доме, 9 лошадях, 12 рогатого скота и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.).

«Трофим Астахов. Отец, мать, брат, жена утонувшего, общее имение их состоит в одном доме, пяти лошадях, 10 скотин рогатых и 30 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Козьма Краснов. Мать престарелая, два брата, жена утонувшего, дети сын 6 и дочь 9 лет, общее их имение дом, одна лошадь, 12 скотин рогатых и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Антон и Савелий Бутырсковы. Отец, одержимый назад тому лет 15 неподвижною болезнью, мать престарелая, три брата, жены утопших, у первого три сына от 10 до трех и у последнего сын трехлетние, общее же их имение состоит в двух домах, 5 лошадях, 25 скотинах и 60 овцах» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное», зачеркнуто слово «посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Кондрат Карташов. Жена, один сын 14 лет и две дочери 1-я 5 и последняя 4 лет, именья у них дом, 5 скотин рогатых и 5 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке

«Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об.).

«Василий Коршунов. Отец, мать, три брата, жена утонувшего, и два сына 1-й 6 и последний трех лет, имения у них дом, 7 лошадей, 18 скотин рогатых и 70 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Прокофий Хахлачкин. Бабка весьма престарелая, брат утонувшего, жена, имение ж состоит в одном только жилом доме» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 37 об.).

«Герасим Крапивин. Отец, мать, три брата, жена утонувшего, дети сын 4-х и дочь 6 лет, имения у них дом, 9 лошадей, 18 скотин рогатых и 60 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Никита Михайлов. Отец, мать престарелые, жена, три сына 1-й – 13, 2-й 11, последний 8 и дочь 5 лет, имения у них дом, одна лошадь, 12 скотин рогатых и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Козьма Дугин. Отец, мать, брат, жена утонувшего, два сына 1-й – 10, 2-й – 4, две дочери 1-й 11 и последней 4 лет, имения у них дом, 5 лошадей, 18 скотин рогатых, 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Ерофей Свищов. Тесть, теща, жена утонувшего, дети сын – 14, две дочери 1-я 9 и последняя 5 лет, имущества у них дом, 6 лошадей, 16 скотин и 40 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Тимофей Попов. Мать престарелая, два брата, жена утонувшего, два сына 1-й – 12, 2-й – 10 и две дочери 1-я – 15 и последняя пяти лет, общего у них имения дом, 6 лошадей, 16 скотин и 40 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Сафон и Ивлий Топольсковы, родные братья и жительствовавшие в одном доме. Мать престарелая и тронутая рассудком, жены утопших, дети первого три сына от 14 и до 6 и дочь двух лет, у второго три сына от 10 до одного года и дочь 14 лет, общее их имущество состоит в одном доме, 5 лошадей, 10 скотин рогатых и 30 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об.).

«Федор Леонов. Мать престарелая, жена, два сына 1-й – 6, 2-й – 4 и дочь 14 лет, имущества у них дом, 4 лошади, 8 скотин рогатых и 4 овцы» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Захар Ефремов. Отец, мать, брат, жена утонувшего, 4 дочери от 13 до 4 лет, общего у них имения дом, 10 лошадей, 24 скотины рогатой, 88 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Федот Абрамов. Теща весьма престарелая, шурин, жена утонувшего, два сына 1-й – 13, 2-й одного года, две дочери 1-й – 6, а последняя 4 лет, имения у них дом, две лошади, 26 скотин рогатых и 60 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Федор Фролов. Мать престарелая, брат, жена утонувшего, один сын служилый, две дочери, 1-й – 17, последняя 13 лет, общего у них имения дом, 5 лошадей, 13 скотин рогатых и 40 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Василий Темирев. Отец, тронутый разумом, мать престарелая, брат, жена утонувшего, один сын 6 и дочь 12 лет, имение их дом, 6 лошадей, 12 скотин рогатых и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40).

«Арженовской [станции] Агап Яменсков. Жена, два сына, 1-й 8 и последний 4 лет, имения никакого не имеют» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36 об.).

«Астрауховской [станции] Лукьян Хвастунов. Мать престарелая, брат служилый и жена утонувшего, сын 4 лет, имения у них дом, скота рогатого 9, лошадей 5 и овец 35» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40 об.).

«Антон Кузнецов. Жена, два сына, 1-й – 10, 2-й 7 лет, имения дом, 4 скотины рогатые и 5 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Павел Курдюмов. Жена, два сына, 1-й – 20, 2-й – 5 и дочь 6 лет, имение у них дом, рогатого скота 3, лошади 2 и 16 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Федор Курдюмов. Жена, дом ветхий, скота рогатого 4 и 5 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Федот Хвастунов. Жена, сын 14 и дочь 10 лет, имение их жилой дом и три штуки скота рогатого» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Березовской [станции]. Василий Великанов. Жена, три сына, 1-й – 24, 2-й – 12, 3-й – 10 лет, две дочери 1-я – 8 и последняя 3 летние, имения у них дом, 4 лошади, 15 скотин рогатых и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40 об.).

«Василий Мордвинцев. Отец и мать престарелые, брат, жена утонувшего, сын 5 лет, имение у них дом, 4 лошади, 15 скотин рогатых и 100 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 21). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40 об.).

«Илья Аленичев. Мать престарелая, два брата, жена утонувшего, сын 4 лет, имения у них дом, две лошади, 2 скотины рогатых и 10 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 21). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

«Сергей Стручнев. Мать престарелая, брат, жена утонувшего, дети – сын одного и дочь 6 лет, общее имение их состоит в одном доме, двух лошадях, 6 скотин рогатых и 20 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 21). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об.).

«Ефим Чернов. Отец, мать престарелые, жена, два сына, 1-й – 4 и 2-й – лет, имения у них дом, 6 лошадей, 10 скотин рогатых и 50 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 21). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 40 об.).

«Аникей Makeвичев. Жена, дочь 12 лет, имения у ней дом и две скотины рогатых» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 21). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об.).

«Никифор Дьяков. Дети его три дочери 1-я – 15, 2-я – 13 и последняя 9 лет, брат, имения у них дом, 4 лошади, 6 скотин рогатых и 40 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 21). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38 об.).

Итак, мы видим, что донские офицеры, урядники и рядовые казаки оценивались в имущественном плане по единым критериям: имущество их было «совершенно бедным», «бедным», «недостаточным», «посредственным» и «достаточным».

Из 92 утонувших «совершенно бедными» оказались 17 (18,49 %); «бедными» – 35 (38,04 %); с «недостаточным» хозяйством – 11 (11,95 %); с «посредственным» хозяйством – 27 (29,35 %); с «достаточным» хозяйством – 2 (2,17 %). К сожалению, мы так и не сможем выяснить на этом материале, что такое «достаточное» хозяйство, поскольку конкретных данных ни об имуществе есаула Попова, ни об имуществе казака Турилина не дается. Но для определения, что означают другие критерии, материала достаточно.

Что касается «совершенно бедных», то здесь важнейшими являются:

- утверждение «имущества нет», «имения не имеет»;
- отсутствие жилья;
- наличие огромного долга (в 2500 рублей при хозяйстве в «30 скотин рогатых» и 15 лошадей);

– отсутствие взрослых работников мужского пола – пример тому братья Топольсковы, оставившие «мать престарелую и тронутую рассудком», двух вдов и 8 несовершеннолетних детей при хозяйстве с домом, 5 лошадьми, 10 головах рогатого скота и 30 овцах.

Интересен пример семьи Леона Рудакова: «Мать старых лет, невестка-вдова, у ней сын 20 лет и две дочери 1-й – 11 и 2-й – 10, утонувшего жена, два сына 1-й – 15, 2-й – 10, и дочь 5 лет». Местное сыскное начальство дало характеристику: «Малоимущественные» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18). Но в Новочеркасске увидели, что сыну невестки пора собираться на службу (а это очень большие расходы), и тогда в семье останутся три женщины и 5 детей, и записали в графе «Домашнее состояние их»: «Совершенно бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 36).

Рассмотрим, кого на Дону считали «бедными»:

- бедными считали казачьи семьи, не имеющие лошадей, – таковых 12 из выявленных 28, имеющих статус «бедных» (однако казаки Кагальницкой станицы, не имеющие лошадей, но имеющие яблоневый сад, получили более высокий статус);

- в «бедные» записали семьи, не имеющие взрослых мужчин, – таковых 10 из 28;

- в «бедные» попала вдова, имеющая пару волов;

- в «бедные» были записаны семьи, имеющие от 2 до 25 голов крупного рогатого скота, от 5 до 70 овец, что составляет в среднем на 1 человека в семье от 0,5 до 3 голов крупного рогатого скота и от 1 до 10 овец (исключение составляет бездетная вдова, живущая в «ветхой хате» и имеющая 4 головы крупного рогатого скота);

- бедными считались одинокие вдовы, не имеющие скота, но имеющие дома;

- в «бедные» были записаны 16 семей, имеющих от 1 до 7 лошадей, и это нуждается в осмыслении.

Известно, что весь XVIII в. казаки выходили на службу с двумя лошадьми, а офицеры – с тремя. И если мы соотнесем количество лошадей и количество взрослых мужчин в семье, то в половине случаев, на каждого мужчину по 2 лошади не набирается; в пяти случаях есть лошади, но нет взрослых мужчин; в двух случаях соотношение «1 мужчина – 2 лошади» выдерживается, но там единственный мужчина в семье, и рогатого скота всего 6 голов, и в двух случаях при двух взрослых мужчинах в семьях по 4 несовершеннолетних ребенка.

Следующими по статусу идут хозяйства «недостаточные». В них включены:

- хозяйства, имеющие сады, – 4 из 7 исследуемых;

- хозяйства, имеющие от 4 до 16 голов крупного рогатого скота и от 2 до 12 овец, что составляет в среднем на 1 человека в семье от 1,6 до 6 голов крупного рогатого скота и от 0,3 до 3 овец;

- если в семье есть лошади, то их количество равно 2 на каждого, могущего служить;

- отрицательную роль при определении статуса играет большое количество малолетних детей. Так, семья Лариона Кириллова – отец престарелый, жена утонувшего, 3 сына: 1-й – 8, 2-й – 6, 3-й – 4 и дочь 11 лет – была оценена местным сыскным начальством, как имеющая «посредственное» имущество, без указания конкретных цифр. (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.), но в Новочеркасске учли, что работник один и «престарелый», а детей 4, и в графе «Домашнее состояние их» написали: «Недостаточное». (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39).

Около трети хозяйств охарактеризованы как «посредственные» (к ним, кстати, принадлежат хозяйства обоих урядников и полкового писаря). Это хозяйства с большим количеством крупного рогатого скота – от 9 до 56 голов – и овец – от 3 до 100, что составляет в среднем на 1 человека в семье от 2,5 до 15 голов крупного рогатого скота и от 0,5 до 33 овец. Небольшое количество овец в конкретных семьях компенсируется наличием садов – виноградного и яблоневого.

Отличительной чертой этой группы хозяйств является достаточное количество лошадей – от 2 до 12 на семью, что укладывается или превышает норму: один взрослый казак – 2 лошади

Интересное сравнение можно сделать на примере трех бездетных вдов:

– вдова Егора Минаева, «имущества у ней 6 скотин рогатых и 17 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 19). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Посредственное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39 об.) (дом здесь подразумевается по умолчанию, отсутствие его всегда указывается);

– вдова Степана Селезнева, «имущества у ней дом, скота рогатого 4, овец 3» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 17 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Недостаточное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 39);

– вдова Федора Курдюмова, «дом ветхий, скота рогатого 4 и 5 овец» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 20 об.). В списке «Б» в графе «Домашнее состояние их» стоит: «Бедное» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 38).

Здесь налицо такие критерии, как количество домашних животных и качество жилья. Чтобы хозяйство считалось «посредственным», надо было иметь 6 голов крупного рогатого скота на человека, имеющие меньше уже понижались в статусе.

Существовавшая система определения имущественного положения не была идеальной. Официально не учитывалось (да его и невозможно было точно знать) наличие денег в семье. Но уцелевшие донские офицеры затребовали компенсацию не только за утонувших лошадей, но и за утраченные деньги. Так, судя по упоминавшемуся прошению капитана Мельникова, «сверх чувствительного убытка, потерпенного» капитаном, он лишился: наличными деньгами золотом шестьсот пятнадцать червонных, серебром триста сорок, мундиров и других вещей на пятьсот шестьдесят пять рублей ассигнациями, четырех «седельных» лошадей с их убором на тысячу сто восемьдесят пять рублей, всего ассигнациями выходило на 1750 рублей, не считая золота и серебра (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 3 об.). Ясно, что Мельников завысил свои убытки. Трудно представить, что, уезжая на войну, он взял с собой столько денег. И лошадей ему по статусу было положено три, да и в указанное время лошадь на Дону не стоила дороже 100 рублей. Известно, что И.Г. Мельников (1777–1812), из штаб-офицерских детей, происходил из не особо богатой и не особо знатной семьи из станицы Иловлинской, капитанский чин он заслужил во время Третьего раздела Польши, позже, в 1812 г., он погиб в чине подполковника (Корягин, 2000: 44–45).

Как явствует из других документов дела, спаслись и получили компенсацию бывший вместе с казаками полка Фролова 1-го хорунжий полка Грекова 17-го Холодков – 1430 рублей 90 копеек – и пятидесятник полка Фролова 1-го Мазин – 278 рублей 80 копеек (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 34 об.) (кстати, на полученную Мазиным компенсацию у калмыков можно было купить 10 лошадей)

Весь XVII и XVIII вв., до ужесточения условий службы, многие казаки пользовались своим правом беспошлинно торговать по всей России, и особенно отличались здесь «низовцы». Попытки участвовать в каких-то рискованных деловых операциях проявляются на примере казака Федора Попова, оставившего после себя «дом, 30 скотин рогатых, 15 лошадей, неоплатного на них долгу 2500 р.» (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 132. Л. 18 об.).

Возможно, негласно приблизительное количество денег в семье все же учитывалось, иначе трудно объяснить, почему семья и хозяйство урядника Свечникова – «отец, жена утонувшего, дочь 3 лет и три брата, общее имущество дом, скота рогатого 30, две лошади и 10 овец» – определено как «посредственное».

Нельзя исключить и проявление «пресловутого nepoтизма» при составлении списков (чему мы стали свидетелями в случае с семьей майора Фролова). Ясно было, что бедные и имеющие много детей получают больше, зажиточные – меньше. Поэтому здесь могли играть роль и личные отношения при вынесении заключения тем же сыскным начальством.

4. Заключение

В целом тенденция видна – свою роль играли наличие или отсутствие жилья, количество в семье детей и трудоспособных мужчин, количество лошадей, позволяющее собраться на службу, количество скота, наличие фруктового или виноградного сада (иногда наличие сада компенсирует отсутствие лошадей). Оценивая имущественное положение семьи, войсковая администрация исходила из практических соображений – возможность

прокормления семьи и возможность собраться на службу. Донские офицеры и донские казаки в имущественном отношении пока оценивались по единым критериям.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в VIII – начале I вв.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

ГАРО – Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Корягин, 2000 – Корягин С.В. Мельниковы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 11. М.: Русаки, 2000. 112 с.

Корягин, 2008 – Корягин С.В. Фроловы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 74. М.: Русаки, 2008. 128 с.

References

ГАРО – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State archive of the Rostov region]

Koryagin, 2000 – Koryagin S.V. (2000). Mel'nikovy i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Melnikov and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks]. Vol. 11. Moscow: Rusaki Publ., 112 p. [in Russian]

Koryagin, 2008 – Koryagin S.V. (2008). Frolovy i drugie. Genealogiya i semejnaya istoriya donskogo kazachestva [Frolovs and others. Genealogy and family history of the Don Cossacks]. Vol. 74. Moscow: Rusaki Publ., 128 p. [in Russian]

Определение имущественного положения донских офицеров и казаков донскими войсковыми структурами в начале XIX в.

Андрей Вадимович Венков ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В 1805 г. во время войны с Наполеоном, русский десантный отряд был отправлен к берегам Померании, но попал в бурю, и часть кораблей утонула. Среди утонувших оказались 92 донских казака. Император Александр I решил компенсировать потери семьям погибших и запросил руководство донских казаков, каковы могут быть размеры компенсации. Донское руководство запросило местные органы власти, и те дали справку об имуществе погибших казаков и их семейств. Опираясь на эти данные, донское казачье руководство дало характеристику описанных хозяйств – «совершенно бедное», «бедное», «недостаточное», «посредственное» и «достаточное». В предлагаемой статье сравнивается указанное имущество казачьих семейств и те характеристики, какие дали им донские казачьи власти, чтобы определить, какими критериями они руководствовались, определяя уровень хозяйства. Выяснилось, что они учитывали количество рогатого скота, овец, наличие и качество жилья, количество в семье детей и трудоспособных мужчин, количество лошадей, позволяющее казакам собраться на службу, наличие фруктового или виноградного сада. Оценивая имущественное положение семьи, войсковая администрация исходила из практических соображений – возможность прокормления семьи и возможность собраться на службу. Донские офицеры и донские казаки в имущественном отношении пока оценивались по единым критериям.

Ключевые слова: донские казаки, имущество, критерий, начало XIX в., Государственный архив Ростовской области.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 120-130

DOI: 10.13187/rs.2019.2.120
www.ejournal15.com

Traditional Folk Worldview and Its Coverage in Local Periodicals

Olga A. Shepeleva ^{a, *}

^a Donetsk National University

Abstract

The article considers the traditional folk superstitions, omens, rituals, which are actual nowadays in the Upper Don area in the aspect of their interpretation on the pages of local periodicals of the 19th century. The author draws attention to the fact that some folk beliefs in the newspaper are often assessed negatively as primitive. In the periodicals of this time, the poetry of folk life was presented as a consequence of the lack of education and enlightenment. During the research, the traditional notions functioning today were revealed and compared with their newspaper interpretations. The materials for the study are the records of international folklore and ethnographic expeditions to the Upper Don at the beginning of the 21st century, cases from the State Archives of Rostov region, as well as samples from the newspaper “Donskoi golos” (“The Voice of Don”) for two years (1880 and 1881). The results of the work shows that the points of intersection exist in the different spheres of the folklore: superstition and omens, religiosity, folk medicine and disease, causing rain, choice of a place for housebuilding, etc.

Keywords: superstition, omens, folk culture, traditions, Upper Don, periodicals, State archive of the Rostov region.

1. Введение

Приметы и поверья, правила и запреты, предписания и предубеждения, а также другие формы народного мифологического мышления можно встретить в различных тематических контекстах и ситуациях: обряды и ритуалы, демонология и снотолкование, заговорная традиция, гадания и пр. Так было в период расцвета русского традиционного фольклора, а результаты экспедиций на Верхний Дон¹ показывают, что так в указанном регионе обстоит ситуация и в начале XXI в.

В связи с этим вспомним, что в середине XIX в. М. Забылин критически отзывался о суеверных народных верованиях, видя их причину в необразованности народа, и считал, что развивающаяся наука в дальнейшем исправит народные заблуждения. Также М. Забылин советовал русскому человеку быть набожным и хоть немного интересоваться научными достижениями, которые, в свою очередь, объясняют и опровергают многие «чудеса» (Забылин, 1994).

* Corresponding author

E-mail addresses: o.shepelyova@gmail.com (O.A. Shepeleva)

¹ Международная студенческая фольклорно-этнографическая экспедиция Донецкого национального университета на Верхний Дон проводилась под руководством доцента кафедры истории русской литературы и теории словесности П.Т. Тимофеева в 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2016 гг. в Ростовской и Волгоградской областях Российской Федерации.

В середине XX в. в фундаментальной работе «Вопросы теории народного искусства» П.Г. Богатырев, делая ссылку на «Историческую поэтику» А.Н. Веселовского¹, скажет: «Нельзя рассматривать народные верования только как древние пережитки» (Богатырев, 1971: 181–184). Позже Л.Н. Виноградова в работе «Народная демонология и мифоритуальная традиция славян» упомянет о казусах в истории этнографической науки, связанных с недооценкой мифологического мышления: «...в начале XIX в. первые собиратели польского фольклора всерьез обсуждали вопрос о том, действительно ли известны такие удивительные факты – как это утверждается в народных преданиях – что ласточки якобы зимуют в воде. В действительности, в этом мотиве нашли отражения те же представления о календарных переходах птиц на зимнее время в потустороннее пространство» (Виноградова, 2000: 112).

С момента выхода книги М. Забылина прошло уже более ста лет, развитие научной мысли и цивилизации, глобализация пространства лишь способствуют мифологизации общества, развитию его суеверности. Так, суеверия и приметы активно бытуют в разных профессиональных кругах, среди общественной элиты, людей образованных. Это подтверждает работа Т.Б. Щепанской о прагматике профессиональных традиций (Щепанская, 2010), в том числе о суевериях в профессиональной среде (медики, летчики бортпроводники, моряки, военные, водители и работники госавтоинспекции, торгующие на вещевом рынке и многие другие).

2. Материалы и методы

В статье на материале экспедиционных записей начала XXI в., фондов Государственного архива Ростовской области (далее – ГАРО)² (судебные дела и дела духовного правления конца XVIII – первой половины XIX в., а также публицистика начала XX в.) и периодики второй половины XIX в. (новостные и художественные тексты газеты «Донской голос»³ за 1880, 1881 гг.) мы рассмотрим те формы народного мировоззрения, которые в XIX в. часто именовались «суевериями», «предрассудками» и прочими словами, имеющими негативную коннотацию. Эти представления в свое время были пренебрежительно освещены в местной периодике как пережитки, но, несмотря на временную дистанцию и иные условия жизни (обязательное среднее образование, наличие и использование радио, телевиденья, интернета и пр.), они же были зафиксированы на Верхнем Дону во время экспедиций.

3. Обсуждение и результаты

В художественных текстах газеты «Донской голос» находим такие суеверия: «суетливая сорока – предвестница гостей» («Станичные этюды») (Донской голос. 1880. № 90); «В один ненастный день (наверное, 13 числа) учитель, <...> зацепился ногами за импровизированный телеграф и едва не упал» («Из дневника институтки») (Донской голос. 1880. № 95.); «Может быть, такое мое понятие о смотральстве и ошибочно, но оно явилось у меня под влиянием музыки, которой я по суеверию вполне доверяю» (фельетон «На досуге») (Донской голос. 1881. № 70.).

Погодные предсказания Матье в виде помесечного прогноза (Донской голос. 1881. № 9) отличает от суеверия не только контекст употребления (новостная заметка/художественный текст), но и отношение: предсказания обращают на себя внимание, поданы в издании как информация интересная и важная, а суеверие используется максимально обобщенно, присутствует поверхностное понимание этого явления народной жизни.

¹ «Современное суеверие относится к языческому мифу или обряду как поэтические формулы прошлого и настоящего: это кадры, в которых привыкла работать наша мысль и без которых она обойтись не может» (Веселовский, 1989: 74).

² Работа в ГАРО проводилась под руководством П.Т. Тимофеева в 2015 и 2016 гг.

³ «Политическо-литературная» газета «Донской голос» издавалась в Новочеркасске с 1880 г. и выходила два раза в неделю.

Суеверию, используемому в художественных текстах, также противостоят предсказания о невероятных бедствиях и конце света¹. В разделе «Смесь» читаем: «Английские газеты сообщают чрезвычайно интересные исследования и предсказания знаменитого ученого, астронома, профессора Гриммера, относящиеся до всего света. Предсказания эти заключаются в следующем: в 1880 году, как известно, планеты Юпитер, Сатурн, Нептун и Уран, в так называемой их параллели, были в самом близком от земли расстоянии и передали ей зараженную, сгущенную атмосферу, которая и сообщилась земле; из этого обстоятельства профессор Гриммер делает вывод, что, вследствие означенной параллели, земля подвергнется величайшим бедствиям, которые опустошат земной шар, все живущее подвергнется всевозможным болезням, чуме и другим эпидемиям, которые в южных странах будут свирепствовать особенно сильно. С первой половины 1881 года, воздух, ближайший к земле, будет насыщаться вредными миазмами (но на севере слабее), действуя разрушительно на все органическое; вода также пропитается миазмами и наступит мор рыб и птиц. Вулканические извержения будут ужасны по своим последствиям. Кроме этого – неурожай и голод, последний особенно страшен будет на юге (Африка, Австралия и острова Индийского и Тихого океанов и части Средиземного моря), у экватора и тропиков будут господствовать ужасные и смертельные ветры и бури. Север и часть запада пострадают менее, но температура их сильно изменится к худшему.

Все эти ужасы на земном шаре продолжатся до 1885 года, затем до 1887 года будут пожары, которые в свою очередь вызовут сильнейшие грозы. После этого атмосфера очистится, оздоровеет, земля получит новый воздух и настанет полное плодородие, обилие и здоровье на всей земле. Предсказание это, отчасти, по замечанию тех же газет, начинает сбываться. Было уже землетрясение на острове Хиосе, имевшее крайне печальные последствия, ибо погибло под развалинами почти 4000 человек; в южной части Миссури было наводнение, причем погибли массы людей и животных; в Аравии и Месопотамии господствует чума; в Африке – неизвестная смертельная болезнь; на юге, где никогда не бывало морозов – выпал снег; Тихий океан выбрасывает целые груды мертвой рыбы, которая гниет на берегах; на севере – суровые зимы и продолжительный холод» ([Донской голос. 1881. № 42](#))².

Уже в следующем номере газеты, в том же разделе «Смесь», предсказываются не катаклизмы, а «конец мира», который наступит в 1881 г. Речь идет о Леонардо Аретино, жившем в XV в., который «объявил конец мира на 15-е ноября 1881 г. Разрушение земли и существующих на ней существ будет продолжаться пятнадцать дней; несчастье это начнется выступлением из берегов всех морей. Это не дурно рассчитано, потому что физики действительно предвидят возможность, что твердь в одну прекрасную минуту наводнится морями. Человечество, готовясь погибнуть, внезапно онемевает, что конечно, во всяком случае составит выигрыш: мы избавлены будем, по крайней мере, от ораторских речей, без сомнения приготовленных к произнесению по поводу катастрофы и о наилучших средствах, которыми бы можно было от нее избавиться. “Юж. Кр.”» ([Донской голос. 1881. № 43](#)). Об этом же предсказании идет речь и в № 47 «Донского голоса». Там мы находим разъяснение о пятнадцати последних днях земли, но, как и в конце заметки из № 43, в № 47 также присутствует ирония: упоминается о предшествующих подобных пророчествах, которые не сбылись.

В современной речевой практике на Верхнем Дону слово «суеверие» употребляется нечасто, чего нельзя сказать о распространенности самих представлений и правил, соответствующих этому определению. Обращает на себя внимание оригинальная форма слова:

«К.П.: А суве...суверения йесть! Йесть! Вот, как женщина, выехал чилавек ис дому...

Р.П.: Фстречаица женщина...

К.П.: Да, лучче расвернись.

Р.П.: Ни пависёт никада.

К.П.: Никагда! От наш дет перва-наперва выйехал ис дома – фсё, он гаварит... (как са мной прицапилась). Ехать сена касить. Вышел толька – прям от чирис дарогу нам с пустым

¹ Подобные предсказания встречаются и в «Донских епархиальных ведомостях».

² Здесь и далее цитаты из дореволюционных источников приведены в современной орфографии.

видром пирибѣгла дарогу. Эт самое... чирес дарогу. Он гаварит, я хател вирнуца, ну, думаит, ой, можит, эта фсѣ ниправда. Паварачиваюсь – как он мох... выскачить. Приежаит на синакос – никаво там нет.

Р.П.: Вот, те на!

К.П.: И фсѣ. Я аттуда гаварит он, я вернулси. Прийехал такой злой, такой от фся иво прям судобит. И фсѣ. И хто ить нашѣл, и фсѣ. Спасибо тут у нас ищѣ ат старай был, ат беларуса... Да, вот тибѣ и примета! Вот и фсѣ!

Р.П.: Да!

К.П.: Вот эта ана, гаварит, де, да эт не калдовинья дила. Эта проста такой суве... Ну, сувинер! Вот, вышел – и женщина, эт ты лучше вернись. Эт уже. Эт с пакон векоф! Ут эта» (Говоркова Раиса Петровна, 1941 г.р.; Дувалова Клавдия Петровна, 1938 г.р., х. Поклоновский Алексеевского района Волгоградской области, 2011. – [Материалы, 2017: 124](#)).

Материалы экспедиций показывают, что на Верхнем Дону распространены суеверия в обрядовых ситуациях (запреты и предписания в свадебном, похоронном обрядовых комплексах, послеродовой обряд с шубой), необрядовых ситуациях (бытовые, аграрные запреты и предписания, суеверия и обереги, взаимодействие с демонологическими персонажами), ритуализированных формах (вызывание дождя, переход в новый дом, апотропеические тексты и действия в контексте лечения и вредительства, реакция на сон в снотолковании).

Отдельно рассмотрим метеорологические предсказания и приметы.

«Таганрог» (корреспонденция «Донского голоса»): «Хотя март по календарю считается началом весны, но у нас, после нескольких теплых дней в конце февраля, наступила снова зима и морозы довольно чувствительные. Старые и наблюдательные люди говорят, что холода будут продолжаться чуть ли не до мая месяца <...> желаем, чтобы предсказания людей опыта не сбылись и прошлое не повторилось, но с тем вместе не можем не сознаться, что настоящий же год в самом начале своем вполне оправдывает существующее в народе предубеждение против высокосных годов» ([Донской голос. 1880. № 23](#)). Заметка напоминает, что в 1876 г. 8 мая выпал снег, было несколько морозных ночей и во многих местах померзли посевы хлеба, проса, льна и других культур.

В разделе «Разные известия» ([Донской голос. 1880. № 76](#)) находим заметку об аномальном поведении представителей животного мира, насекомых и растений: лягушек, змей, ночных бабочек, стрекоз и пр. Также встречаются публикации, в которых описаны представления старожилов: во время непродолжительного дождя (в Донецком округе, в семи верстах от Шептуховской станции Воронежско-Ростовской железной дороги) раздался сильнейший громовой удар с молнией. Старожилы поэтому вывели было заключение, что осень будет продолжительная и теплая ([Донской голос. 1881. № 77](#)). Особое внимание уделено тому, что прогноз не осуществился («на другой день пришлось разочароваться в предсказании народной приметы»), так как через несколько дней погода изменилась и наступил холод. Обратим внимание на то, что народное знание здесь представлено как несоответствующее действительности, указанная примета (гром с молнией – к теплой и продолжительной осени) представлена иронично, так как погода не совпала с ожиданием. Но не стоит упускать из виду тот факт, что ни одно предсказание о конце света также не сбылось.

В художественном тексте «По болотам (Из заметок проезжего)» находим описание сухой погоды, а также замечание о необходимости дождя для посевов в конец мая, для чего: «По полям видны крестные ходы, служат молебны и нивы окропляются освященной водой...» ([Донской голос. 1880. № 54](#)).

Экспедиционные записи показывают устойчивость представлений о том, что молебен и крестный ход способны повлиять на погоду и вызвать дождь: «<А дождя если не было, что делали?> Батюшку привязуть, и щас дошт пайдѣть. Загримел гром – и пашѣл дошт. <Крестный ход по полю был, да?> Да, батюшку вязуть, у нас далико поли. Киламетраф семь поле. Вязуть туда батюшку, а дефки с иконами идут туды пяхком <...> Вот как памагал Гаспоть! А щас...» (Содова Наталья Ивановна, 1910 г.р., х. Отрожки Серафимовичского района Волгоградской области, 2001. – [Материалы, 2017: 208](#)). Отметим, что существуют и

другие способы вызывания дождя на Верхнем Дону: обливание ведьмы или ее могилы, обливание могил утопленников и др.

Молебны, по народным представлениям, могли не только вызвать дождь, но и помочь во время бедствия. В ГАРО есть «Дело о неупустительном исполнении по сделанному распоряжению касательно молебствия об истреблении саранчи» (1826 г.), в котором войсковой атаман пишет в Хоперское духовное правление: «Несколько лет сряду на Землях Войсковых возрождается саранча и губительными действиями своими производит в который раз большое опустошение полей. В первых годах появление ее было не столь сильно, и так, что были возможности истреблять оную в яйцах и в самом возрождении, орудиями и разными способами Правительством изобретенными; напротив в нынешнем году столь много вышло сего насекомого, в Ведомствах Сыскных Начальств: Черкасского, Миусского, Донского, Первого Донского и Второго Донского, что никакими усилиями человеческими нет средств истребить оное, – и она проходя поля опустошает не токмо траву и хлеб, но (чему и верить было бы нельзя, если бы опыты не удостоверили) проедает у рабочих людей суконное платье и проч. В таком горестном положении остается нам постом и коленопреклоненными молитвами умолять всемогущего Творца нашего: да отвратит от нас праведный гнев свой и презрев грехи слабых людей своих, помилует нас, по великой своей благости! В сем расположении души моей я отношусь в Хоперское Духовное Правление, чтобы не оставила сделать распоряжение по вверенному ему Заказу о произведении повсеместно и немедленно молебствия в Церквах Божиих» (ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 484. Л. 1–1 об.). В деле находим рапорт о молитвах и молебнах, а также отчет о сделанном. Указом Его Императорского Величества было определено: «... что бы в трехштатных и двухштатных церквах Ежедневно, а в одноштатных кроме воскресных и праздничных дней, в среды, пятницы и субботы отправляемо было богослужение неупустительно 2е) Молитвы на сей случай церковию положенные читаны были в свое время с коленопреклонением 3е) с предварительного граждане каждой станицы согласие делаемы были крестные ходы по степям, прибавляя к тому по удобным местам освящение воды и 4е чтобы священник сей несчастный для войска донского случай относили к праведному гневу божию и своими благоразумными способами убеждали всех кумилостивлению Праведного Бога постом и молитвою; о исполнении чего послать и посланы к Благочинным указы...» (ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 484. Л. 5 об.).

В общеславянской фольклорной традиции языческие представления органично сосуществуют с православными. Донские казаки считают себя православными людьми: они, по возможности, посещают храм, читают молитвы, соблюдают религиозные предписания и запреты (особенно распространен запрет на работу в большие церковные праздники, а нарушение этого запрета отражено в многочисленных сказочных нарративах, в которых человек получает травму, теряет имущество, например, из-за пожара, и даже лишается жизни). Эти представления не мешают донским казакам на Верхнем Дону верить в домового, ведьму, колдуна, знахаря, щикатурок¹, сглаз и пр. Таким образом, двоеверие, сосуществование языческих и православных представлений, характерное для всей общеславянской народной традиции, актуально и для исследуемого региона на протяжении всего рассматриваемого периода.

Судебные показания в делах ГАРО содержат сведения об обязательном причастии как минимум один раз в год (обычно это происходило на Пасху). Обращает на себя внимание дело о Есауле Сафонове из Букановской станицы, в котором речь идет об обете поклониться святым мощам: «Задарованное мне прошлым <1>785-м году чрез промысел божеской от бывшей на мне жестокой падучей болезни, в которой претерпел я многие лечения, по прежнему здравую учинил я пред создателем моим усердные обещания сходить вниз до печерского монастыря для поклонения святым мощам, не от того времени имея болезненные припадки и будучи почасту обязана интересными делами того намеренного мною обещания поныне не исполнил: желаю оное исполнить сего <1>788 году будущей весною июля того оные сыскные дела. Покорно прошу по сему моему доношению войтить

¹ У нас малиньких дитей всяда пужали: щикатурки, ни хадите в калхозный сат, а то вас защикатурят (Степанова Устинья Нефедовна, 1936 г.р., х. Еланский Кумылженского района Волгоградской области, 2007. – [Материалы, 2013: 60](#)).

представление в войсковое гражданское правительство о увольнении меня с одним из отставных казаков <...> для исполнения того богоугодного дела до Киева и о снабдении нас в ободно и в оба пути пропуск указаны мне пашпортом испросит резолюцию и такую меня не оставать» (ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 143. Л. 1). Просьба его будет выполнена.

В периодике религиозные представления подлежат медицинскому пересмотру. Так, в статье «Дифтерит в ст. Гниловской» говорится о том, что дети могут заразиться, делая последнее целование на отпевании сверстника; дети также идут на кладбище, даже несут гроб, а потом поминают в доме усопшего. На станичном сборе врача не поняли, на его слова не обратили внимания, а появление болезни приписывалось исключительно Божьему наказанию, считая грехом всякие меры, предпринимаемые против нее. Автор статьи считает, что проповедь может и должна откликаться на общественные бедствия и наставлять народ: «Я уверен, что простой народ чрез это если бы не совсем бросил, то значительно ослабил разные нравы и обычаи, поддерживаемые суеверием и невежеством» (Донской голос. 1880. № 69). Мы видим, что суеверие не всегда противопоставлялось «вере истинной – православию», иногда религиозные представления понимались как суеверные, интерпретировались как пережитки и подвергались искоренению. В газете православие и набожность рассматривается как суеверие и невежество. Особого внимания в этом вопросе заслуживают отношения местных и приезжих (интеллигенция, врачи и др.)¹. О дифтерите повествует и фельетон, в котором казаки Кагальницкой станицы Черкасского округа созвали станичный сход для обсуждения мер против свирепствующего дифтерита. Предложено было завести больницу, пригласить врачей, обратить внимание на образ жизни, но станичники отвечали, что не надо, ведь без Божьей воли и волос с головы человека не упадет. На том и разошлись (Донской голос. 1881. № 68).

О беспокойстве властей в сфере здравоохранения свидетельствуют дела ГАРО XIX в. Дело 1812 г. Хоперского духовного правления «О похоронении умерших в могилы глубиною не менее трех аршин» (ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 380) содержит указ и рапорт, в котором речь идет о том, что при недостаточной глубине погребения могут «произойти заразительные болезни». В указе из Хоперского сыскального начальства станицам от Алексеевской до Филоновской от 20 апреля 1834 г. постановили: «За сделанным со стороны комиссии народного продовольствия распоряжения, чтобы хлеб из желудей и других веществ, приготовленный жителями в пищу по Донецкому округу по недостатку хлеба, как вредный для здоровья не употребляли, и что о пособии им хлебом приняты комиссиею меры» (ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 412. Л. 1 об.). Особого внимания заслуживает «Указ о казенных аптеках» (1859 г.), в котором инспекторам аптекарской части и городской полиции поручен надзор за продажей «из лавок аптекарских материалов и лекарственных вещей, а особливо вещей ядовитых и сильно действующих по правилам, изложенным в ст. 514 и последующих того же тома <...> вещества ядовитые и сильно действующие разделяются на три разряда, смотря по большей или меньшей мере опасности для здоровья, или жизни людей...» (ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 445. Л. 1–1 об.). Также названы обстоятельства, при которых определенный тип медикаментов следует продавать. Документ информационно насыщен, отметим некоторые, значимые для нас моменты: покупатель должен предъявить каждый раз новое свидетельство для приобретения веществ; многие торговцы Новочеркаска свободно продают различные кислоты, бальзамы и др. вещества; такая продажа незаконна, она вредит населению. Приводится конкретный случай: анатомическое вскрытие желудка умершей (крестьянской девки Ульяны Яковлевой) показало, что причина смерти – безрассудное лечение ядовитыми веществами. Также известны примеры лечения одной женщины, «где она, обнадеживая больных, приносила им один вред и доводила их до крайности». Еще один случай, когда приготовленная отрава для крыс, сделанная из

¹ На страницах газеты описаны и конкретные случаи, связанные со столкновением народного мировоззрения и образованной интеллигенции. Так, в Филоновской станице доктор Козина сказала одной казачке о ее беременности (а та была бездетной). Местные повитухи назвали Козину ведьмой, утверждали, что она впустила в живот злого духа. Газета пишет о переполохе среди невежественного населения, и что только вмешательство властей предотвратило дальнейшую печальную судьбу для госпожи Козиной (Донской голос. 1881. № 2).

мышьяка «в виде коряшков из коих дворовая женщина по нивидению кусочик съела и едва спасена от отравления» (ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 445. Л. 4 об.). «Приказали: в новочеркасской полиции строго предписать всех торгующих мелочными товарами в Новочеркасске обязать подписками от них не продавать запрещенные законом ядовитые вещества» (ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 445. Л. 6 об.).

Газета описывает мошенничество кабатчиков, которые для крепости примешивают к спиртным напиткам разбавленные водой различные одурманивающие травы (белена, дурман и др.) и даже известь (Донской голос. 1881. № 22).

Дело о заразной болезни рогатого скота в 1841 г. в хуторе Зеленцовом содержит такие меры борьбы с болезнью: больной скот отделить от здорового и иметь особый водопой, а трупы зарывать в глубокие ямы; о распространении болезни доносить начальству через каждую неделю. Войсковому ведомству необходимо сделать публикацию с информацией о болезни (ГАРО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 36).

Обратим внимание на демонологические представления. В газете описан случай, как священник одной из станиц Черкасского округа отлучил от церкви девушку, потому что она подралась с соседом и не извинилась. Причиной драки стала неизвестно чья свинья, которая, забежав во двор девушки, была избита ею, а сосед вступился за животное (Донской голос. 1881. № 54). В заметке добавлено, что обиженный девушкой мужчина был другом священника, но ничего не говорится о народных представлениях, связанных с ведьмой, которая могла оборачиваться не только свиньей, но и кошкой, собакой. Экспедиционные записи показывают, что такие демонологические представления активно бытуют на Верхнем Дону. Не только в указанном регионе, но и в общеславянской традиции распространен мотив: ведьму в облике животного подкарауливали и избивали, а после подмечали те же раны на подозреваемой в колдовстве женщине.

Далее рассмотрим тему лечения. Лечение болезней в народе имело две разновидности: народная медицина и заговор, и если с первым связано знание и использование целебных свойств растений, настоек и пр., то со вторым – мифологические представления о силе слова и об особенных способностях знахарки или знахаря. В газете встречаем рекламу: «Ацетерин – от мозолей и бородавок» (Донской голос. 1880. № 89), немецкая книга «Самосохранение Д-ра Ретау» о мужских болезнях, вызванных грехами молодости, и способах лечения (Донской голос. 1881. № 81) и пр.

Газета пишет о населении: «... население нашего округа относительно медицинской помощи пребывает в понятиях чуть ли не обитателей каменного периода. Оно страстно верит во все чудесное, на лечение смотрит скорее с мистической, сверхъестественной точки зрения, чем реальной, действительной; почему для человека из такой среды понятнее и логичнее при остром, например, воспалении желудка пить наговорную воду от сибирки, или при известных формах болотной лихорадки отливать переполох, чем принять соответствующее лекарство» (Донской голос. 1880. № 49). Народ верит в чудесное лечение, а не в медицину. В рассказе встречаем: «У них много предрассудков, суеверий, а между тем никто их не научит¹... И книг у них никаких нет...» (Донской голос. 1881. №27). Последнее опровергают материалы ГАРО. «Дело о раздаче по церквям книг под названием “Краткое

¹ Ср.: дело (ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 245), содержащее документы об учителе гимназии французского языка де Грасмане, о его желании обучать сверх классов гимназии и уездного при ней училища благородных юношей французскому и немецкому языкам в доме (1811 г.). С другой стороны, в архиве находим свидетельства учителя Букановского приходского училища (1901 г.) для Донского отделения Предварительного Комитета по устройству XII археологического съезда: «Теперь же станичных денег лишних никак нет, так что еле-еле хватает на содержание станичных правителей. Грамотных сравнительно немного, к школе равнодушны и недоверчивы, говорят: “ученые не кормилицы своим родителям”, поэтому в школу ведут детей мало, да и тех то помещать негде; общественного здания нет, есть наемное тесное, холодное и сырое, вмещающее не более сорока учеников. Общественное здание строить не хотят, так что прошлый год в августе месяце на станичном сборе законоучитель и учитель подверглись оскорблению со стороны выборных за то, что они убеждали общество выстроить собственное школьное здание. Словом, в этом отношении жители грубы и невежественны и в высшей степени сутяги, т.е. за каждый пустяк они намерены судиться и действительно судятся или у мирового судьи или в станичном суде» (ГАРО. Ф.55. Оп. 1. Д. 523. Л. 86).

наставление о лечении болезней простыми средствами» (1806 г.) содержит наставления о пользе таких книг и отчеты об их распространении (ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 347).

Стоимость лекарств также считалась причиной распространенности народного лечения: «Я уверен, что дороговизна лекарств составляет один из элементов, поддерживающих и способствующих развитию суеверий в деле лечения» (Донской голос. 1880. № 92). Приведем еще одну версию такого положения вещей. В нижней части газеты находим отрывок «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа, сочинение Шапова, стр. 319», в котором причины суеверия объясняются так: народ русский оттого неразвит, суеверен, беден и политически несамостоятелен, что всегда был пассивным наблюдателем и работником на земле, а не изучал природу и ее законы (Донской голос. 1881. № 79).

Такие уничижительные высказывания противостоят целому комплексу народных знаний, ритуалов, верований и текстов в сфере лечения. Во время экспедиций заговоры записывались и со слов информантов (пусть и не при каждой возможности, так как некоторые информанты не согласились передавать студентам эти сакральные тексты), и с тетрадок. Тексты заговоров разнообразны в тематическом отношении (лечебные заговоры: от грыжи, от зубной боли, от ангины, от камчуга (в донских говорах это слово имеет значения 'нарыв', 'опухоль'), от укуса змеи, от ячменя, от испуга, от ушиба, от золотухи (т.е. 'нарывов'), от сглаза, от порчи и многие другие, а также лечение коров; любовные заговоры: присушки, отсушки и пр.), часто имеют варианты. Кроме этого, знахарь и знахарка являются распространенными демонологическими персонажами на Верхнем Дону.

Не только вера в магическое лечение связывается в газете с суеверием, но и народные представления о покойнике. Отметим, что покойник и сегодня занимает центральное место не только в погребально-обрядовом поминальном комплексе, но и в народной демонологии (огненный змей, живой мертвец), снотолковательной традиции (это не только сновидческие приметы типа «Покойник снится – к дождю», но и развернутые снотолковательные нарративы о том, как покойник ходит, является, зовет с собой и пр.), лечебной практике (лечение от тоски по мужу, который может являться в образе огненного змея и взаимодействовать с женщиной). В противовес указанным представлениям газета пишет, что в Урюпинской станице произошел «характерный случай, ярко обрисовывающий суеверие нашего народа, эту темную вековую силу, так нещадно гнетущую здравый смысл русского человека, служащую прочным оплотом против науки, религии и всякого сознательного отношения к заурядным явлениям» (Донской голос. 1881. № 31). Далее описывается ситуация на похоронах: мужчина, неся гроб, который начал скользить и уперся ему в плечо, сострил о покойнице, мол, что та, голубка, хочет его поцеловать, да уж поздно. Другой носильщик сделал ему замечание: не подобает шутить с мертвым, это ему не обойдется даром. Мужчина сразу после этих слов почувствовал, что его кольнуло в ногу, и она начала неметь. После погребения боль усилилась, а нога начала синеть. «Опытные» люди ему объяснили, что это наказание покойницы за его слова, и нужно 12 зорь просить у покойницы прощения на ее могиле. Прошло 12 дней, но ему не стало лучше, и решили, что необходимо до 40 дня вымаливать у нее прощение. Не обратился мужчина к врачу, хотя и раньше у него на ногах «простуда выступала». «И сидит несчастный больной на могиле оскорбленной им покойницы с тяжким недугом, с разбитою и угнетенною душою, с глубоким отчаянием на измученном лице, а толпа ходит любоваться наказанием и никто не убедит его полечить простуженные ноги!.. О, как глубоко еще коренятся в нашем народе суеверия!..» (Донской голос. 1881. № 31).

Газета пишет и о привороте в одном из поселков Черкасского округа, где в мае с единодушного согласия общества была высечена вдова-солдатка. Рассказывали, что она была женщиной дурного поведения и главное ее занятие заключалось в сводничестве, которое она так ловко и успешно практиковала, что в целом поселке, благодаря ее стараниям, ни одна девушка, ни замужняя женщина не остались без искушения и не были соблазнены ею. Вследствие этого общество, возмущенное ее поведением, пригрозило вдове ссылкой в Сибирь, если только она не изменится и не бросит своего позорного ремесла. Тогда потерпевшая решила сделать своих врагов безопасными, а средством для этого выбрала «присушение». С той целью она в присутствии одной свидетельницы обмылась

в воде, слила эту воду в казанок и просила свидетельницу отнести ее на сход и напоить ею всех членов схода, но свидетельница от этого небезопасного поручения отказалась; тогда с этим казаном вдова-солдатка отправляется сама, незаметно ставит его в общественной избе и удаляется. Действительно, разгоряченные члены схода, не подозревая ничего, выпивают принесенную воду без остатка. На следующий день, однако, сход узнал, какую водою он был напоен, а потому собирается снова, призывает солдатку и тут же постановляет приговор о наказании ее и сам же приводит этот приговор в исполнение ([Донской голос. 1880. № 49](#)). В описании этого факта нет положительного результата: специальной водой были напоены недоброжелатели, но, узнав об этом, наказали ее, т.е. вода не возымела должного действия, хотя все условия были соблюдены.

Приворот и вредительство часто встречаются в традиционной народной заговорно-заклинательной практике. Такие случаи могли стать причиной судебного разбирательства. В ГАРО находим дело о выяснении обстоятельств ареста А. Зрянихи – жительницы ст. Остроуховской Хоперского округа, обвиняемой в волшебстве (1755 г.): «дело <...> женки Авдотьи Тимофеевой дочери Зрянихи допрос <...> Остроуховской станицы о подозрениях на нее Зряниху якобы в порчевании людей и в прочем тому подобном станичное доношение <...> против которые она Зряниха содея том допросом своим не признается, и ко оправданию своему показала разные обстоятельства» ([ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 22. Л. 1](#)). Далее следуют рапорт, отчет о проведенном следствии по делу, свидетельства местных жителей. Решили, что «она никого и никогда чрез волшебство не портила». В архиве также есть дело о казаке С.К. Рогачеве и о неспособности его к сожитию с женою (1804 г.), в котором речь идет о том, что свекровь обвиняет невестку в порче мужа ([ГАРО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 781](#)).

Мы говорили, что суеверие может реализоваться в разных контекстах, в том числе касающихся закладки дома или новоселья. Обратим внимание на ритуалы, связанные с постройкой дома. Выбор места для дома является важным этапом строительства. На Верхнем Дону встречаются два основных мотива, связанные с прагматическим благополучной жизни, которые часто реализуются в паре: 1) закладка монет в фундамент при строительстве дома, а также 2) принесение строительной жертвы (петух или курица) для очистки места. Газетная публикация «О Новочеркасском соборе» ([Донской голос. 1880. № 77](#)) содержит рассказ о строительстве собора, но «двухкратное его крушение возбудили и поддерживают в народе предубеждение против места». Возник вопрос, продолжать ли строительство. Причиной крушения считался неверный выбор места, но последующие номера показывают, что предубеждение и недоверие исчезло ([Донской голос. 1880. № 78, 80](#)). В ГАРО находим несколько подобных дел. В одном ([ГАРО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 326](#)) содержится обвинение Войскового старшины Сысоева в неблагоприятных действиях при постройке Молитвенного дома. После постройки крыша потекла, колокольня построена из старого юртового леса. Произвели разбирательство и с общего согласия избрали других попечителей. В другом говорится о ветхом состоянии церкви в станице Алексеевской в 1803 г. ([ГАРО. Ф. 339. Оп. 1. Д. 193](#)). Отметим, что указанные дела не содержат мифологических причин неудачного строительства/ветхого состояния храма.

Во время архивной работы в ГАРО мы открыли для себя 55 фонд «Попов Харитон Иванович (1637–1919 гг.)» с его публицистическими и художественными текстами. Приведем фрагмент статьи «С берегов Бузулука» для редакции газеты «Донские ведомости» за 1909 г.: «Когда говорят, что доктор лечит больных при помощи внушения, гипнотизма, магнетизма, или какими-либо другими тому подобными способами, то такого доктора величают знаменитостью и называют психиатром, гипнотизером, профессором внушителем... Лечения и результаты таких докторов-профессоров – просто чудесны: стоит только вспомнить про покойного Шарко, Бернгейма из Нанси и др. Но если какой-нибудь захолустный деревенский старик с длинной мочальной бородой лечит где-нибудь на мельнице и вылечивает больных при помощи того же внушения, магнетизма, гипнотизма, то такого лекаря обыкновенно обзывают знахарем, шептуном, шарлатаном... Между тем и у Бернгейма, и у Шарко, и у других таковых же лекарей, как и у деревенского деда способ лечения один и тот же и результаты лечения одни и те же. Вся разница в том, что первые – профессора, а второй – колдун, знахарь... Этою же, еще малоисследованною, силою внушения обладают не одни мужчины, а и женщины, которые в простом народе известны

под именем колдуний, шептух, знахарок... Лица эти по своему невежеству, грубости часто злоупотребляют своею силою магнетизма и причиняют суеверному, темному народу большой вред. Особенно это часто случается пред и после совершения браков. <...> Много и в захолустьях непонятных психологических явлений среди обывателей. Есть и среди них свои Шарко, Бернгеймы, Фелэдманы и др. Нельзя, кажется, все психические явления валить в одну кучу народных суеверий, обманов, знахарства. Захолустье с своим знахарством, народные психические тайны все ждут еще своего исследователя. А пора бы, кажется, заглянуть нашим знаменитым психиатрам в этот темный, непочатый еще и полный всяких психических неожиданностей угол. Пора! Гаврилич» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 637. Л. 269 об.).

4. Заключение

На современном этапе развития научного знания в исследованиях традиционной духовной культуры произошел сознательный отказ от оценочных, и тем более негативных, суждений о народных знаниях и верованиях. Такой подход обличает фольклориста в недостаточном понимании природы народного знания (речь идет о том, что ученый словно бы имеет право утверждать, что в народной культуре верно, а что – нет).

Рассмотрев некоторые суеверия и приметы в периодике и народной культуре, мы видим, что архивные дела, которые основаны на жизненных ситуациях и конфликтах, часто становятся подтверждением существования и активности в народе того или иного представления. На страницах газет факты народной жизни часто получают поверхностное или негативное освещение, они противопоставляются науке и образованию, а интеллигенция стремится «исправить» народный взгляд на мир и его образ жизни, но данные экспедиций показывают, что те самые факты, отражающие мировоззрение и мировосприятие народа, актуальны и сегодня.

Литература

- [Богатырев, 1971](#) – *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 511 с.
- [Веселовский, 1989](#) – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
- [Виноградова, 2000](#) – *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- [Донской голос](#) – *Донской голос*. 1880, 1881.
- [Забылин, 1994](#) – *Забылин М.* Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. М.: Брайт Лайт, 1994. 464 с.
- [Материалы, 2013](#) – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.): монография / под общ. ред. П.Т. Тимофеева. Донецк: Юго-Восток, 2013. 384 с.
- [Материалы, 2017](#) – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон по теме: «Суеверия и приметы». Донецк: ДонНУ, 2017. 657 с.
- [Щепанская, 2010](#) – *Щепанская Т.Б.* Сравнительная этнография профессий: Повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 338 с.

References

- [Bogatyrev, 1971](#) – *Bogatyrev P.G.* (1971). Voprosy teorii narodnogo iskusstva [Questions of the theory of folk art]. Moscow: Iskusstvo, 511 p. [in Russian]
- [Veselovskii, 1989](#) – *Veselovskii A.N.* (1989). Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola, 405 p. [in Russian]
- [Vinogradova, 2000](#) – *Vinogradova L.N.* (2000). Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan [Folk demonology and mythoritual tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik, 432 p. [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].

Donskoj golos – *Donskoj golos* [Don voice]. 1880, 1881 [in Russian]

Zabylin, 1994 – *Zabylin M.* (1994). *Russkii narod: obychai, obryady, predaniya, sueveriya* [Russian people: customs, rites, legends, superstitions]. Moscow: Brait Lait, 464 p. [in Russian]

Materialy, 2013 – *Materialy mezhdunarodnyh studencheskih fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsij Doneckogo nacional'nogo universiteta na Verhnij Don (Volgogradskaya i Rostovskaya oblasti: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 gg.)* [Materials of international student folklore and ethnographic expeditions of Donetsk national University to the Upper Don (Volgograd and Rostov regions: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012)] / P.T. Timofeev (ed.). Donetsk: Yugo-Vostok, 2013. 384 p. [in Russian]

Materialy, 2017 – *Materialy mezhdunarodnyh studencheskih fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsij Doneckogo nacional'nogo universiteta na Verhnij Don po teme: "Sueveriya i primety"* [Materials of international student folklore and ethnographic expeditions of Donetsk national University to the Upper don on the topic: "Superstitions and omens"]. Donetsk: Donetsk National University Publ., 2017. 657 p. [in Russian]

Shchepanskaya, 2010 – *Shchepanskaya T.B.* (2010). *Sravnitel'naya etnografiya professii: Povsednevnye praktiki i kul'turnye kody (Rossiya, konets XX – nachalo XXI v.)* [Comparative ethnography of professions: Everyday practices and cultural codes (Russia, late XX – early XXI centuries)]. Saint-Petersburg: Nauka, 338 p. [in Russian]

Традиционные народные представления и их освещение в местной периодике

Ольга Александровна Шепелева ^{а, *}

^а Донецкий национальный университет

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные народные суеверия, приметы, ритуалы, актуальные сегодня на территории Верхнего Дона в аспекте их интерпретации на страницах местной периодики XIX в. Автор обращает внимание на то, что те или иные народные верования в газете часто оценены негативно, как примитивные. В публицистике данного периода поэзия народной жизни представлялась следствием недостатка образованности и просвещения. В ходе исследования были выявлены функционирующие сегодня традиционные представления и сопоставлены с их газетными интерпретациями. Материалом для исследования стали записи международных фольклорно-этнографических экспедиций на Верхний Дон в начале XXI в., дела из Государственного архива Ростовской области, а также выборки за два года из газеты «Донской голос» (1880 и 1881 гг.). Результаты работы показали, что пересечения существуют в разных сферах народных представлений: собственно суеверия и приметы, религиозность, лечение и порча, вызывание дождя, выбор места для строительства и др.

Ключевые слова: суеверие, примета, народная культура, традиции, Верхний Дон, периодика, Государственный архив Ростовской области.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: o.shepelyova@gmail.com (О.А. Шепелева)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 131-137

DOI: 10.13187/rs.2019.2.131
www.ejournal15.com

Kalmyk Collection of Felt Products from the Funds of the Russian Museum of Ethnography

Svetlana G. Batyreva ^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Systematic accounting of cultural heritage, collected, stored and multiplied in the process of recruiting funds, is the basis of the formation of the museum collections, which are considered the source base for the study of traditional culture. The solution of this problem corresponds to the state policy designated as “Preservation of objects of cultural heritage of the peoples of the Russian Federation”. The crucial conditions of its realization are “Preservation of Museum Fund and development of museums” and “Publication of full scientific catalogues of Museum collections”.

Information is the essence of museology based on the research combining the sphere of acquisition, accounting and storage of collections as well as the scientific activity. The information about the exhibits includes: title, dimension, material, technique, time of manufacture and other parameters of the museum description used in the process of studying of the cultural heritage. This defines museum work as a task of national significance in the preservation of heritage. The material of artistic crafts of Mongolian peoples is of a great scientific interest. This article deals with the traditional Kalmyk felt products stored in the funds of the Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg). The purpose and objectives of the study of these collections are to introduce into the scientific circulation an information about the various museum collections of Russia, and systematically describe the material, which is being undertaken for the first time; the objects of analysis are the exhibits of the felt collection of the Russian Museum of Ethnography.

Keywords: cultural heritage, museum, collection, exhibit, patterned felt, Kalmyk, Russian Museum of Ethnography.

1. Введение

Музейные коллекции предметов традиционного быта кочевников являются материальным свидетельством прошлого. Документальная достоверность материала, представляющего кочевой уклад хозяйствования, позволяет в целом охарактеризовать содержание и значение наследия монголоязычных народов. В настоящее время, когда традиционная культура калмыков, в отличие от живой традиции ойратов западной Монголии, утрачена в силу перехода от кочевого уклада хозяйствования к оседлому образу жизни, в ее научной реконструкции актуально привлечение музейного материала. Это позволяет восполнить исторические пробелы в создании объективной картины традиционного хозяйства, сопровождающего и обеспечивающего мобильный быт калмыков-скотоводов.

* Corresponding author
 E-mail addresses: sargerel@mail.ru (S.G. Batyreva)

2. Материалы и методы

Общеизвестно, войлок из-за трудностей хранения представляет собой редкий материал в музеях, отечественных и зарубежных. В силу исторических обстоятельств немногочисленны фонды Национального музея Республики Калмыкии имени Н.Н. Пальмова, Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН и Музея джангарчи Ээлян Овлы (пос. Ики-Бухус Малодербетовского района Республики Калмыкии), Музея Центра развития калмыцкой национальной культуры «Булг» (пос. Цаган-Аман Юстинского района). Изделия, собранные в музеях в сравнительно небольшом количестве, представляют собой экспонаты пластического фольклора калмыков. Они являются материальным источником в изучении традиционных ремесел. Научная база исследования основывается на систематизированном учете и описании культурного наследия, собираемого в процессе комплектования музеев.

Основным источником по материально-художественной культуре Калмыкии XIX – начала XX в. является фондовый материал музеев республики, а также коллекции музеев Санкт-Петербурга и городов юга России. Отметим, что Российский этнографический музей (далее – РЭМ) обладает богатейшими коллекциями изделий ремесленного производства многих народов России, в том числе и калмыков. Особый интерес в этом плане представляет специализированный фонд Войлочной кладовой и Мягкий фонд Отдела народов Сибири РЭМ, где хранятся предметы материальной культуры, и в частности, войлочные изделия монголоязычных народов.

Войлок и войлоковалание, представленное экспонатами в собрании РЭМ, является уникальной источниковой базой изучения калмыцкой традиционной культуры. Таков материал народного декоративно-прикладного творчества, в сфере которого рассматриваются произведения художественных ремесел как особой части культурного наследия калмыков на материале коллекций музеев России. Созданная база данных (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2017620279 «Собрание Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН» от 07.03.2017 г.) включает совокупность параметров музейного описания экспонатов, необходимых в исследовании культурного наследия, решении задачи государственной значимости (Батырева, 2004: 165–172).

3. Обсуждение и результаты

Обращаясь к историографии культурного наследия, собираемого и хранимого в музейных коллекциях, отметим, что его изучение исторически было связано с организацией и проведением этнографических выставок, призванных показать традиционную культуру и быт народов России XIX в. Так, Всероссийская нижегородская выставка 1896 г. объединила обширный экспозиционный ряд, представлявший быт и культуру народов Астраханской и Ставропольской губерний. Результатом их проведения стало зарождение музееведения как научного знания и появление специализированной литературы о традиционной культуре народов. Таков каталог (Каталог, 1902) Первой Международной выставки исторических и современных костюмов и их принадлежностей, изданный в 1902 г. в Санкт-Петербурге, связанный с организацией выставок в России и за рубежом. Для нас издание представляет особую ценность как источник об одежде и ремеслах калмыков XIX – начала XX вв. Этнографическое и музееведческое изучение материальной культуры народов России отвечало в целом социально-экономическим и политическим потребностям государства XIX – первой трети XX вв., не утерев значения и в наше время (Этнографическое изучение, 1989).

В республиканских музеях представлены изделия в основном XX – начала XXI в., поступившие из районов республики (Юстинский, Кетченеровский), а также из Западной Монголии (Улан Гом, Ховд, Булган) и Синьцзян-Уйгурского автономного региона Китая. Собранный в научно-поисковых экспедициях Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в районы республики в 2000–2001 гг. и в Западную Монголию в 2007 г. материал ценен для изучения ремесел, связанных с обработкой дерева и металла, кожи и ткани, и в частности, художественной обработкой войлока (Батырева, 2007: 45–47). Коллекции Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН представлены в документации первичного учета поступивших экспонатов, каталогах и оформлены базой

данных «Музейное собрание КИГИ РАН» (2016). Аннотация экспонатов, дополняемая примечанием, содержит параметры музейного описания материала (датировка, материал, размеры, сохранность и пр.) с указанием наличия декоративного оформления – узорной композиции изделий.

Экспозиционный и фондовый материал Национального музея Республики Калмыкия имени Н.Н. Пальмова различен в происхождении, в основном датируется второй половиной XX в. Объясняется это историей народа, материальная и духовная культура которого была значительно редуцирована вследствие депортаций (1943–1956). Характеризуя республиканский музейный фонд узорного войлока Калмыкии, отметим: большинство экспонатов представлено традиционными войлочными циновками «ширдг» прямоугольной формы, как правило, одно- или двухслойными. Украшенные стеганой композицией геометрического узора, изделия представляют этнические художественные традиции XIX – первой половины XX в. (Батырева, 2017). Отдельные экспонаты из собраний Национального музея Республики Калмыкия имени Н.Н. Пальмова и Астраханского музея-заповедника, а также РЭМ имеют характерный в центре дублетный слой войлока темного цвета. Интерес представляет войлок из Музея джангарчи Ээлян Овла (пос. Ики-Бухус) и районного музея (Цаган-Аман), отличающийся деталями узорного оформления стеганой композиции.

История калмыцкого народа во многом обусловила фрагментарный характер сохранившегося и дошедшего до нашего времени наследия. Поэтому калмыцкие коллекции РЭМ представляют сегодня особый интерес и имеют значение для музейного изучения традиционной культуры Калмыкии. Их описание позволит впервые ввести в научный оборот богатый материал традиционного быта и культуры калмыков, хранимый в фондах РЭМ.

Разнообразна коллекция калмыцкого войлока в собрании РЭМ, представленная кибиточным комплектом из Войлочной кладовой и изделиями Мягкого фонда (попона и недоуздки на верблюда, циновки, круглые подушки-валики, ухватки для котла и пр.). В фондах другого Санкт-Петербургского музея – Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) – хранится комплекс деталей войлочного покрытия монголов, поступившего в 1899 г. от кяхтинского купца Г.М. Осокина. Жилище традиционно для материального быта номадов – калмыков и ойратов Монголии. В музееведческом исследовании культурного наследия номадов естественно опереться на труды отечественных ученых (Житецкий, 1892; Пальмов, 1921, 1924; Калашникова, 2009), посвященные культуре, и в частности, войлоковалению в общем и особенностям декора изделий из традиционных материалов. Используется также полевой материал автора рубежа XX–XXI вв. (Монголия, Калмыкия). Комплектование калмыцкой коллекции в собрании РЭМ происходило по мере поступления и оформления учета с конца XIX по начало XX в. Разнообразный по предметному составу материал представлен изделиями ремесленного производства из кожи, дерева, металла, ткани, меха, а также войлока. Помимо Войлочной кладовой, располагающей комплектом покрытия калмыцкой кибитки «ишкэ гер» и циновок «ширдг» из валяной шерсти, имеются изделия, собранные в местах проживания калмыков. В предварительном обзоре музейных экспонатов выделяем данные изделия с указанием номера коллекции и зарегистрированных в системе учета РЭМ.

Коллекция № 189 поступила от П.Г. Щербова через Императорское Русское географическое общество, состоит из экспонатов Всероссийской Нижегородской выставки 1896 г., переданных в качестве дара. Среди предметов одежды и быта, представляющих культуру калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, изготовленных из разных материалов, выделим достаточно редкий экспонат в музейных коллекциях традиционного быта. Это волосяной аркан «арһмж», сплетенный из конского волоса с петлей на конце, длиной 17 м (инв. № 189-15). В Музее традиционной культуры имени Зая-пандиты имеются подобные изделия калмыков, дополненные монгольским арканом «цалм» (Западная Монголия, Увс аймак), изготовленным из цельной телячьей кожи.

Коллекция № 369 более обширна в интересующем нас предметном составе, представляет традиционный быт калмыков Астраханской губернии. Зимние чулки «өмсн», валяные из белой овечьей шерсти (1 пара), шириной 17 см и длиной от пятки до колена 41 см (инв. № 369-50 а, б) носились мужчинами и женщинами. По верхнему краю они иногда

имели цветную шерстяную кайму, исчезающую в декоре изделий XX в. Таковыми являются валяные чулки калмыков и западных монголов в коллекции Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН.

Уникален «ногт», недоуздок верблюжий (без поводка), сшитый из полосок тонкого войлока, дублированного белой материей. На полоски нашиты украшения из цветных суконных квадратиков и треугольников. Края изделия окантованы шерстяным шнурком «зег» (инв. № 369–124). Потник «тохм» для двугорбого верблюда скроен из двух четырехугольных кусков войлока, покрывающих два горба, которые кончаются небольшим отверстием для доступа воздуха. Кошма простегана шерстяными нитями, образующими квадраты и ромбы в декоре. Края потника по низу кругом, спереди и сзади до горбов включительно, обшиты широкой полосой из черных, красных и зеленых квадратов бумажной материи. Изделие дополнено нарядным надхвостником с кисточкой на конце длиной 142 см, расшитым и апплицированным квадратами и треугольниками из ткани (инв. № 369–207).

Дополняют войлочный ансамбль выючных животных, составлявших свадебный поезд невесты, переметные сумы «даалнг» из толстой плотной материи, вытканной из белой шерсти. Они состоят из двух половин, покрытых с лицевой стороны пестрым ковром и соединенных полоской ковра шириной 14 см. Края изделия обшиты волосяными петлями и тесемками. Ширина сумы в основании составляет 55 см, у отверстия – 48 см, по длине – 47 см (инв. № 369–206). В комплект входит ковер «кевс» с узорами и бахромой по краям, размером 133 x 248 см (инв. № 369–191).

Хорошо сохранились постельные принадлежности – тюфяки «девскр» (инв. №№ 369–195а, 369–195б, 369–194), представляющие собой белую длинную кошму, передний край которой обшит тесьмой «кев». Они стелились на семейную кровать обшитой стороной к очагу. Их длина – 3 м 55 см, ширина – 1 м 20 см.

Войлочными циновками, выстилающими пол в кибитке, являются кошмы «ширдг» (инв. №№ 369–197, 369–196, 369–198, 369–199), простеганные шерстяными нитями в форме квадратов и ромбов в центре и параллельными линиями по краям. Иногда с нижней стороны изделия из валяной шерсти подшиты кошмой иного цвета, не достигающей до краев войлочной основы. Циновки различной толщины и средних размеров (длиной – 3 м, шириной – 1–2 м) стелились и на кровать. Вкупе эти предметы составляли приданое калмыцкой невесты, по традиции загружаемое на нарядно украшенных верблюдов. Фотография свадебного поезда хранится в фотоархиве Российского этнографического музея.

Циновки могли быть маленькими, покрытыми сверху зеленоватой материей, в середине – красной; верхний слой из светлой ситцевой ткани. Они стелились поверх войлоков для почетных гостей, достигая в длину 1 м 37 см, в ширину – 67 см (инв. № 369–200). В подобных целях использовалась четырехугольная подушка для сиденья «талбг», крытая темно-синим сукном. Края обшиты широким позументом размером 55 x 55 см (инв. № 369–201). Похожие по размерам и наличию стеганого декора изделия, датируемые в основном XX в., имеются в музейных коллекциях Калмыкии.

В комплект войлочных покрытий кибитки «ишкэ гер» рассматриваемой коллекции Российского этнографического музея входят кошмы «турh» (инв. № 369–213/2) – изделия одинаковой формы, покрывающие решетчатую стену и часть крыши. Низ кошмы шире верха, имеет форму выпуклого полукруга, а верхний край – форму полукруглого выреза. Кошма состоит из двух половин: нижней, которая покрывает стены, и верхней на крышу. Края последней обшиты шерстяным шнурком «зег». К верхним углам четырех покрытий пришиты шерстяные тесьмы «хошлнh».

Кошма «деевр» (инв. № 369–214), скроенная подобно «турh» полукругом, но большего размера, служила верхним покрытием кибитки. К углам и краям двух полотнищ пришита длинная тесьма, края обшиты шерстяным шнурком «зег». Подобная часть покрытия, представляющая фрагмент кибиточного покрытия, имеется в войлочной коллекции Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН.

Четырехугольная кошма «өрк» (инв. № 369–215) ромбовидной формы, к ее длинным и острым углам пришито по тесьме «өркин буч». Края кошмы обшиты шнурком, служит для покрытия дымохода «харач». Половина кошмы откидывается назад, и дном часть дымохода

всегда открыта. Закрывается она только ночью и во время снега или дождя, накидывается на деревянный каркас кибитки в последнюю очередь.

«Кевс» (инв. № 369-216) – прямоугольной формы войлок, верхние края которого обшиты полосой, составленной из треугольных лоскутов красного и черного сукна. Он растягивается внутри юрты на стене, служит настенным ковром. Коллекция зарегистрирована Ц. Жамцарановым в январе 1904 г.

Коллекция № 1080 приобретена на средства Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. Собиратель А. Миллер был командирован в Область Войска Донского, Сальский округ в июле 1906 г. (Миллер, 1907).

Постельные принадлежности в коллекции представлены ширдыком (инв. № 1080-27). Белая кошма длиной 183 см, шириной 87 см настилась поверх постели. Края обшиты двумя шерстяными шнурами, она простегана линейным декором, по краям дугообразными фестонами. На циновке по традиции сидели невеста и жених при совершении брачного обряда.

Веретено «иг» (инв. № 1080-63) состоит из деревянного стержня длиной 45 см с насаженным на него деревянным кругом диаметром 8,5 см и толщиной 2 см. Круг укреплен железной вставкой и гвоздем, имеет четыре косых нареза для нити и продолжается стержнем для наматывания нитей. При сучении веретено держится на нитке в левой руке, кругом вверх. Вращательное движение сообщается правой рукой: стержень прислоняется к бедру в прокатывании рукой.

Аркан «армж» (инв. № 1080-66), представляет собой канат, сплетенный из двух шнуров конских волос. Длина 7 м, толщина 11,5 см. На конце привязана петля, согнутая из распаренного дерева, концы петли скреплены проволокой. Арканы гораздо больших размеров имеются в собственности Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН (Батырева, 2017).

Путы «чөдр» (инв. № 1080-67/а, б.) для жеребенка изготовлены из шерстяной плетеной тесьмы. Внизу изделия имеется петля для продевания застежки, состоящей из палочки с двумя заостренными концами. Во время доения кобыл жеребят, чтобы они не мешали процессу, с помощью этого приспособления привязывали, продевая палочку в петлю. Такие путы западных монголов имеются в музейном собрании Калмыцкого научного центра РАН (Батырева, 2017).

Узлы «төмдэ» (инв. № 1080-73/а, в, с, d) представляют собой четыре образца узлов из веревок, используемых в скотоводческом хозяйстве калмыков.

Приспособление «хошлнһ» (инв. № 1080-74/а, в, с) состоит из палки, обшитой полостью, шнура из конских волос, дубового ножа «үлд». Пучок ниток натягивается между двумя кольями. Верхний и нижний ряды ниток продеваются с обеих сторон через нашитые с правильными промежутками петли. Нижний ряд ниток поднимается шнуром из конских волос. Поперечная нитка для прочности плетения полотна забивается и уплотняется деревянным ножом «үлд». Приспособление приобретено вместе с начатым тканьем. Есть описание приспособления у И. Житецкого (Житецкий, 1892).

Мячи «монда» (инв. № 1080-84/а, в) – пара черного и белого мячей. В черном мяче шерсть накатана на глиняный шарик, белый мяч накатан из белой коровьей шерсти. Мячи зарегистрированы А. Миллером 12 февраля 1907 г.

4. Заключение

В целом калмыцкая коллекция войлочных изделий из собрания РЭМ дает представление о сфере применения валяной шерсти в традиционном быту народа. В изучении этнической культуры калмыков впервые вводится в научный оборот новый фондовый и экспозиционный материал РЭМ, что позволит значительно углубить исследование ремесленного производства и художественных традиций войлоковаления, а также выявить в сравнительно-сопоставительном анализе степень сохранности и трансформации культурного наследия в современном обществе.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Литература

Батырева, 2004 – Батырева С.Г. Из опыта создания Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН // Альманах-2002. Музеи Российской Академии наук. М: Наука, 2004. С. 165–172.

Батырева, 2007 – Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”», 2007. 184 с.

Батырева, 2017 – Батырева С.Г. Художественная обработка войлока в кочевом быту калмыков России и ойратов Монголии. К постановке проблемы изучения (на материале музейных коллекций России) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 3. С. 93–99.

Житецкий, 1892 – Житецкий И.А. Астраханские калмыки. Наблюдения и заметки в 2-х очерках. Астрахань: Типография «Астраханского листка», 1892. V, 214 с.

Калашникова, 2009 – Калашникова Н.М. В мире войлока. Буклет. СПб.: РЭМ, 2009. 4 с.

Каталог, 1902 – Каталог... Первой Международной выставки исторических и современных костюмов и их принадлежностей... С.-Петербург, 1902–1903. [Санкт-Петербург]: [б.и.], 1902. 80 с.

Миллер, 1907 – Миллер А.А. Материалы по калмыцкой этнографии. Рукопись, зарисовки, фотографии (1906–1907) // Сектор рукописей государственного музея этнографии. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. 29 л.

Пальмов, 1921 – Пальмов Н.Н. Несколько слов по вопросу о культурно-художественных влияниях, каким мог подвергаться калмыцкий народ в продолжении своей исторической жизни // К открытию Областного Калмыцкого историко-этнографического музея. Астрахань: Издание ЦИК Автономной Калмыцкой области, 1921. С. 6–14.

Пальмов, 1929 – Пальмов Н.Н. О калмыцких ремеслах // Калмыцкая степь. Астрахань, 1929. № 4–6. С. 64–75.

Этнографическое изучение, 1989 – Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. 297 с.

References

Batyreva, 2004 – Batyreva S.G. (2004). Iz opyta sozdaniya Muzeya kalmytskoi traditsionnoi kul'tury imeni Zaya-pandity KIGI RAN [From the experience of creation of the Museum of Kalmyk traditional culture named after Zayapandita KIHR RAS]. Al'manakh-2002. Muzei Rossiiskoi Akademii nauk [Almanakh-2002. Museums of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Nauka Publ. pp. 165–172 [in Russian]

Batyreva, 2007 – Batyreva S.G. (2007). Muzei traditsionnoi kul'tury v sisteme nauki i obrazovaniya [Museum of traditional culture in the system of science and education]. Elista: ZAOr «NPP “Dzhangar”». 184 p. [in Russian]

Batyreva, 2017 – Batyreva S.G. (2017). Khudozhestvennaya obrabotka voiloka v kochevom bytu kalmykov Rossii i oiratov Mongolii. K postanovke problemy izucheniya (na materiale muzeinykh kollektzii Rossii) [Felt craft in nomadic life of Kalmyks of Russia and Oirats of Mongolia. On the problem of studying (on the material of Museum collections of Russia)]. Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. № 3. pp. 93–99 [in Russian]

Zhitetskii, 1892 – Zhitetskii I.A. (1892). Astrakhanskie kalmyki. Nablyudeniya i zametki v 2-kh ocherkakh [Astrakhan Kalmyks. Observations and notes in 2 essays]. Astrakhan: Printing house of “Astrakhanskii listok”. V, 214 p. [in Russian]

Kalashnikova, 2009 – Kalashnikova N.M. (2009). V mire voiloka. Buklet [In the world of felt. Booklet]. Saint-Petersburg: Russian Museum of Ethnography Publ. 4 p. [in Russian]

Katalog, 1902 – Katalog... Pervoi Mezhdunarodnoi vystavki istoricheskikh i sovremennykh kostyumov i ikh prinadlezhnostei... [Catalogue... of the First International Exhibition of Historical and Modern Costumes and Their Accessorie]. Saint-Petersburg, 1902–1903. [Saint-Petersburg]: [s.n.], 1902. 80 p. [in Russian]

Miller, 1907 – Miller A.A. (1907). Materialy po kalmytskoi etnografii. Rukopis', zarisovki, fotografii (1906–1907) [Materials on Kalmyk ethnography. Manuscript, sketches, photographs (1906–1907)]. Sektor rukopisei gosudarstvennogo muzeya etnografii [Sector of manuscripts of the State Museum of Ethnography]. Fund. 1. List. 2. File. 403. 29 sheets [in Russian]

Pal'mov, 1921 – Pal'mov N.N. (1921). Neskol'ko slov po voprosu o kul'turno-khudozhestvennykh vliyaniyakh, kakim mog podvergat'sya kalmytskii narod v prodolzhenii svoei istoricheskoi zhizni [A few words on the issue of cultural and artistic influences that the Kalmyk people could be exposed to in the continuation of their historical life]. K otkrytiyu Oblastnogo Kalmytskogo istoriko-etnograficheskogo muzeya [To the opening of the Regional Kalmyk historical and ethnographic museum]. Astrakhan: Edition of the CEC of Kalmyk Autonomous Region. pp. 6–14 [in Russian]

Pal'mov, 1929 – Pal'mov N.N. (1929). O kalmytskikh remeslakh [About Kalmyk crafts]. *Kalmytskaya step'*. Astrakhan. № 4–6. pp. 64–75 [in Russian]

Etnograficheskoe izuchenie, 1989 – Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury [Ethnographic study of sign means of culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 297 p. [in Russian]

Калмыцкая коллекция войлочных изделий из собрания Российского этнографического музея

Светлана Гарриевна Батырева ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Систематизированный учет культурного наследия, собираемого, хранимого и умножаемого в процессе комплектования фондов, лежит в основе формирования коллекций музеев, которые являются источниковой базой для изучения традиционной культуры. Решение данной проблемы отвечает государственной политике, обозначенной как «Сохранение объектов культурного наследия народов Российской Федерации». Программными условиями ее реализации являются «Обеспечение сохранности музейного фонда и развитие музеев» и «Издание полных научных каталогов собраний музеев».

Информация – суть музейного дела, в основе которого лежат исследования, объединяющие сферу комплектования, учета и хранения фондов и научную деятельность. Сведения об экспонатах включают: наименование, размеры, материал, технику, время изготовления и другие параметры музейного описания, используемые в процессе изучения культурного наследия. Это определяет музейную работу как задачу государственной значимости в деле сохранения наследия. Научный интерес представляет материал художественных ремесел монгольских народов. Данная статья посвящена традиционным изделиям из войлока калмыков, хранящимся в фондах Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). Цель и задачи изучения коллекций – введение в научный оборот сведений о разнообразных музейных фондах России, системное описание материала, предпринимаемое впервые; привлекаются экспонаты войлочной коллекции Российского этнографического музея.

Ключевые слова: культурное наследие, музей, коллекция, экспонат, узорный войлок, калмыки, Российский этнографический музей.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: sargerel@mail.ru (С.Г. Батырева)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 138-147

DOI: 10.13187/rs.2019.2.138
www.ejournal15.com

Mythopoeitic Ideas about the Disease in the Oral Tradition of Nekrasov Cossacks

Tatyana Yu. Vlaskina ^{a, *}

^aFederal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the consideration of ideas about the disease in the oral tradition of Nekrasov Cossacks. A variety of published and unpublished sources are used as the research information base. Field materials of the Don folklorist F.V. Tumilevich is the subject of close attention along with the data collected later. The image of the disease appears to be a complex and continuously evolving structure in the light of a comprehensive analysis. It combines several semantic layers that appeared in connection with ancient and new circumstances. The archaic ideas about the introduction of the harmful demons into a person are the basis of the concept of disease. Nekrasov Cossacks believed that disease was a challenge or a punishment from God as well. Empirical experience, new knowledge are woven into old ideas and become a part of the image of the disease over time. The image of the disease reflects the features of the historical path of the Nekrasov Cossacks and the complexity of the transition from the mythological way of perceiving the world to the scientific one.

Keywords: Disease, Nekrasov Cossacks, Legend, Oral Tradition, Religious Ethics, Empirical Experience, Historical Dynamics.

1. Введение

В мировой культуре осмысление такого явления, как болезнь, связано с целым комплексом сложных познавательных процессов, направленных, в конечном счете, на смену мировоззренческих парадигм. Архаические представления о воздействии на человека сверхъестественных сил вытеснялись позитивистскими знаниями о функционировании живых организмов и природных стихий постепенно и исподволь, свидетельством чего могут служить тексты различной этиологии и назначения, которыми насыщена устная традиция. Имеют место они и в фольклорном наследии казаков-некрасовцев.

2. Материалы и методы

Первые образцы интересующего нас типа были введены в научный оборот достаточно давно. В основной корпус текстов несказочной прозы, опубликованных Ф.В. Тумилевичем и определенных им как «предания», вошло несколько рассказов о болезнях. Важность данной тематики в контексте легендарного нарратива некрасовцев связана с такими вехами их истории, как переселение на о. Мада и переживание смертоносных эпидемий, – событий, оказавшихся роковыми для судьбы общины в целом. В силу этого исследователь,

* Corresponding author

E-mail addresses: vlaskiny@mail.ru (T.Yu. Vlaskina)

выказывавший равнодушие к народной медицине как части этнофольклорной проблематики, не мог обойти вниманием сюжеты о происхождении болезней, знахарях и больных. Однако до последнего времени в отдельную группу эти сюжеты не сводились и во всем многообразии разножанрового и разноформатного материала не рассматривались. Для этой цели мы привлекаем диалектологические источники (Сердюкова, 2005) и ресурсы объединенного архива этнолингвистических экспедиций (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999; ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). Кроме того, уточнения требуют и ранее опубликованные тексты. Согласно методическим установкам середины XX в., произведения из сборников некрасовского фольклора, составленных Ф.В. Тумилевичем, зачастую отличаются от черновых записей: в публикациях устранены или заменены некоторые слова, сокращены отдельные мотивы и т.п. Детальное рассмотрение названных особенностей заслуживает специального внимания. Здесь же мы ограничимся замечанием о необходимости обращения к полевым рукописям ученого с тем, чтобы путем сравнения выявить редакционные правки, отразившиеся на содержании, и учесть этот фактор при дальнейшем анализе.

3. Обсуждение и результаты

Представления казаков-некрасовцев о происхождении болезней, наряду с эмпирическим компонентом, в основе которого – знания о воздействии сил природы на человеческий организм, сохранили значительный корпус мифологических образов и сюжетов. Центральной идеей, объединяющей разнообразные этиологические суждения в стройную концепцию, является идея Божьего промысла, в русле которого болезнь может быть наказанием, испытанием и даже отличием и может настичь человека в любой день и час. В эту идею вполне вписывается иномирное демоническое происхождение большинства недугов.

Приведем несколько сюжетов из собрания Ф.В. Тумилевича, в которых демоническая природа болезни предстает особенно откровенно. Так, в тексте о происхождении болезней, записанном в х. Ново-Некрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, помимо неоднократно зафиксированных мотивов «заклятье Екатерины» и «подморная земля», содержится сюжет о том, как турки болезнь на белый свет выпустили. «Раньше, в премудрой Софии – в соборе, что в Константинополе стоит, в куполах собора была вся болезнь запечатана. Люди рожались, жили по-много, а в положенный час помирали. Никто не знал, что это за болезнь. Шло так время, шло и никто не болел. А тут у гречина, что бога прогневил, пришли турки, взяли Константинополь. Взявши – захотели премудрую Софию сломать. Полезли турки на купола и стали ломать. Как только распечатали купола, сбили их, – распечатали и болезнь. Вышла болезнь наружу и пошла по всему свету. Стали люди болеть. А то, до того, окромя смерти ничего не было»¹ (М.М. Гоголева, зап. в 1955 г.) (Предания Т. II: 89д–89е). В этом сюжете используется широко распространенный классический мотив «ящик Пандоры». Потенциальное множество будущих недугов выступает в концептуальном виде как единая *болезнь*, от которой люди были изначально ограждены. *Болезнь* была распечатана вместе с утверждением иноверцев в цитадели православия – храме Святой Софии. Идеальное прошлое – это время, когда *честная смерть* приходила без страданий в *положенный час*. Распространение болезни по миру оказывается карой за поругание христианских святынь, которое в свою очередь, было допущено высшей волей, как наказание византийскому императору²: *у гречина, что бога прогневил, пришли турки, взяли Константинополь*.

Остров Мада, где от реальных холеры и малярии погибла большая некрасовская община, предстает в преданиях и легендах не столько нездоровым, сколько inferнально опасным местом. Мада – средоточие колдунов, чернокнижников, ходячих покойников и прочей нечисти: «На Маде была болезнь – холера, от нее все некрасовцы и поумирали. А еще турки до нашего прихода жили на острове и тоже все поумирали. Вот те турки

¹ При цитировании, орфография и пунктуация источника сохраняется.

² Сюжет связан с преданием об императоре Константине, которого гордыня привела к святотатству. Легенда о св. Елене и императоре Константине была записана в х. Новокумском Левокумского р-на Ставропольского края в 2010 г. (Зудин, 2012: 331–348).

хоронили на Маде колдунов. Жили на могилах турок и черти. А когда наши поселились, так те колдуны и черти по ночам вставали из могил и ходили по хатам и людей смерти придавали» (И.Т. Королев, зап. в 1958 г.) ([Предания: 125](#)).

Иномыриность угроз, которые таил остров, особенно усиливалась их инородностью. Источником устрашающих слухов о колдунах и чернокнижниках выступало местное население: «Говорили, что до некрасовцев на Маде жили греки, потом турки и все они поумирали» (Д.Л. Фатеева, зап. в 1958 г.) ([Фатеева. Заметки и тексты: 36](#).); «Как озеро появилось, острова стали подморными. А тут еще и турки напакостили. Когда у них умирали чернокнижники они их хоронили на Маде. Вот они вставали из могил, да ходили по нашему селу ночью. Придут и задавят» (Г.Н. Царев, зап. в 1958 г.) ([Предания: 137](#)). «Турки на Маду ездить боялись, называли наш остров Кара-Мада, Черная Мада, подморная земля» (Г.Н. Царев, зап. в 1958 г.) ([Предания: 131](#)).

Симптомы болезней о. Мады так часто описываются как результат воздействия демонических существ, что рациональная картина произошедшего в воспоминаниях отходит на второй план, а иной раз и вовсе теряется. Не случайно, у Федора Викторовича Тумилевича сложилось впечатление, что рассказы мадьевцев, насыщенные фантастическими деталями, могли возникнуть не иначе, как под влиянием галлюцинаций ([Тумилевич, 1961: 262](#)).

В некрасовские былички о болезнях проникли такие персонажи восточного фольклора, как дервиши, шайтаны, джины, дедé и¹, которые несколько потеснили традиционных для славянской традиции колдунов, оборотней и чертей. В некоторых случаях заимствованные персонажи выступают под собственными именами и выполняют соответствующие функции. Таков, например, дедей, который, как и положено духу предка, живет среди могильных ям и наказывает чужаков за непочтительность неизлечимой болезнью: «Плюнули в одну яму, а из нее как выскочит дидей и за нами. Мы бежать. Прибегли домонь, а после того не разу не ходили за станицу. Хорошо, что нас дидей не тронул, а то бы и мы померли» (М.Е. Гарбузова, зап. в 1946 г.) ([Предания Т. I: 181](#)).

В ряде текстов прослеживается иная модель восприятия иноэтничных элементов, согласно которой функции и другие признаки традиционного вредителя изменяются таким образом, что можно сказать, под его именем скрывается заимствованный персонаж. Например, в быличке «Черт мстит некрасовцам»², казака парализовало – *перекосило* – после того, как он справил нужду на могиле черта (Д.Л. Фатеева, зап. в 1958 г.) ([Фатеева. Заметки и тексты: 39–41](#)). Этот сюжет целиком дублирует популярные османские истории о джинах, насылающих болезни с соответствующим запретительным императивом: в местах обитания джинов нельзя справлять ни малую, ни большую нужду. Особенно примечательно, что, по турецким поверьям, виновников также постигает паралич: у них отнимаются руки и ноги ([Гордлевский, 1962: 316](#)). Причиной ряда недугов некрасовцы считали обескровливание людей и животных особым демоном. В одном из преданий казаки обессиливают и умирают потому, что их кровь выпивает баран-вампир, в которого превращается похороненный возле станицы турок: «Он по ночам выходил из могилы, претворялся в барана и прибегал в станицу. Придет и сосет людей, люди-то без крови остаются, поделаются зелеными, а потом умирают» (М.Е. Гарбузова, зап. в 1946 г.) ([Предания Т. I: 182](#)). Подобные поверья более развиты на Балканах и в Добрудже, к северо-востоку славянского мира они редки, хотя отдельные мотивы просматриваются в сюжетах об оборотнях, упырях, колдунах и хождении мертвецов ([Левкиевская, 1995: 282](#)).

При таком обилии сюжетов, в которых тема болезни разворачивается в демонологическом ключе, не удивительно, что вплоть до возвращения в Россию некрасовцы считали причиной большинства недугов вселение в человека нечистого духа, и основной парадигмой лечения было его изгнание. Например, изгнание лихоманки при помощи испуга считалось очень действенным: «У нас лячили от лихоманки так: кого она трусит, на того льют холодную воду, да так, чтоб больной не видел. Как он испугается,

¹ В записях Ф.В. Тумилевича «дидей», видимо от турецкого Dede' в значениях 1) дед, дедушка, 2) предок, 3) шейх у дервишей мевлеви ([Турецко-русский словарь, 1977: 212](#)). Однако по функциям и локализации персонаж в одних случаях больше напоминает джина, а в других – вампира.

² В публикации текст озаглавлен «Перекошенный казак» ([Тумилевич, 1961: 209–210](#)).

лихоманка его покинет. Если она не бросит больного, тогда греют воду, бросают в нее горячих углей, а потом над больным держат сито над головой, льют воду и читают «Богородицу»» (Д.Е. Беликова, зап. в 1959 г.) ([Предания Т. II: 123](#)).

Процедура физического изгнания являлась единственным способом лечения таких болезней, как сумасшествие и бешенство: «Наша бабушка лечила. Закроет яво в одну комнату и возьмёт хворостинку. И хворостинкой яво пришлёт, если вон балуется, и читала. Да, вот убивали, лящили тем. <...> Беса выгоняли» (зап. от Т.Т. Елисютиковой, 1934 г.р., в 2010 г., соб.: Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина) ([ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ \(РГУ\), 2010](#)).

Но, по свидетельствам информантов, знахарская практика и в других случаях зачастую выражалась в ритуалах изгнания: «Заболеет бывало человек у нас на Майнозе, никто не знает, чем заболел. Призовут бабку, она гутарит: “Враг (черт. – Ф.В.Т.) вселился”. Ну, сейчас того больного лечить начинают. Оденут на него хомут, уздечкой взнуздают и начинают за чумбур (конец повода. – Ф.В.Т.) тянуть через хомут. А поп в это время причитать начинает, дьякон кадиллом кадит, да подпекает попу. Народу набежит много глядеть. Каждый кричит, советы дает: – Хомут подтяни. – Резче за чумбур тяни! – Улюлюкают, в ведра бьют. Это врага пугают. Ну, ад кромешный. Может человек-то и поправился бы без такого лечения, а тут непременно помрет» (Д.С. Семутина, зап. в 1956 г.) ([Предания Т. II: 16–17](#)).

Естественно, в данном контексте отношение к профессиональной медицине было весьма критичным: «Попы, наши старые люди гутали: “Кто до дохтура ай да фершела пайдет – проклят будет, загубит себя и душу свою, бесу продается. С доктором дело иметь, что тютюн (табак), али каву (кофе) и чай пить”» (Д.С. Семутина, зап. в 1956 г.) ([Предания Т. II: 16](#)). С одной стороны, неприятие медицинской помощи, очевидно, связано с концепцией Божьего промысла, в русле которой лечение есть противодействие высшей воле и потому становится в ряд других греховных деяний. Но с другой, причина подобной нетерпимости может быть связана с различными принципами, на которых строятся стратегии знахарской и врачебной помощи. Изгнание болезни (т.е. демона) противопоставляется ее лечению, которое может рассматриваться как убаживание, умиротворение, задабривание нечистой силы. При этом стоит отметить: обе парадигмы не противоречат, а дополняют друг друга.

В более поздних записях встречается противоположное мнение. Худшим решением представляется обращение к знахарям: «Грех, грех. Луччи к врачу иди, а г бабушки ни хади. От, любому батюшки пайди – и батюшка тебе скажыть, ты мне вспомнишь» (зап. от Т.Т. Елисютиковой, 1934 г.р., в 1999 г., соб.: Т.Ю. Власкина) ([ПМДЭЭ ЮФУ \(РГУ\), 1999](#)). Это может быть признаком мировоззренческой динамики, деархаизации сознания, произошедшей с некрасовцами за столетия после выхода из культурной изоляции, но может свидетельствовать об имманентной противоречивости традиционных установок. Так или иначе, на рубеже XX–XXI вв. отношение к суевериям и магическим практикам народного быта у представителей некрасовской общины более осторожное и, можно сказать, нетерпимое, чем 2–3 поколения назад. Это могло существенно ускорить модернизацию сознания не только молодых, но и пожилых членов общины.

Любопытны полевые записи Ф.В. Тумилевича: в начале 1960-х гг. он фиксирует определенную динамику взглядов у старожилков с. Некрасовка Кизлярского района в Дагестане. Своеобразный вердикт религиозному прошлому, где архаические воззрения на болезнь упоминаются рядом с неприятием технических новшеств, вынес Иван Акимович Петухов: «Мы были жалкие слепцы: оспу прививать считали грехом, на карточку боялись сниматься, до врачей не ходи» ([Кизляр – Некрасовка, 1961: 99](#)). Это заявление исключительно тем, что оно принадлежит действующему знахарю – подобным личностям, в связи с их занятиями, обычно приписывают косность и невежество, склонность к иррациональному мышлению. Уместно также вспомнить мифологему неустойчивости некрасовского войска, представленную в устноисторическом нарративе примерно тех же лет фиксации. Секрет неустойчивости, согласно преданию, – в тайных магических знаниях: «Игнат наш наверно был волшебник. Когда он с Дону увел народ на Кубань с ним пошло много стариков – они тоже были волшебники. Сорок тысяч пошло одной кавалерии и все были заговорены, ни одного не убило <...> Не стало сударя, поумиралы предки. Мы-то уж такими не были на нас заговор не пошел, вот и стал турка брать казаков на службу. У Игната

были заговоры от пули, шашки, пики. Пойдут бывало предки на Катеринино войско, бьют его, а их ничто не брало» (Д.Е. Беликова, зап. в 1959 г.) (Предания Т. II: 123–124). Признание во владении волшебством, предосудительное в повседневной жизни старообрядческой общины, в данном жанре и событийном контексте не порочит, а скорее, возвеличивает легендарных предков.

И все же, как группа, для которой конфессиональная характеристика остается одним из двух важнейших оснований идентичности, казаки-некрасовцы буквально до последнего времени сохраняли обостренное рефлексирование относительно этических аспектов лекарской деятельности. С одной стороны, рефлексия была непосредственно связана с архаическими представлениями об этиологии болезней, а с другой – с ревностной заботой о соблюдении благочестия, которая свойственна, прежде всего, старшему поколению представителей общины. Консервативность мировоззрения старших усиливалась еще и тем, что в Турции женщины и дети вели замкнутый образ жизни и крайне редко имели дело с профессиональными медиками. «Врацами ни ляжились. <...> У нас при нашый жызни, от тётка Дуня Андрюхина радила деващку у врача, и Хими́на мать крёсная, Рустянка, ана радила у врача, адин рас. Там, ф Турсии, врач принимал. А боле мы. <Соб.: Вы не хотели, или дорого, или они не хотели?> Ня дорага, ничаво, проста вот хто яво знать, ни было, ни было такова. <...> И я вазила маму, у ней забалел етат, нага забалела, возле бальшова пальца напарола, <...> Стала нарывать – и мы иё как ня ляжили, ни пакаряица вот, ни к щаму ни паччиняица. Ну мы ришыли, иё у нас там вазила в Бандырму. И я яё павязла. И живую, етат, Мазаферь делал апирацыю ей, живую, тела ни абмертвил, ничаво. А мама каг закричала, <...> От при той жызни мы ездили как к врачам, а так ня ездили» (зап. от Т.Т. Елисютиковой, 1934 г.р., Елисютикова, 1929 г.р., в 2010 г., соб.: Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). Здоровьем некрасовцев занимались народные целители и священники. По воспоминаниям, даже вспышка чумы привела лишь к применению карантина, но не к вмешательству специалистов-эпидемиологов: «А маёй бабушки была бабка, вот она от природы лячила. Вот она бабушка-то Марья лечить же всех, и она была. Да чума, говорить, была. И отдельно построили здание у сяла. И всех чумных туда вселяли. И она с ними в контакте была, не заражалась. Видимо, Бог её исцелял, чтоб она лячила» (зап. от Е.К. Гулиной, 1950 г.р., в 2010 г. соб.: Т.Ю. Власкина, А.И. Зудин) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). В значительной степени эта ситуация характеризует не культурную изоляцию некрасовцев, а уровень развития и социальные принципы работы местного здравоохранения, поскольку замеченное выше избегание официальной турецкой медицины не исключало обращения к местным знахарям. «К туркам нагда насили. Ани загаваривали. Была одна у нас, Садырах называли, ента, турцанка. К ней ездили ляжица, к ней ездили. Ляжились, у турках ляжились при нашый жызни. <Соб.: А от чего турки лечили?> Ат щаво ляжились – сибирькя¹, да вот сибирькя была. И знаиш, камщух² называли, а тут яво я ня знаю, как называють» (зап. от Т.Т. Елисютиковой, 1934 г.р., Н.Ф. Елисютикова, 1929 г.р., в 2010 г., соб.: Власкина Т.Ю., Власкина Н.А.) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). И наоборот: по возвращении в Россию деятельность органов здравоохранения в обязательном порядке распространилась на членов общины, наряду с другими институтами советской инфраструктуры. «Ну, баязни тут (в Новокумской. – Т.В.) не было, как врачам давьяряли, давьяряли, да. Свешывали ани фсе равно как их, ляжили, от. То вушки нарывали, то сопли были, то гласки закапывать, насили, ни баялися, фсе равно как» (зап. от Т.Т. Елисютиковой, 1934 г.р., Н.Ф. Елисютикова, 1929 г.р., в 2010 г., соб.: Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). То есть народно-медицинские представления и лечебные практики, безусловно, были связаны со специфическими чертами некрасовского менталитета, но в определенной степени они были обусловлены и особенностями интеграции общины в этносоциальное пространство Османского государства. Как бы там ни было, обстоятельства немало способствовали закреплению у казаков-некрасовцев взглядов, в которых парадоксальным образом память о реальной демографической ситуации

¹ Сибирка – сибирская язва (Даль IV, 1994: 144).

² Камчуг – болезнь, подагра, род проказы, она же крымка, крымская болезнь, Лерга, карбункул (Даль II, 1994: 204). Камчуг – 1. нарыв. 2. опухоль (БТСДК, 2003: 207).

сочеталась с уверенностью в отсутствии в «прежней жизни» каких бы то ни было проблем со здоровьем или, во всяком случае, в том, что болезнь была редкостью: «Раньшы ни па-научнаму абьясняли, а абьясняли как сами знаим, па-старикофски. <...> Мы ни балели. Как тебе сказать, ни знали где пишёнка, ни знали, што ет жылудак балить. Ничё мы ни знали. Мы бисяками¹ хадили. Мы балеть ни знали. Сюда пришли и наущилися, игде пишёнка, иде пошка, иде сердца. Мы панятия ни знали. <...> Скока ражалися дети, скока были — фсех ражали. Умирать, так он и умирал. Раньшы вращей ни знали» (зап. от М.Е. Ялуплиной, 1934 г.р., в 1999 г., соб.: Т.Ю. Власкина) (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999); «Тут-та видиш, все балящкы – грипп или воспаление, тут хандрос, ридикулит. А там ничё ня знали. Балить, балейш, а хто иво знаить. Давление от знаим, а там ничё ня знали» (зап. от И.А. Беликовой, 1941 г.р., П.Ф. Беликовой, 1948 г.р., С.Ф. Гончаровой, 1954 г.р., в 2010 г., соб.: А.И. Зудин) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). Таким образом, недостаток специальных знаний о болезнях современные информанты приравнивают к отсутствию самого явления. Заметим, что подобный вывод следует и в случае перенесения болезни из категории рационально объяснимого в область сверхъестественного. В самом общем смысле болезнь для некрасовцев есть проявление Божьей воли – наказание за грехи или испытание веры: «Есть па любви наказываить, есть па греха наказываить. Есь каво любить наказываить, а есь – па грехах наказываить» (зап. от М.Е. Ялуплиной, 1934 г.р., в 1999 г., соб.: Т.Ю. Власкина) (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999). Эта христианская идея отводит такое место болезни в системе ценностей, «где она обретает свою осмысленность и оправданность благодаря включенности в общий замысел Творца» (Арнаутова, 2004: 144). Варьирование различных философских уровней осмысления болезни имеет свою историческую последовательность. В русле позитивистского развития окружавшее некрасовскую диаспору общество переходило от восприятия болезни как фатальной неудачи или, напротив, как части личности больного – блага, дарованного Господом для искупления грехов и укрепления веры, на позиции научного фундаментализма: недуг из проблемы нравственной превращался в органический дефект части тела. Вместе с тем во внутренней жизни некрасовцев, которые на чужбине существовали в условиях замкнутой общины, в значительной степени построенной по средневековой модели, все три аспекта целительской практики – эмпирический (рациональный), религиозный и магический (суеверный) – были тесно и гармонично взаимосвязаны. Это единство, в частности, проявлялось в этиологических представлениях о конкретных недугах и о причинах их власти над тем или иным человеком. Считалось, например, что головная боль возникает в связи с неправильным обращением с волосами: если птица унесет, будет голова болеть, надо сжигать (зап. от М.Я. Николушкиной, 1925 г.р., в 1999 г., соб.: Т.Ю. Власкина) (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999). Но может болеть и оттого, что человек «угорить от солнцы», тогда «связошки повяжут, возьмут скалки и по солнушке. На солнце посодють и по солнушке покрутють, и головушка не болить» (зап. от Т.Т. Елисютиковой, 1934 г.р., в 2010 г., соб.: Т.Ю. Власкина, Н.А. Власкина) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). Слепота может быть наказанием за работу в праздничный день – грубое нарушение обычаев благочестия (зап. от И.А. Беликовой, 1941 г.р., П.Ф. Беликовой, 1948 г.р., С.Ф. Гончаровой, 1954 г.р., в 2010 г., соб.: А.И. Зудин) (ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010). Магическая «классика» исцеления подобного подобным, как приведенное выше лечение солнечного удара стягиванием головной повязки по солнцу на солнцепеке, сочетается с применением теургической терапии, народных и канонических молитвенно-заклинательных формул.

Возникновение повальных болезней – холеры, «Чумы и Мора», может представляться совершенно мифологически, как в сюжетах, приведенных выше и им подобных: болезни выходят из камня, прилетевшего/приплывшего в Стамбул из «Папа-Рыму» (зап. от М.Е. Ялуплиной, 1934 г.р., в 1999 г., соб.: Т.Ю. Власкина) (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999; Власкина, Архипенко, Калиничева, 2004: 65; Зудин, 2012: 344–345). Черная женщина Чума о трех ногах переправляется через реку на лодке, и в селе умирают все, кроме перевозчика (зап. от М.Е. Ялуплиной, 1934 г.р., в 1999 г., соб.: Т.Ю. Власкина) (ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999). Или же болезни считаются следствием гибели загадочного «белого видьмидя», колдовства «женщины-холеры из озера», явления демонического коня из могилы, кощунства,

¹ Бисяками/бисиками – босиком (Сердюкова, 2005: 33).

совершенного казаком на турецком кладбище, и т.п. (Тумилевич, 1961: 206–210). В жизнь людей вмешиваются духи, бесы, колдуны, дервиши, и сама земля вокруг становится «подморной» — губельной, вредоносной: «малый мрёт и старый мрёт» (Сердюкова, 2005: 204, 297). Данный тематический пласт некрасовской мифологии насыщен образами не только славянской, но и тюркской демонологии, которые образуют сложный сюжетно-семантический симбиоз, заслуживающий специального рассмотрения. Но одновременно причины эпидемий вполне реалистично могут связываться с нездоровым климатом местности, где «кладбища растут гораздо быстрее аулов» (Смирнов, 1896: 21, 22). В частности, сюжет с медведем получает и натуралистическое толкование: «Там никробы... Вада шла з гор и збила видьмидя, вон спух, и люди стали умирать» (Сердюкова, 2005: 204).

4. Заключение

Образ болезни в устной традиции казаков-некрасовцев отличается многослойностью и динамизмом: в нем присутствуют мифологические черты, отмеченные глубокой архаикой, и представления, происходящие из непосредственного опыта многих поколений. При этом эмпирическая часть непрерывно генерируется и включает в себя все этапы исторического пути некрасовской общины, вместе с адаптацией и к условиям замкнутого старообрядческого анклава в Малой Азии, и к советской атеистической просвещенности, и к современному религиозному ренессансу вместе с социальной нестабильностью. Впечатляет парадоксальная сочетаемость традиционно малоподвижного идеологического фундамента с реактивностью эмпирических решений. Возможно, настоящий опыт комплексного описания значимой ментальной единицы, при всей выразительности, говорит об уникальности культурного наследия казаков-некрасовцев гораздо меньше, чем о неоднозначности развития человеческого мировоззрения в принципе.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2019 г. по теме НИР «История и культура народов Юга России: между традицией и модернизацией» (№ госрегистрации АААА-А19-119011190182-8).

Литература

- Арнаутова, 2004 – Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004. 398 с.
- БТСДК, 2003 – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.
- Власкина и др., 2004 – Власкина Т.Ю., Архипенко Н.А., Калиничева Н.В. Народные знания донских казаков // *Традиционная культура*. 2004. № 4 (16). С. 54–66.
- Гордлевский, 1962 – Гордлевский В.А. Из османской демонологии // *Избранные сочинения*. Том III. История и культура. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. С. 299–334.
- Даль II, 1994 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. М.: Прогресс, 1994. 912 с.
- Даль IV, 1994 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М.: Прогресс, 1994. 864 с.
- Зудин, 2012 – Зудин А.И. Легенды некрасовских казаков // *Казачьи-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 331–348.
- Кизляр – Некрасовка, 1961 – Кизляр – Некрасовка. 1961 г. Июнь. Рукопись (автор-составитель Ф.В. Тумилевич). 212 с. Хранится в ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).
- Левкиевская, 1995 – Левкиевская Е.Е. Вампир // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 283–285.*
- ПМДЭЭ ИСЭГИ ЮНЦ РАН – ЮФУ (РГУ), 2010 – Полевые материалы диалектологической и этнолингвистической экспедиции Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук и Южного федерального университета (до 2006 г. Ростовского

государственного университета) в пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края, август 2010 г.

ПМДЭЭ ЮФУ (РГУ), 1999 – Полевые материалы диалектологической и этнолингвистической экспедиции Южного федерального университета (до 2006 г. Ростовского государственного университета) в пос. Новокумский Левокумского района Ставропольского края, июль 1999 г.

Предания – Предания. Некрасовцы Майноса и острова Мады. Село Шевкитили, станция Натанеби Грузинской ССР. 1956–1959. Рукопись (автор-составитель Ф.В. Тумилевич). 154 с. Хранится в ЮИЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Предания Т. I – Тетрадь I. Предания казаков некрасовцев с Майноса (хутора Ново-Некрасовского, Приморско-Ахтарского района Краснодарского края и селения Шевкитили Грузинской ССР) 1938–1958 г. Рукопись (автор-составитель Ф.В. Тумилевич). 190 с. Хранится в ЮИЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Предания Т. II – Тетрадь II. Предания казаков-некрасовцев с Майноса. (Хутора Новонекрасовский Приморско-Ахтарского района Краснодарского края, селения Шевкитили Грузинской ССР) 1938–1958. Рукопись (автор-составитель Ф.В. Тумилевич). 218 с. Хранится в ЮИЦ РАН (Ростов-на-Дону).

Сердюкова, 2005 – Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 2005. 320 с.

Смирнов, 1896 – Смирнов Я.И. Из поездки по Малой Азии. У некрасовцев на острове Мада, на Бейшеирском озере, Гамид-абадского санджака, Конийского вилайета // *Живая старина*. 1896. Год шестой. Вып. 1. С. 3–31.

Турецко-русский словарь, 1977 – Турецко-русский словарь. 48 000 слов / авторы-составители А.Н. Баскаков, Н.П. Голубева и др. М.: Русский язык, 1977. 966 с.

Тумилевич, 1961 – Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1961. 272 с.

Фатеева. Заметки и тексты – Фатеева Д.Л. (Шевкитили Грузинская ССР) некрасовка дунайской ветви. Заметки о личности информанта и тексты. Рукопись (автор-составитель Ф.В. Тумилевич). 123 с. Хранится в ЮИЦ РАН (Ростов-на-Дону).

References

Arnautova, 2004 – Arnautova Yu.E. (2004). Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v srednie veka [Sorcerers and Saints: anthropology of disease in the Middle Ages]. St. Petersburg: Aleteiya, 398 p. [in Russian]

BTSDK, 2003 – Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks' dialect]. About 18 000 words and phrases. Moscow: Russkie slovari Publ.; Astrel' Publ.; AST Publ., 2003, 608 p. [in Russian]

Dal' II, 1994 – Dal' V.I. (1994). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Vol. II. Moscow: Progress, 912 p. [in Russian]

Dal' IV, 1994 – Dal' V.I. (1994). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Vol. IV. Moscow: Progress, 864 p. [in Russian]

Fateeva. Zаметки i teksty – Fateeva D.L. (Shevkitili Gruzinskaya SSR) nekrasovka dunaiskoi vetvi. Zаметки o lichnosti informanta i teksty [Fateeva D.L. (Shevkitili Georgian SSR), the Nekrasov Cossack of the Danube branch. Notes on the personality of the informant and texts]. Manuscript (author-compiler F.V. Tumilevich). 123 p. Stored at the SSC RAS (Rostov-on-Don). [in Russian]

Gordlevskii, 1962 – Gordlevskii V.A. (1962). Iz osmanskoi demonologii [From Ottoman demonology]. Izbrannye sochinenija. Tom III. Istorija i kul'tura [Selected works. Volume III. History and culture]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury, pp. 299–334. [in Russian]

Kizlyar – Nekrasovka, 1961 – Kizlyar – Nekrasovka. 1961 g. Iyun' [Kizlyar – Nekrasovka. June 1961]. Manuscript (author-compiler F.V. Tumilevich). 212 p. Stored at the SSC RAS (Rostov-on-Don). [in Russian]

Levkievskaya, 1995 – Levkievskaya E.E. (1995). Vampir [Vampire]. Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 1. A–G. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 283–285 [in Russian]

PMDEE ISEGI YuNTs RAN – YuFU (RGU), 2010 – Polevye materialy dialektologicheskoi i etnolingvisticheskoi ekspeditsii Instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy Yuzhnogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk i Yuzhnogo federal'nogo universiteta (do 2006 g. Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta) v pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraia, avgust 2010 g. [Field data of dialectological and ethnolinguistic expedition of Institute for Social and Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and Southern Federal University (before 2006 – Rostov State University), August 1999]. [in Russian]

PMDEE YuFU (RGU), 1999 – Polevye materialy dialektologicheskoi i etnolingvisticheskoi ekspeditsii Yuzhnogo federal'nogo universiteta (do 2006 g. Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta) v pos. Novokumskii Levokumskogo raiona Stavropol'skogo kraia, iyul' 1999 g. [Field data of dialectological and ethnolinguistic expedition of Southern Federal University (before 2006 – Rostov State University), July 1999]. [in Russian]

Predaniya – Predaniya. Nekrasovtsy Mainosa i ostrova Mady. Selo Shevkitili, stantsiya Natanebi Gruzinskoi SSR [Legends. Nekrasov Cossacks from the lake Mainos and island Mada]. 1956–1959. Manuscript (author-compiler F.V. Tumilevich). 154 p. Stored at the SSC RAS (Rostov-on-Don). [in Russian]

Predaniya T. I – Tetrad' I. Predaniya kazakov nekrasovtsev s Mainosa (khutora Novo-Nekrasovskogo, Primorsko-Akhtarskogo raiona Krasnodarskogo kraia i seleniya Shevkitili Gruzinskoi SSR) 1938–1958 g. [Notebook I. Legends of the Nekrasov Cossacks from Mainos (khutor Novo-Nekrasovsky, Primorsko-Akhtarsky district of Krasnodar region and the village of Shevkitili of the Georgian SSR), 1938–1958]. Manuscript (author-compiler F.V. Tumilevich). 190 p. Stored at the SSC RAS (Rostov-on-Don). [in Russian]

Predaniya T. II – Tetrad' II. Predaniya kazakov-nekrasovtsev s Mainosa. (Khutora Novonekrasovskii Primorsko-Akhtarskogo raiona Krasnodarskogo kraia, seleniya Shevkitili Gruzinskoi SSSR) 1938–1958 [Notebook II. Legends of the Nekrasov Cossacks from Mainos (khutor Novo-Nekrasovsky, Primorsko-Akhtarsky district of Krasnodar region and the village of Shevkitili of the Georgian SSR), 1938–1958]. Manuscript (author-compiler F.V. Tumilevich). 218 p. Stored at the SSC RAS (Rostov-on-Don). [in Russian]

Serdyukova, 2005 – *Serdyukova O.K.* (2005). Slovar' govora kazakov-nekrasovtsev [Dictionary of the Nekrasov Cossacks' dialect]. Rostov-on-Don: Rostov University Publishers, 320 p. [in Russian]

Smirnov, 1896 – Smirnov Ya.I. (1896). Iz poezdki po Maloi Azii. U nekrasovtsev na ostrove Mada, na Beisheirskom ozere, Gamid-abadskogo sandzhaka, Koniiskogo vilaieta [From a trip to Asia Minor. On the island of Mada, on Lake Beisheirskoe, Hamid-Abad sanjak, Konya vilayet]. *Zhivaya starina*. Year sixth. Is. 1. pp. 3–31. [in Russian]

Tumilevich, 1961 – *Tumilevich F.V.* (1962). Skazki i predaniya kazakov-nekrasovtsev [Tales and legends of the Nekrasov Cossacks]. Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 272 p. [in Russian]

Turetsko-russkii slovar', 1977 – Turetsko-russkii slovar' [Turkish-Russian Dictionary]. 48 000 words / authors A.N. Baskakov, N.P. Golubeva etc. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 966 p. [in Russian]

Vlaskina et al., 2004 – *Vlaskina T.Yu., Arkhipenko N.A., Kalinicheva N.V.* (2004). Narodnye znaniya donskikh kazakov [The Don Cossacks' folk knowledge]. *Traditsionnaya kul'tura*. №. 4. pp. 24–66. [in Russian]

Zudin, 2012 – *Zudin A.I.* (2012). Legendy nekrasovskikh kazakov [Legends of the Nekrasov Cossacks]. *Kazaki-nekrasovtsy: yazyk, istoriya, kul'tura* [Nekrasov Cossacks: Language, history and culture]. Collection of scientific papers. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, pp. 331–348. [in Russian]

Мифопоэтические представления о болезни в устной традиции казаков-некрасовцев

Татьяна Юрьевна Власкина^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению представлений о болезни в устной традиции казаков-некрасовцев. В качестве информационной базы исследования выступают разнообразные опубликованные и неопубликованные источники. Предмет пристального внимания составляют полевые материалы донского фольклориста Ф.В. Тумилевича, они привлекаются наравне с данными, собранными позднее. В свете комплексного анализа образ болезни предстает сложной и непрерывно развивающейся структурой. Он объединяет несколько смысловых слоев, появившихся в связи с древними и новыми обстоятельствами. Основой концепта болезнь являются архаические представления о вселении в человека вредоносных демонов. Наряду с этим, казаки-некрасовцы верили в то, что болезнь это испытание или наказание от Бога. В старые представления вплетаются эмпирический опыт и новые знания, со временем они становятся органической частью образа болезни. Образ болезни отражает особенности исторического пути некрасовцев и сложности перехода от мифологического способа восприятия мира к научному.

Ключевые слова: болезнь, казаки-некрасовцы, предание, устная традиция, религиозная этика, эмпирический опыт, историческая динамика.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: vlaskiny@mail.ru (Т.Ю. Власкина)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 148-156

DOI: 10.13187/rs.2019.2.148
www.ejournal15.com

Three Functions of Fire in Slavic Funeral Rite: the Illumination, the Purification, the Way to the Other World (on Polesye Data)

Maria A. Andrunina ^{a,*}

^a Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

At first sight it seems that in big and manifold structure of the Slavic funeral the role of fire is far from being main, although it presents in many forms in all ritual stages: candles burn in hands of dying person or around him, embers from hearth avert evil spirits from the dwelling, by the means of bonfire belongings of dead are delivered to him to the other world and so on. The data gathered in Polesye region shows that all functions of the fire in all its possible incarnations and means (candles, wax from them, bonfires, embers and ashes, fire of oven, sometimes also oven itself and associated tools – pokers etc.) can be reduced to three main themes, governed by ancient mythological and practical meanings: the illumination, the purification from death and the making of symbolical path for the soul of deceased leading him or her to the other world. Again, all these functions and notions are not strictly divided from each other and are not simple and one-dimensional in ritual time and space, all of them are interlaced and combined, sometimes producing new themes, for instance, in remembrance cycle, fire has also the meaning of warming the dead ancestors and bringing them back to life. Over the all meanings and functions of fire in burial rites the symbolism of the psychopomp prevails and it significant in other occasional rites and practices, for example, for finding the body of drowned person the lighted candle inserted in bread loaf is used, which is thought by natives to swim directly to the place there the body is and stay there. So all ranks of mentioned fire connected rites, practices, meanings and beliefs make the symbolism of it capital in funeral (along with the earth and the water), unquestionably archaic and it can be still living possible reminiscences of old cremation customs.

Keywords: Slavic, funeral, burial, remembrance, fire, soul, mythology, dead, the other world, travelling of soul, candle.

1. Введение

В обширном и разветвленном комплексе основанной на ингумации восточнославянской погребальной обрядности, на первый взгляд, огонь играет вспомогательную, далеко не главную роль, хотя постоянно и неизменно присутствует на протяжении всего цикла похоронной и поминальной обрядности в разных инкарнациях: в дыме костров из вещей покойника, указывающем на место нового вторжения смерти в мир живых; в свечах, теплящихся в руках умирающего, возле гроба, на могилах и в домах во время поминальных трапез; в печном пламени, очищающем живых от влияния смерти

* Corresponding author
 E-mail addresses: mary-andr@mail.ru (M.A. Andrunina)

и вмещающем в себя души усопших; наконец, в золе и углях, отпугивающих неурочно вернувшихся домой непрошенных мертвых. В данной работе мы рассмотрим символику и прагматику огня на каждом этапе погребального (и в некоторых случаях поминального) обрядов, сделаем попытку прояснить его мифологическое значение в каждом случае, основываясь на компаративном исследовании массива данных и на мотивировках представителей традиционной культуры, полученных от них во время интервью.

2. Материалы и методы

Для исследования были избраны материалы Полесья, одного из самых архаичных славянских регионов, в высокой степени сохранившего традицию и расположенного на границе трех восточнославянских этносов и одного западнославянского, включающего в себя западные области России, северные территории Украины, южную Белоруссию и смыкающегося с восточной Польшей — Подлясьем. Сбор полесских данных осуществлялся в последней трети XX в. (первая экспедиция имела место в 1962 г.) ([Никончук, 1968](#)) рядом институтов под руководством Института славяноведения АН СССР (ныне РАН), где в настоящее время хранится уникальный архив собранного материала. Для сравнительных целей привлекались сведения и из других славянских регионов.

3. Обсуждение и результаты

Как показывает собранный материал, основные функции огня в погребальной обрядности могут быть сведены к *освещению*, в том числе потусторонних путей души; *очищению* живых от смерти и *отправке* на «тот свет» всего принадлежащего покойнику или бывшего в соприкосновении с ним и со смертью (покойницких вещей, щепок от гроба, соломы из постели умершего и пр.).

Освещение. Огонь горячей свечи присутствует в погребальном обряде постоянно, от самого начала, которое в данном случае вовсе не совпадает с моментом смерти человека, а отсчитывается от предсмертных минут угасающего, от агонии. Возле умирающего, у его изголовья зажигали свечу; в ряде случаев ее давали прямо в руки расстающемуся с жизнью и, глядя на огонь, человек переселялся в иной мир. «Све чку-то сви тять. Ка ждому чове кови, кото рый ўжэ вин помира е. То свя ту сви чку сви тять» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)); «Зажига ют све чку. да... Ста вють во зле ёго головы . Или там ко ля бо ку. Ста вють эту све чку» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)); «Ну, я, наприме р, помира ю, ко ло мене сидя ть лу ди, моя родня сидя ть: и они ужэ ба чуть, шо я ужэ ду шу отдау , – дау ть в ру ки све чку, и ужэ тэ ю свечку держу и сконча ю» ([Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область](#)).

Во многих случаях подчеркивается, что именно наличие горячей свечи возле умирающего облегчает агонию, дает легкую смерть: «Вро де лэ гшэ вин помира е, бо ему си льно тя жко. Съве чка из цэ ркви» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)); «Як некото рья ва шко [тяжело] помира ють, то па ляць сви чку» ([Полесский архив: Радчицк, Столинский район, Брестская область](#)); «Як умира е ця жко, то грумны чну¹ сви чку дава лы» ([Полесский архив: Спорово, Березовский район, Брестская область](#)); «Як на гро мницу свичкы сви тять, а ле шчэ на Па ску, то як ўмира е й му чыцца, Биг ёму смэ рты не дае , даю ть ту сви чку святу ю» ([Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область](#)).

Свеча, которую держал в руках кончающийся, продолжала гореть в доме на столе при совершении дальнейших обрядов над умершим, либо ее могли заменить на другую свечу (когда эту погашенную клали в гроб) или поставить несколько: «Як помрэ зразу съвечка стоиць, горыць, съвечка» ([Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)); «Виходит последний воздух, в ручку свечку дают из воску, як вин ўмэр, вибирают свечку, светят и та свечка горит, пока его нэ похоронят» ([Полесский архив: Вышевичи, Радомышльский район, Житомирская область](#)); «Стрече нская све чка. Як умира е – даю ть у ру ки. Свя тять и хава ють мяртвяцу ў гроб» ([Полесский архив: Челхов, Климовский район, Брянская область](#)); «Ў гро б кладу ць све чку, о браз,

¹ Свеча, освященная в церкви в день Сретения (2/15.02.).

желе́зный хре́стик, духа́чки – цве́тненький тако́й о́браз, на це́почке носи́ли» (Полесский архив: Боровое, Рокитновский район, Ровенская область).

Часто указывается, что свеча должна гореть возле поминальной пищи или в посуде с зерном, которое затем посыпали вслед умершему при выносе гроба из дома: «Кагда́ памрэ́, памы юць и кладу́ць, беру́ць плато чек насавы́, све́чечку – и ў ле́вую ру́ку, пра вой ён жа бу́дет крести́цца. И на стол, в банку с крупой ставят свечу́» (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область); «Насы́плюць ба начку жи́та, све́чку ваткну́ць – и чита́юць Псалти́рь» (Полесский архив: Грабовка, Гомельский район, Гомельская область); «[Покойник лежал] на ла́ўцы. На столе стои́ть хлеб, буты́лка и свеча́ стои́ть. [После выноса тела] некото́рые посы́плюць жы́том скрозь по ха́ти [В том числе лавку посыпают]» (Полесский архив: Радчицк, Столинский район, Брестская область); «Як памрэ́, дак жы́то ў стака́нычк сыплю́ць, сыве́чку туды запалы́ць – так стои́ть... А як з ха́ты вуно́сяць – зразу сыплю́ць те жы́то за йм ўслед» (Полесский архив: Ручаевка, Лоевский район, Гомельская область); «Як мертве́ц на ла́ви, шоб сыта́ на столе́ стояла. Све́чка гори́ць коло сыты́» (Полесский архив: Тхорин, Овручский район, Житомирская область); «Ставя́ць на стол буханку хлеба, соль, сывечку. Бутылку водки» (Полевые материалы Андриюниной: Прусы, Стародорожский район, Минская область).

Свет, горящий возле умирающего и в его доме во время похорон, обязателен: это требуется душе, посещающей родное жилище и нуждающейся в освещении ее пути в потустороннем мире: «В нас стари́люды ка́жуть шо як помрэ́ хтось, то до сорока́ дзень в ха́ти па ля́ць сви́тло, шоб душа́ ба́чыла доро́гу на то́му сви́ти» (Полесский архив: Забужье, Любомльский район, Волынская область); «Тры дни чаловека не харанили, патаму что душа́ тры дня ходит кругом чаловека, он и слышы́ць ўсе́ и види́ць, и як помрэ́ – свеча́ должна гарэ́ць у чаловека, вот что ставя́ць на ку́цэ. Гава́ряць, если свеча́ гары́ць, ён бачы́ць, яму нада свет. Поета́му не туша́ць свячэ́й, каб полну́ю ночь горэ́ла свэ́ча. И душа́ ходи́ць, атдзя́ляеця ат тела́ да сара́ка дней. Яна́ блужда́ецца сю́да-ту́да, ўсю́ду пабы́вае» (Полевые материалы Андриюниной: Левки, Стародорожский район, Минская область).

Горящая свеча сопровождает умершего до самой могилы, ее зажигают на кладбище, передают через яму, забирают домой и делят между собой присутствующие. При закапывании могилы зажигается свеча, она стоит в стакане вместе с пучком травы. Свечу передают, чтобы каждый мог подержать ее в руке (Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область); «Як умре́ мертве́ц, су́чуть све́чки <...> Походю́ шча́ све́чка, шо́ до мо́гилок бару́ць, а пото́м забира́юць до до́му. Принесу́ць з мо́гилок и по ка́ва лочку́ поло́мляць лю́ди. Походю́ шча́ све́чка хо́дит по всих лю́дех» (Полесский архив: Тхорин, Овручский район, Житомирская область).

Путь на «тот свет». Свет горящей в доме умершего свечи, провожавший на «тот свет» его душу, по некоторым сообщениям, уже не должен зажигаться в неурочное время, то есть после самих похорон, так как это может помешать мертвому благополучно преодолеть все преграды на пути в потусторонний мир. В полесском селе Стодоличи записана быличка о том, что одна женщина из страха жгла свет после похорон отца, который приснился ей и сказал, что все покойники перешли лужу, а он нет из-за горящего в его доме света (Лельчицкий район Гомельской области) (Седакова, 1983: 257).

С помощью огня переправляли в потусторонний мир принадлежащие умершему вещи, избавлялись от вредоносных, запятнанных смертью предметов: щепок от гроба, соломы из постели умершего, полотенца, которым его вытирали, завязок, которыми связывались его руки и пр. Сжигали покойнички предметы чаще всего в усадьбе, на огороде, во дворе, в поле, на улице села или на перекрестке во время проводов гроба на кладбище. В некоторых случаях местом сжигания таких вещей могла оказаться печь: «Сже́чь, сже́чь, ну ў э́том, хочь ў пе́чы, хочь на дварэ́» (Полевые материалы Андриюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область). В печи, помимо одежды покойника, могли сжигать полотенце, которым вытирали умершего, и то, которое висело в доме для души, завязки, которыми связывали ему руки и ноги (Смоленская область) (СМЭС: 21, 92)¹.

¹ В Смоленской области на печь также клали мыло, которым мыли покойника: «А мыло, что яго мыли, положили вот так на печку <...> И на кожухе́ может и год, и два, и пять, и десять лет может пролежать его мыло» (СМЭС: 20–21). В некоторых местностях зафиксирована практика выливания

Остатки предназначенной для душ поминальной еды сжигали в печи после поминок: «На деды, як поминают, из поминального блю да ў блю дечко немного злива ли. А с того блю дечка на другий день выливают на дрова, шоб згорало, а дым – до Бога шобу» (Полесский архив: [Замощье, Лельчицкий район, Гомельская область](#)).

Практически повсеместно постель покойного сжигали на огороде, во дворе, в поле или на улице села, иногда вместе со стружками от гроба и одеждой покойного: «На дварэ э тат разложвали ў саломе, матра сик ка жуць, матра сик пабира ли, стары е, сало май напи ханные бы ли таки е, заши тые, и выно сяць и ўсыпа юць э ти, сало му ту ю, и трэ ски, што ро бяць гроб, раби ли ж у нас з до шчак до ма, грабы, и абяза цэльна ж су шаць до ски стары е, и ро бяць гроб э тый, и сло жаць стру жки ты е, сало му ту ю, адэжу и запа ливаюць (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)). Так же поступали и на Русском севере (Обонежье) (Логонов, 1993: 123), иногда специально подчеркивая, что сжигать их в печи нельзя: «Тры сак, стру жак, каторые из яго гроба, не то пять ў пе чи – хо лодно бу де ў до ме ат э тих тры сак. Их сэро д двара кладу ть аго нь и спа лять» (Полесский архив: [Малые Автюки, Калинковичский район, Гомельская область](#)).

На перекрестках сжигали те «покойнички» вещи, которые в некоторых областях было принято нести вслед за похоронной процессией, например, предметы, использовавшиеся при обмывании трупа (у русских) (Листова, 1993: 54). На Смоленщине на перекрестках сжигали солому, на которой лежал покойник, голые веники, листьями которых набивали ему подушку, одежду, в которой он умер (СМЭС: 69).

Мотивировки сжигания вещей покойника и предметов, связанных со смертью и погребальным обрядом, варьируются от отправки на «тот свет» всего вредоносного, не принадлежащего миру живых, до пересылания умершему родственнику в потусторонний мир необходимого ему имущества. «Спа ливали. Асо бенна ў чэм ён памьёр, абяза цэльна спали ць яго. Патаму што, ка жут, ды м пу йде этат, ў той аде же там, бу деш там хади ць» (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)); «[если не сжечь одежду] ка жут, што он бу де сница го лый, разде тый хо диць, быва ло, разде тый хо диць, або бо сый, вот на да и дажэ и та почки, и наски, ў чом быў абяза цэльна» (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)). Направление дыма от такого костра предсказывало, где ожидается следующая смерть: «запаливаюць; ў який бок по йдет дым: если пашоў на сяло, кажуць: “О, нехто памрэ, дым пашоў на сяло”» (Полевые материалы Андрюниной: [Бараново, Стародорожский район, Минская область](#)).

Мотивировки некоторых обычаев содержат архаические мифологические представления о пути на «тот свет» через огонь или огненную преграду. Например, это учитывали при обряжении покойного: «Наде ют ўсе но ве. А одна баба стара я проси ла дочку: Хай мне все старэ нькое, шоп я скорей чэре з огонь перейшла» (Полесский архив: [Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область](#)). Те же убеждения могут объяснять зафиксированные в ряде славянских регионов представления о локализации душ умерших в огне, в первую очередь в огне домашней печи и в ней самой. По польскому поверью, после смерти человека его душа укрывается в печи (Biegeleisen, 1930: 23–24). Треск и гудение в печи обозначали, что «души родных или просят о помощи, или вместо ада, мучаются в домашней печи» (Витебская область Белоруссии) (Никифоровский, 1897: 84).

Роль огня, пролагающего, освящающего и обеспечивающего путь покойников, подчеркнута также в магических приемах обнаружения в водоемах тела утопленника для того, чтобы совершить над ним необходимые погребальные обряды. Для этого использовалась свеча, горящая в булке либо на крышке от хлебной дежи, которую пускали

«покойничкой» воды под печь или кухонную плиту (Гомельская, Витебская области Белоруссии; около г. Опочно в Польше) (КРАЕ: 115–116; ТМКБ: 380; Полесский архив): «Под печь льюць во ду, як мертвеца помы юць» (Полесский архив: [Барбаров, Мозырский район, Гомельская область](#)). Иногда эта практика объясняется тем, что посредством вредоносных, смертельных свойств такой воды из дома изгоняются вредные насекомые – для этого в Смоленской области покойничкой водой окропляли печь и стены дома (СМЭС: 78).

по воде: там, где свеча остановится, лежит тело: «Ў дежу́ [кладут] хлеб, на хлеб съвечку ста влять. Дежу́ пуска ють ў во ду. Где ўста не ди жка, там топля нык» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область); «ста влять хлеб и свэ чьку, як уто пица люды на, вот у нас о зеро ж, всегда лю ды то пляца, бува е тако е, и пуска ют той хлеб на, з дэжы на то ме ви кове [на крышке] и сви чьку ста влять [свеча пасхальная], запа ливають, де та сви чька кружля е, той, та з дэжы тэ ви ко, вот там вро де, гово рать, бу́ дэ уто нуты» (Полесский архив: Нобель, Заречненский район, Ровенская область)¹.

Семантика перехода души умершего на «тот свет» через огонь (и печь) актуальна и вне контекста погребальной обрядности, в окказиональных случаях обычной жизни, в которых все же предвосхищается ожидающий каждого ритуал и создаются благоприятные условия для души в грядущем. Для этого старались не оставлять печь пустой, закончив приготовление пищи и выпечку хлеба, обязательно клали в нее несколько поленьев, аргументируя это следующим образом: «Поле нцы ўки неш, клади́ д'ве́, штоб до брэ перэйти тебе́ на то м с'ве те. Тебе́ на том с'ве ти <...> бу де до бра» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область); «Як хлеб вы ймуць, кладу́ ть у печь дрова́ [говорять]: як помре шь, штоб перешоў пе кло [а то в пекле будешь]» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область); «Поле но ло жыця для того ў печ, штоб як помреш да бу дэш ици чэ рэз мора на тўом све ци да э тые поле но ску ольки ты покла ў ў печ, то стўольки бу дэ пэ рэд тобой дроў ляжа ць и ты бу дэш ици по кла доци» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область).

Очищение. Апотропеическая и очищающая способности огня широко используются на всех этапах погребальной обрядности, но это уже огонь в ипостаси углей, золы, дыма, огонь печи и она сама, а также печная утварь в ее метонимической связи с огнем. Огонь, по представлениям в традиционной культуре, способен прогнать смерть, отвратить ее вредоносное влияние от дома и семьи умершего, отвадить ходячего покойника.

Для избавления от рокового влияния смерти в Смоленской области России существовал обычай *кадить стол* (окуривать «покойническое» место) после положения умершего на лавку и перед положением в гроб: «Обмыли, положили, у ве чари кадятъ стол, часов у десять стол кадятъ. Этым – воск туды кладуть, вуго лья – и кадятъ, иде он помирал, по хате» (СМЭС: 29). После выноса покойника на место, где стоял гроб, тут же клали оберег – кочергу (Зеленин, 1914–1916: 909). В Заонежье, когда гроб снимали с лавки, под нее сразу с грохотом кидали кочергу или ухват (Логинов, 1993: 156). Также было принято швырять кочергу на то место в доме, где обмывали и обряжали колдуна (Логинов, 1993: 143).

При посещении дома умершего соседи и родственники прикладывали руки к печи прежде чем подойти к покойнику, тем самым заранее обезопасив себя от вредоносного влияния смерти: «Як идеш к пако йнику – уперо́ д ру́ ки ў печ всади́ [в той хате, где покойник лежит], тады можна пудхо дить да яго... Баяться не будеш» (Полесский архив: Ручаевка Лоевский район, Гомельская область). После выноса гроба дети смотрели в печку, засунув в нее голову, «чтобы не видеть покойника и скоро не умереть» (олонецкое) (Топорков, 2009: 41).

Вернувшись после похорон с кладбища, родственники и гости на поминках прикладывали руки к печи и заглядывали в нее, чтобы очиститься от смерти и чтобы умерший не мерещился живым: «[Чтобы не бояться покойника, вернувшись с кладбища, мыли руки и прикладывали их к печке]. Так онэ́ пому юць ру́ ки и так о на пич, так о рука мы, штоб э́ то ни стоя ў ў оча х, поко йнык» (Полесский архив: Стодоличы, Лельчицкий район, Гомельская область); «Як прихо́ дят с кла дбишче, мо́ ят ру́ ки. Три ра́ за помока е на пе́ чи у ко́ mine, шоб тэ ў оча х не уди́ ва ўся тей мертве́ ц» (Полесский архив: Выступовичи, Овручский район, Житомирская область). Вернувшись с кладбища, дотрагивались лицом и двумя руками до печки, чтобы в доме больше не было смертей (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 147). «У пе чку загляда ють, штоб скаре́ е забывався на пакойника. Мы пришли́ с кла дбишча, як мой Ива́ н у мер, ана [соседка] аткры́ ла пе чку и гавари́ ть: “Загляни́ у пе чку! Што там ў тебе́ де лаецца!” Я откры́ ла,

¹ С другой стороны, такие приемы могут отражать старые мифологические представления об огненной природе души, и как частный случай, о свете, небольшом пламени, которое мерещится на тех местах, где зарыты «заложные» покойники (Виноградова, 2011).

в дом следующими словами: «Идите на печь погреться» (Седакова, 2004: 140). В Белоруссии перед поминальным ужином *на деды*¹ к печи придвигали лавку, покрывали ее скатертью, ставили там немного еды и питья, сыпали соль и клали кусок хлеба (Гродненская область) (Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986: 145): «И яны приходзяць, и ставяць им скамеечку, и ставяць за печкой, и ани приходзяць, и в радок садзяцца, як мы абедаем» (Полевые материалы Андрюниной: Бараново, Стародорожский район, Минская область). На польском Поморье *на задушки*² старались хорошо истопить печи, чтобы души возле них могли согреться (Stelmachowska, 1933: 192); для душ в них специально оставляли дрова (КРАЕ: 156) (ср. полесское: «[Если печь бросить пустую, т.е. без хотя бы одного полена в ней] ме́ртвые ду́шы остыва́юц'» (Полесский архив: Дяковичи, Житковичский район, Гомельская область)). Возле печи клали и другие предметы, предназначенные душам: в селах восточной Польши на ночь в *задушки* хозяйка придвигала к натопленной печи лавку, ставила на нее сосуд с водой, клала гребень, мыло и полотенце, чтобы души могли вымыться и причесаться; на этой же лавке оставляли мелкие деньги, крестик и молитвенник для умерших (КРАЕ: 159). Идея согревания, обогревания мертвых родителей проявляется и в терминологии разобранного Д.К. Зелениным народного обычая «греть покойников», зафиксированного в Курской, Тамбовской, Орловской губерниях и носившего явный задушный характер. Он является, скорее всего, реликтом жертвоприношения умершим предкам и испрашиванием у них помощи и хозяйственного благополучия в наступившем аграрном году (Зеленин, 1994). В конечном итоге перечисленные функции огня сводятся к общей идее правильного и благополучного перехода на «тот свет», что в свою очередь может быть реликтом древних ритуалов трупосожжения.

Литература

- Виноградова, 2011 — Виноградова Л.Н. Светоносные ночные духи в мифологии западных и южных славян // Балканские чтения 11. Балканский спектр: От света к цвету. Тезисы и материалы / ред. Макарцев М.М., Седакова И.А., Цивьян Т.В. М.: Пробел-2000, 2011. С. 40–44.
- Зеленин, 1914–1916 — Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Петроград: типография А.В. Орлова, 1914–1916. Вып. 1–3 (продолжающаяся пагинация во всех выпусках).
- Зеленин, 1994 — Зеленин Д.К. Народный обычай «греть покойников» // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 164–178.
- Листова, 1993 — Листова Т.А. Похоронно-поминальные обычаи русских (на материалах Псковской и Смоленской областей) // Похоронно-поминальные обычаи и обряды / науч. ред. З.П. Соколова, И.А. Кремлева. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. С. 48–83.
- Логинов, 1993 — Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. 228 с.
- Никифоровский, 1897 — Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н.Я. Никифоровский. Витебск: Губернская типолитография, 1897. 308 с.
- Никончук, 1968 — Никончук Н.В. Хроника полесских экспедиций // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика) / отв. ред. В.В. Мартынов, Н.И. Толстой. М.: Наука, 1968. С. 300–302.
- Пахаванні, памінкі, галашэнні, 1986 — Пахаванні, памінкі, галашэнні / гал. рэд. А.С. Фядосик. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 614 с.
- Полевые материалы Андрюниной — Полевые материалы Андрюниной М.А., рукопись. Москва.
- Полесский архив — Полесский архив сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, рукопись, Москва.

¹ Календарные поминки, отмечающиеся в домах несколько раз в год (от трех до шести) (бел., укр.).

² У славян католического вероисповедания — главные в году поминальные дни, приуроченные к первым числам ноября.

Седакова, 1983 — Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 246–262.

Седакова, 2004 — Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.

СМЭС — Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / отв. ред. О.А. Пашина, М.А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 548 с.

ТМКБ — Традиционная мастацкая культура беларусаў. Т. 2. Віцебскае Падзвінне / агул. рэд. Т.Б. Варфаламеева. Мінск: Беларуская навука, 2004. 910 с.

Топорков, 2009 — Топорков А.Л. Печь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 39–44.

Biegeleisen, 1930 — Biegeleisen H. Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego. Warszawa: Dom Książki Polskiej S-ka Akc, 1930. 348 s.

КРАЕ — Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. Т. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe / pod redakcją naukową J. Bohdanowicza. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze Wydawnictwo, 1999. 225 s.

Stelmachowska, 1933 — Stelmachowska B. Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń: Instytut Bałtycki, 1933. 271 s.

References

Vinogradova, 2011 — Vinogradova L.N. (2011) Svetonosnye nochnye duhi v mifologii zapadnyh i yuzhnyh slavyan [Flashing night spirits in Western and Southern Slavic mythology]. Makarcev M.M., Sedakova I.A., Civ'yan T.V. (Eds). Balkanskij spektr: ot sveta k cvetu. Tezisy i materialy. [Balkan spectrum: from light to color. Proceedings and materials]. Moscow: PROBEL-2000, pp. 40–44 [in Russian]

Zelenin, 1914–1916 — Zelenin D.K. (1914–1916) Opisanie rukopisej Uchenogo arhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. [Catalog of manuscripts of scientific archive of Russian Imperial geographic society]. Petrograd: Tipografiya A.V. Orlova, Is. 1–3 (continued pagination in all the issues) [in Russian]

Zelenin, 1994 — Zelenin D.K. (1994) Narodnyj obychaj «gret' pokojnikov» [Folk custom “warming of the dead”]. Izbrannye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture 1901–1913 [Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1913]. Moscow: Indrik, pp. 164–178 [in Russian]

Listova, 1993 — Listova T.A. (1993) Pohoronno-pominal'nye obychai russkih (na materialah Pskovskoj i Smolenskoj oblastej) [Russian funeral and remembrance customs (on data from Pskov and Smolensk provinces)]. Sokolova Z.P., Kremleva I.A. (Eds). Pohoronno-pominal'nye obychai i obryady [Funeral and remembrance customs and rites]. Moscow: Nauka, pp. 48–83 [in Russian]

Loginov, 1993 — Loginov K.K. (1993) Semejnye obryady i verovaniya russkih Zaonezh'ya. [Family customs and beliefs of Russians in Zaonezh'ye region]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publishers, 228 p. [in Russian]

Nikiforovskij, 1897 — Nikiforovskij N.YA. (1897) Prostonarodnye primety i pover'ya, suevernye obryady i obychai, legendarnye skazaniya o licah i mestah. Sobral v Vitebskoj Belorussii N.YA. Nikiforovskij. [Folk signs and beliefs, superstitious rites and customs, legendary tales of persons and places. Collected by N.YA. Nikiforovskij in Vitebsk Belorussia]. Vitebsk: Gubernskaya tipolitografiya, 308 p. [in Russian]

Nikonchuk, 1968 — Nikonchuk N.V. (1968) Hronika polesskih ehkspedicij [Polesye field work chronicles]. Martynov V.V., Tolstoj N.I. (Eds.). Poles'e (Linvistika. Arheologiya. Toponimika) [Polesye (Linguistics. Archeology. Toponimics)]. Moscow: Nauka, pp. 300–302 [in Russian]

Pahavanni, paminki, galashehnni, 1986 — Fyadosik A.S. (Ed.). Pahavanni, paminki, galashehnni [Funeral. Remembrance. Keens]. Minsk: Navuka i tehkhnika, 1986. 614 p. [in Belorussian]

Polevye materialy Andryuninoj — Polevye materialy Andryuninoj M.A. [Field data of Andrunina M.A.], manuscript, Moscow.

Polesskij arhiv — Polesskij arhiv sektora ehtnolingvistiki i fol'klora Instituta slavyanovedeniya RAN [Archive of Polesye data of Department of ethnolinguistic and folklore of Institute of Slavic Studies of RAS], manuscript, Moscow.

Sedakova, 1983 — *Sedakova O.A.* (1983) *Materialy k opisaniyu poleskogo pogrebal'nogo obryada* [Data for description of Polesye funeral ritual]. Tolstoj N.I. (Ed.). *Poleskij ehtnolingvisticheskiy sbornik: Materialy i issledovaniya* [Polesye ethnolinguistic collection: Data and researches]. Moscow: Nauka, pp. 246–262. [in Russian]

Sedakova, 2004 — *Sedakova O.A.* (2004) *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnyh i yuzhnyh slavyan* [Poetic of rite. Funeral rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik, 319 p. [in Russian]

SMES — Pashina O.A., Engovatova M.A. (Eds.). *Smolenskij muzykal'no-ehnologicheskiy sbornik. T. 2. Pohoronnyj obryad. Plachi i pominal'nye stihi* [Musical-ethnographical collection of Smolensk. Vol. 2. Funeral rite. Keens and remembrance poetry]. Moscow: Indrik, 2003. 548 p. [in Russian]

ТМКБ — Varfalameeva T.B. (Ed.). *Tradycyjnaja mastackaja kul'tura belarusaw. T. 2. Vicebskae Padzvinne* [Traditional art culture of Belorussians. Vol. 2. Dvina's Vitebsk region]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2004. 910 p. [in Belorussian]

Топорков, 2009 — *Топорков A.L.* (2009) *Pech'* [Hearth]. Tolstoj N.I. (Ed.). *Slavyanskije drevnosti. Ehtnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] Vol. 4. P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 39–44. [in Russian]

Biegeleisen, 1930 — *Biegeleisen H.* (1930) *Śmierć w obrzędach, zwyczajach i wierzeniach ludu polskiego* [Death in rites, customs and beliefs of Polish folk]. Warszawa: Dom książki polskiej S-KA AKC, 344 p. [in Polish]

КРАЕ — Bohdanowicz J. (Ed.). *Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. T. 5. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia pogrzebowe* [Comments on polish ethnographic atlas. Vol. 5. Funeral customs, rites and beliefs]. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze Wydawnictwo, 1999. 225 p. [in Polish]

Stelmachowska, 1933 — *Stelmachowska B.* (1933) *Rok obrzędowy na Pomorzu* [Ritual year in Polish seashore region]. Toruń: Baltic Institute Publ., 271 p. [in Polish]

Три функции огня в славянской погребальной обрядности: освещение, очищение, путь в иной мир (на полесском материале)

Мария Александровна Андриянина ^{a, *}

^a Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация: В обширном и разветвленном комплексе основанной на ингумации восточнославянской погребальной обрядности, на первый взгляд, огонь играет вспомогательную, далеко не главную роль, хотя постоянно и неизменно присутствует на протяжении всего цикла похоронной и поминальной обрядности в разных инкарнациях: в дыме костров из вещей покойника, указывающем на место нового вторжения смерти в мир живых; в свечах, теплящихся в руках умирающего, возле гроба, на могилах и в домах во время поминальных трапез; в печном пламени, очищающем живых от влияния смерти и вмещающем в себя души усопших; наконец, в золе и углях, отпугивающих неурочно вернувшихся домой непрошенных мертвых. Как показывает собранный на территории Полесья и в сопредельных землях материал, основные функции огня в погребальной обрядности могут быть сведены к освещению, в том числе потусторонних путей души; очищению живых от смерти и отправке на «тот свет» всего принадлежащего покойнику или бывшего в соприкосновении с ним и со смертью (покойничьих вещей, щепок от гроба, соломы из постели умершего и пр.); в конечном итоге сводящиеся к общей идее правильного и благополучного пути в иной мир, что в свою очередь может быть современным реликтом древних ритуалов трупосожжения.

Ключевые слова: славянский, погребальный обряд, поминки, огонь, свеча, душа, тот свет, путь, мифология, умерший.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mary-andr@mail.ru (М.А. Андриянина)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 157-172

DOI: 10.13187/rs.2019.2.157
www.ejournal15.com

The Best Man in the Wedding Ceremonies in the Don Region: Functions and Terminology

Tatyana E. Grevtsova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
 Russian Federation

Abstract

The article deals with the ritual functions and names of the best man of the wedding ritual on the territory of the Rostov and Volgograd regions, which before the revolution were a part of the Province of the Don Cossack Host. In the Don wedding, the duties of the master of the wedding ceremonies were usually performed by one person, who had to possess certain qualities and could have different social and age characteristics. He differed from the rest of the guests by the formal marking of some attribute (scarf, ribbon, flower, etc.). On the one hand, this participant of the wedding was a rite “double” of the groom and acted on his behalf, and on the other hand, he protected the groom and later the newlyweds both during the real, spatial movement, and during the “transformation” of unmarried young people into a married couple. The actions of the best man on the Don, as well as those of the Slavs in general, are aimed at the successful performance of the ritual and the transition of the newlyweds to a new status, the culmination points of which are focused on the day of the wedding. The names of this person with the root *druž-* prevail in the Don dialects, which are also widespread in other East Slavic regions. Less used terms and their areas may indicate the peculiarities of the history of settlement of the Don region, in which both natives of different parts of the Russian Empire and Little Russia peasants participated. The lexical map compiled by the author based on unpublished expedition materials and published sources shows the areal distribution of the names of the best man in the Don dialects

Keywords: wedding ritual, wedding rank, master of ceremonies, best man, Province of the Don Cossack Host, Don Cossacks, lexical map.

1. Введение

Система свадебных чинов – лиц, принимающих участие в проведении свадьбы, – у славян отличается разветвленной структурой, сложной иерархией, богатой терминологией. Конечно, главные фигуры в обрядах, сопровождающих заключение брака, – молодые люди, создающие семью. Однако в день свадьбы, который является кульминацией данного обрядового цикла, сами жених с невестой являются скорее пассивными участниками церемонии. Это связано с народными представлениями о периоде вступления в брак как переходном, пограничном состоянии для молодых людей, когда они теряют свои прежние социальные характеристики, оказываются на какое-то время «вне социума», а потом возвращаются в общину и семью в новом статусе. Ритуальное время свадьбы

* Corresponding author

E-mail addresses: tanyar_2@mail.ru (T.E. Grevtsova)

осмысливается как опасное и для них самих, и для их родственников (Байбурин, 1993: 75–76). Поэтому от имени жениха с невестой на многих этапах обряда действуют их представители, при этом от каждой стороны это обычно целая группа лиц, в которой выделяется руководящий персонаж, а остальные осмысливаются как подчиненные ему. Распоряжается ходом свадебных церемоний чаще всего главный чин со стороны новобрачного, обычно имеющий большое количество ритуальных функций.

2. Материалы и методы

В данной статье мы обратимся к фигуре главного распорядителя свадьбы у донских казаков и рассмотрим его функции, народные представления, связанные с ним, лексику, его обозначающую, проанализируем ее распространение на территории Ростовской и части Волгоградской областей (далее – РО и ВО соответственно), до революции входившей в состав Области Войска Донского. Главным источником исследования стали неопубликованные материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета (ЮФУ) (до 2006 г. – Ростовского государственного университета, с 2008 г. экспедиции проводились совместно с Южным научным центром РАН (ЮНЦ РАН)), полевые материалы автора статьи, а также полевые материалы преподавателей и аспирантов ЮФУ и сотрудников ЮНЦ РАН. Также были использованы словари диалектной лексики Дона и опубликованные работы по свадебному обряду донских казаков. На основе всех данных автором была составлена лексическая карта «Территориальное распределение названий главного распорядителя свадьбы на Дону» (Рис. 1), которая позволяет проанализировать распространение названий дружки на Дону¹.

3. Обсуждение и результаты

В системе свадебных чинов на Дону выделяется один главный распорядитель, а остальные мужские чины со стороны жениха, помогающие в проведении обряда, находятся в его подчинении, что отражено и во внутренней форме их названий: *поддружий*, *подружье*, *полдруж*, *полдружко*, *боярин*, *младший боярин* (по отношению к *старшему боярину*) и др. (ПМДЭЭ РГУ (ЮФУ); БТСДК: 53, 385, 398; СДГВО: 433, 450). Чаще всего в качестве дружка выбирали крестного жениха, иногда другого старшего родственника с его стороны. У донских казаков, как и в других локальных традициях восточных славян (Гура, 2012а: 127–128), дружком также мог быть и молодой человек – сверстник новобрачного. Однако такая практика была менее распространена и, вероятно, является более поздней, что отмечают и некоторые носители традиции: «Ну он [дружок] как крестный яго, ну вместе, они родственники, он просто с ним ну дружок. Сейчас у нас подружка невесты и дружок жениха, а тогда вот он родственник был» (записано (далее – зап.) от Е.В. Мордвинцевой, 1945 года рождения (далее – г.р.), в х. Борисовский Новоаннинского района (далее – р-на) ВО в 2010 г., собиратели (далее – соб.): Диденко Г., Лесняк М.) (ПМДЭЭ ЮФУ)². Иногда старший женатый родственник жениха противопоставляется холостым друзьям жениха, составляющим его «дружину»: «Жених там, его дружки́, ребята, свидетели — они назывались дружки. Родителей уже нет. Ни жениховы, ни невестины в этом не участвуют, чтобы приехали за невестой. Просто друзья, подружки, ну и приехали сват, сваха, какие там были родственники, крестный» (зап. от Мотасовой З.В., 1938 г.р., в х. Бубновский Урюпинского р-на ВО в 2008 г.) (ПМ Власкиной Н.А.). Еще одним подтверждением широкой распространенности обычая приглашать в главные свадебные чины старшего женатого родственника жениха является тот факт, что на свадебном пиру, а также на второй день свадьбы, по рассказам носителей традиции, могли присутствовать только люди, состоящие в браке.

¹ В данной статье мы используем лексему *дружко́* в значении 'главный распорядитель свадьбы' как наиболее часто встречающееся на Дону название этого свадебного чина.

² Здесь и далее диалектные тексты приводятся в орфографической записи с сохранением отдельных диалектных особенностей донских говоров.

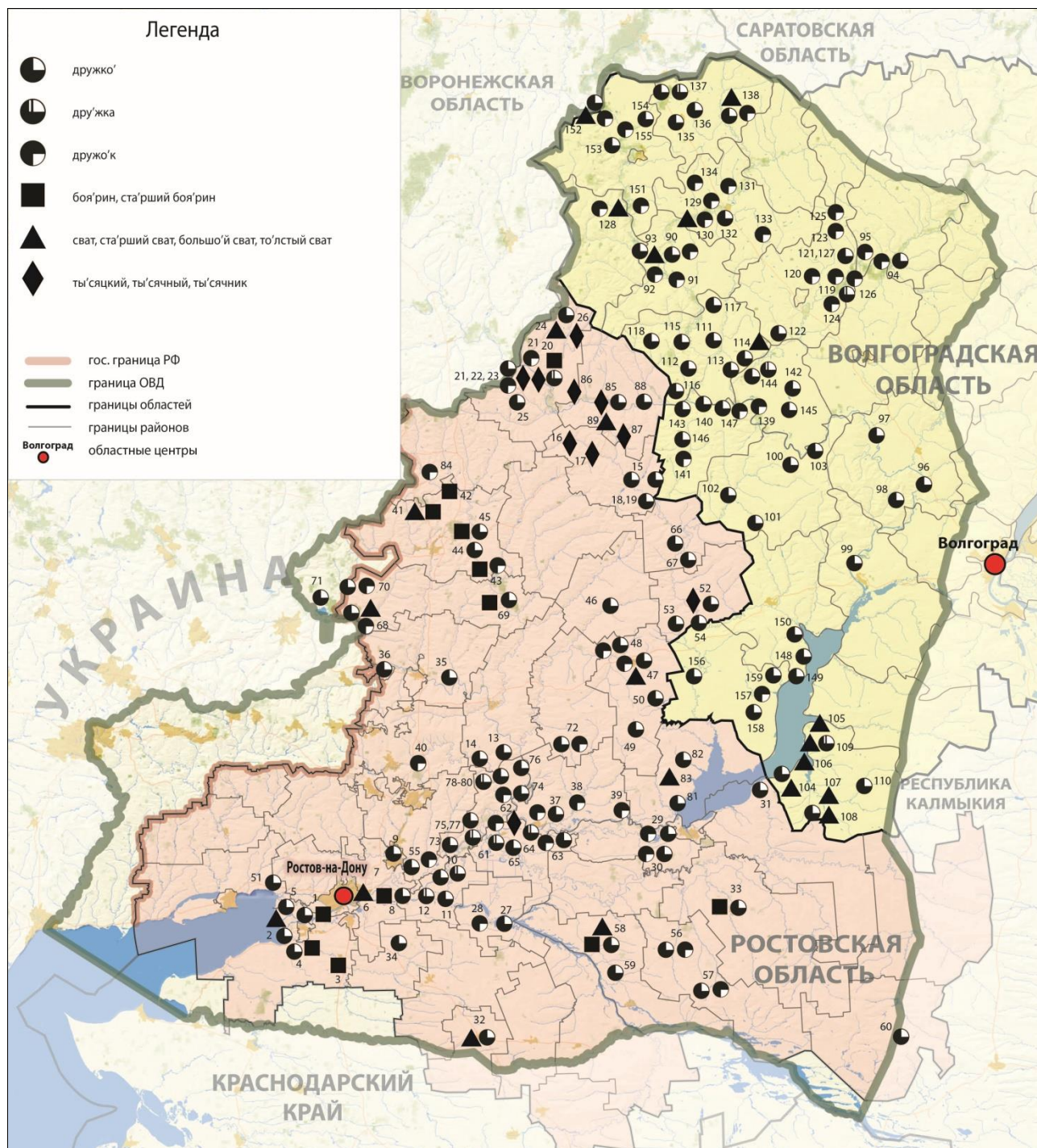

Рис. 1. Территориальное распределение названий главного распорядителя свадьбы на Дону (карта составлена Т.Е. Гревцовой)

У восточных славян существовало несколько старших чинов со стороны жениха, выполнявших сходные функции в обряде и зачастую отличавшихся только названием (дружок, сват, посаженный отец) (Гура, 2012а: 82). В некоторых донских станицах на свадьбе могли присутствовать двое главных мужских персонажей. Например, М.Н. Харузин отмечал, что «дружок бывает один, бывает и два дружка: один с невестинной стороны, а другой с жениховой» (Харузин, 1885: 130). Воспоминания о двух главных мужских чинах на свадьбе сохраняются в районах Верхнего Дона: «Главный на свадьбе – дружок и ты' сячкин, ну это ж крёстные» (зап. от Кошкиной Е.Г., 1914 г.р., в х. Грачев Боковского р-на РО в 1995 г., соб: Ерошенко С.В., Сизых Н.Е.) (ПМДЭЭ РГУ); «Ты' сяцкий – эта

подру́жник. Со свадьбы это, женихов – дружоќ. А это – нявестин крёстной. И называется тысяцкий» (зап. от Слесаревой Ф.М., 1928 г.р., Колычевой М.Д., 1935 г.р., в х. Поповка Верхнедонского р-на РО в 2004 г.) (ПМ Безденежных Н.В.); «У него товарищ, он дружок, знаете. А крёстный его жениху называли... ты́сяцкий» (зап. от Великановой З.В., 1939 г.р., в х. Кружилинский Шолоховского р-на РО в 2005 г.) (ПМА).

В старину присутствие двух главных мужских персонажей на свадьбе было связано с тем, что на роль дружки обязательно звали местного колдуна (сбережатого), который должен был обеспечить охрану молодых от сглаза и порчи. Распоряжался ходом ритуала другой мужской персонаж (старший боярин, сват). При этом в разных дореволюционных источниках дружком называется как знахарь, так и главный свадебный чин со стороны жениха (Кирсанов, 1831: № 258; Поляков, 1875: 2; Пономарев, 1876: 2; Сонин, 2019: 45; Сухоруков, 1892: 82). В другом описании говорится о том, что «в станице какой-нибудь один знатник-колдун бывал дружком. Сколько бы свадеб ни было, кроме его никому нельзя быть дружком» (Пивоваров, 1884: 157). Более того, иногда и в свахи приглашали местную знахарку (Сонин, 2019: 35).

Одно из наиболее ранних упоминаний о приглашении сбережатого на свадьбу для охраны жениха и невесты относится к 1764 г., при этом отмечено широкое распространение этого обычая на Дону (Пивоваров, 1884: 2), что позволяет считать его достаточно древним для казаков. Донской этнолингвист Б.Н. Проценко полагал, что под влиянием церковной традиции сбережатый постепенно потерял функцию «ангела-хранителя» молодых и превратился в свадебного колдуна, действующего в том же временном промежутке обряда, который раньше принадлежал знахарю (Проценко, 2000: 238). В этом смысле показателен текст о том, как человека, который был дружком на многих свадьбах в хуторе, не пригласили на торжество и он «остановил лошадей»¹: «Мама рассказывала: племянницу её вязли вот, стали довозить – с церкви ехали и заехали к родственникам, а там дед был в хуторе. Ну, от он дружковал хорошо, а его не взяли. А как они его возьмут, он же не невесте-то родственник или дюже знакомый. Ну, и лошади повярунулись и стали передом к невесте. Их запрягать, их туда-сюда, нет. Грыть [говорит]: “Идите за дедом”. Вот пошли, деда этого привели, упросили, угостили его. Он пошлёлпал лошадей, лошади повярунулись и поехали» (зап. от Шмелевой П.М., 1911 г.р., в х. Синяпки Обливского р-на РО в 1998 г.) (ПМ Калиничевой Н.В.).

В полевых материалах конца XX – начала XXI вв. приглашение на свадьбу колдуна уже не фиксируется, да и записи о дружке-знахаре встречаются редко: «Два знахаря – дед и дружок. Дружок должен был угодить деду»; «Дружок со свахой приезжали. Дружок колдун был, а сваха яго хрёстная» (СДГВО: 152); «Дружок, он всё может. Такова друшка выбирали, штоп знал, как защитит ат всех этих плахих случаев» (г. Серафимович ВО) (Материалы, 2013: 34). Обладание дружка «особыми знаниями» иногда проявляется в редком для донской традиции сюжете о противоборстве двух колдунов на свадьбе, одним из которых мог быть представитель жениха: «Вот забра́ли они в дружки́ Семёна. А когда они выезжали с двора, конь коренной упал... Вот этот Семён сделал так, чтоб эта ведьма, которая порчу навела на коня, он ведь сдох не просто, она ж порчу на него наслала. Ото ж конь сдох. Семён сделал, сколько, три дня была свадьба, бабка-то коню попу гри́зла, зад гри́зла три дня. Вот Семён знал» (зап. от Зевинной В.В., 1933 г.р., в г. Морозовске РО в 2009, соб.: Филиппова К.С., Феоктистова А.С.) (ПМДЭЭ ЮФУ).

Приглашение на роль дружки местного колдуна характерно для севернорусской свадьбы, но встречается и в Белоруссии и некоторых других регионах России (Тура, 2012а: 129; Богословский, 1927: 18). Традиция звать знахаря на свадьбу, по-видимому, была распространена на Дону, однако трансформация духовной культуры казаков, произошедшая в XX в., в том числе тенденция к десакрализации свадебного обряда, привели к изменению роли знахаря на свадьбе и отношения к нему носителей традиции. Например, его влияние на ход свадьбы, которое прежде осмыслялось как доказательство обладания сакральными знаниями, получает рациональное объяснение (владение гипнозом, использование волчьего жира и т.д.).

¹ Остановка свадебного поезда и произвольное распрягание лошадей – один из самых распространенных сюжетов в донских быличках о свадебном колдуне.

И в случае приглашения на роль свадебного распорядителя «обычного человека» – родственника или друга жениха – часто именно он был посредником между молодыми и колдуном, остановившим ход свадьбы, и знал, как вести себя в этой ситуации. Он шел на поклон и извинялся перед знахарем за то, что того не позвали на торжество, подносил ему угощение и выпивку: «Было такое, что поехали за невестой, а они, лошади, постанови́лись го́пки (встали на дыбы. – Т.Г.), и ни с места, ничего, если дружок неопытный. Уже люди знали, кого брать дружковать» (зап. от Антифеевой М.Н., 1922 г.р., в ст. Митякинской Тарасовского р-на РО в 2003 г., соб.: Лизогуб А.) (ПМДЭЭ РГУ); «И пошёл дружок к этому деду, и пока он его не уговорил, не упросил, и он пришёл, что он там делал, запрягли и поехали» (зап. от Чумаковой А.Я., 1914 г.р., в ст. Березовской Даниловского р-на ВО в 2009 г.) (ПМ Власкиной Н.А.); «Идётся сват, уговаривает его, про сить: отпусти лошадей, лошади встали не идуть, это ты наколдовал, шумить, ругается» (зап. от Мурговой Н.А., 1933 г.р., в х. Борисовский Новоаннинского р-на ВО в 2010 г., соб.: Диденко Г., Лесняк М.) (ПМДЭЭ ЮФУ).

В опубликованных источниках и записанных воспоминаниях обычно не упоминается, когда дружок начинает исполнять свои ритуальные функции. Обычно его полномочия ограничены днем свадьбы, на котором сосредоточены главные кульминационные моменты обряда (венчание, перемена прически невесты, разделение каравая, брачная ночь). Однако есть упоминания об участии этого свадебного чина в сватовстве (Волгодонской р-н РО, Новоаннинский р-н ВО) (ПМДЭЭ РГУ/ЮФУ), рукобилье (Листопадов, 1954: 49), перевозке приданого невесты в дом жениха (Константиновский р-н РО; Суровикинский р-н ВО) (ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ). В Семикаракорском районе РО дружка и свашку наделяли правами «хозяев» свадьбы, совершая символические действия с выпечкой: «Вот, значить, родители пекут каравай, не каравай, а калач, плетёный калач. И вот завтра уж и́ свадьба, всё завтра, и надевать отец невесты или жениха, сами выбирают, и ло́жить, вот сидять все за столом, отец поднимает калач и ложить на голову дружку, кто будет дружок, кто будить вести свадьбу, и свахи, ну вот так, и всё. Вот он берёт в свои права, всё, наливай, всё. С этой минуты он хозяин» (зап. от Сидоровой В.М., 1938 г.р., в ст. Кочетовской Семикаракорского р-на РО в 2008 г., соб.: Яценко Ю.А., Скиба Е.А.) (ПМДЭЭ ЮФУ). Поднятие и разламывание хлеба над головами главных действующих лиц обряда (дружка, молодых) может неоднократно повторяться на протяжении свадебного цикла. Преломление хлеба «фиксирует итог и необратимость определенного этапа» и совершается в наиболее значимые моменты ритуала (Гура, 2012а: 338). Выполнение этого действия над головами его участников усиливает его положительную семантику, поскольку верх в славянской традиции наделяется признаками «хороший», «благополучный», «плодородный» и т.п. (Толстой, 1995: 345). Например, в станице Старогригорьевской Иловлинского района ВО при встрече молодых «дружок берет заранее разрезанную пополам булку на голову и, подпрыгивая, с усилием будто, разламывает, дает половинку отцу и матери, их соблюдают до случая болезни молодых или порчи коровы» (Никулин, 2019: 90).

От правильного поведения главного распорядителя свадьбы зависит успешное совершение всего обряда и дальнейшее благополучие новобрачных. А.М. Листопадов писал: «Знающий, опытный дружок не пропустит ни одного перекрестка, – обязательно останавливает поезд и подносит <...> Встретится ли в пути человек, кто бы он ни был, особенно пешеход, хороший дружок считает своим долгом опять задержать поезд, – подзывает встретившегося и особенно усердно угощает, потому – бог его знает, что он за человек такой!» (Листопадов, 1954: 251). Охранные функции дружка проявляются также в совершении им специальных действий для защиты жениха и невесты (чтении специальных молитв, прикалывании булавок или иголок в подол одежды «от сглаза», перевязывании молодых куском рыболовной сети и т.д.) (Никулин, 2019: 81). Например, М.Н. Харузин упоминал о том, что перед отъездом свадебного поезда в церковь дружок и свашка опоясывали молодых кусками рыболовной сети, «чтобы нечистая сила не могла их испортить», а во время выхода процессии из дома дружок брал топор и делал вид, что перерубает сети, «расставленные ведьмами и чертями» (Харузин, 1885: 148). Он следил за тем, чтобы между парой никто не прошел, так как это считалось плохой приметой, а при выходе из дома невесты после ее выкупа выводил жениха и невесту «за платочек»; «Берёт дружок молодых за руку, связывает платком, носовым там, или полотенчик или что-то.

За руку выводить, чтоб между ними никто не прошёл» (зап. от Антифеевой М.Н., 1922 г.р., в ст. Митякинской Тарасовского р-на РО в 2003 г.: соб. Лизогуб А.) (ПМДЭЭ РГУ); «Дружок идёт наперёд, ведёт жениха за платочек. Он, дружок, и есть крёстный, это свидетели будут итить. А дружок всягда он крёстный <...> А жених за платочек невесту ведёт, а невеста с свашкой, с своей крёстной, тоже за платочек держится» (зап. от Р.Н. Сергеевой, 1930 г.р., в х. Березовка-2 Новоаннинского р-на ВО в 2010 г.) (ПМ Власкиной Н.А.).

Поскольку дружок на Дону ведёт всю свадьбу и развлекает гостей, то на эту роль выбирали веселого, разговорчивого человека: «От дружка зависит вся веселость свадьбы, поэтому в дружки берут лиц таких, которые за словом в карман не полезут и найдутся, как развеселить честную беседу» (Никулин, 2019: 79); «Дружок назывался, свашка, дружок, кто смелый, кто может разговаривать, умеет. Дружок собирается от жениха, а свашка от невесты» (зап. от Цапковой А.З., 1927 г.р., в ст. Кочетовская Семикаракорского р-на РО в 2008 г., соб.: Яценко Ю.А., Скиба Е.А.) (ПМДЭЭ ЮФУ); «Дружок, да кого выберешь, нет, знаешь, кто умеет весть, её, свадьбу не каждый ведёт хорошо, а как же! Кто способен поболтать что, рассказать, чтоб интересно было» (зап. от Л.М. Белоножки, 1930 г.р., в ст. Краснокутской Боковского р-на РО в 2010 г.) (ПМ Калиниченко И.Ю.).

Еще одно требование к главному распорядителю свадебного торжества – знание и соблюдение свадебных обычаев, а также владение «языком» свадьбы (фольклорными текстами, обрядовыми приговорами, фразеологией и лексикой). Например, во время остановки свадебного поезда, связанной с перегораживанием дороги односельчанами с требованием угощения и выпивки, дружок является посредником между молодыми и «зрителями» (теми, кто не приглашен на свадьбу): он выкупает дорогу для свадебной процессии, раздает угощение и подносит «рюмку» тем, кто преградил путь: «Вот едут по станции, например, а там раз – дорогу палкой перетянули, или верёвкой. Они останавливаются, дружок выходит, наливает им, бутылку даёт, и поехали дальше» (зап. от Л.П. Токаревой, 1931 г.р., в ст. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г.) (ПМА). Дружок как представитель стороны жениха защищает его интересы и действует от его имени. В этом смысле показателен следующий текст, в котором описывается ситуация, когда опытный дружок следит за тем, чтобы выкуп невесты состоялся по всем правилам: «Вот у моей дочери крёстный дружком был, а он уж на сколько свадеб побыл. И вот ей жених вручает букет цвятов, а он [дружок] моргает – не бяри, не бяри. А то её ж надо выкупать, если она возьмёт этот самый букет, то её уж выкупать не будут» (зап. от Илясовой М.С., 1930 г.р., в х. Сенной Михайловского р-на ВО в 2009 г.) (ПМ Власкиной Н.А.). Отметим, что дружок принимал активное участие в выкупе невесты, о чем может свидетельствовать и частота упоминаний о нем именно в рассказах об этом этапе свадьбы. В данном эпизоде жениху отводится пассивная роль: его представитель торгуется за место рядом с невестой для жениха с ее подругами, совершает выкуп, ведёт жениха и сажает его «на посад» рядом с ней: «Он [жених] ни к чему не касается. Всё делает дружок, это крёстный должен быть отец, и полдружье, ну выбирают какого-нибудь со стороны жениха» (зап. от Ю.А. Какушкиной, 1938 г.р., в х. Бубновский Урюпинского р-на ВО в 2008 г.) (ПМА). Во время передвижения свадебного поезда – одного из самых опасных моментов свадебного обряда – жених мог и вовсе утрачивать способность действовать самостоятельно: «Если по дороге кто-нибудь повстречается, старший боярин кидается к великому князю (курсив в цитате. - Т.Г.) и срывает с него шапку» (Сонин, 2019: 47).

По возвращении свадебной процессии в дом родителей молодого дружок заводит гостей в помещение и за столы, соблюдая определенный порядок: «Ну, вперёд идёт тысяцкий, потом идёт же жених за ним, а потом эта невеста, а потом дружок, потом подружка, а крёстная сзади всех идёт, эта сваха» (зап. от З.В. Великановой, 1939 г.р., в х. Кружилинский Шолоховского р-на РО в 2005 г.) (ПМА); «Только молодых заводили. Шёл дружок, вёл же, свашка, дружок вели за столы их» (зап. от А.П. Янчук, 1924 г.р., в х. Островянский Орловского р-на РО в 2006 г.) (ПМА). Представитель стороны жениха являлся распорядителем свадебного пира, заведовал спиртными напитками и угощением, развлекал гостей: «Сейчас тамада, а раньше дружок назывался. Он стаканчики ставит и всем подносит на этом подносе. Там не выпьешь лишнего» (зап. от В.И. Свильнова, 1948 г.р., в х. Чебачий Семикаракорского р-на РО в 2008 г.) (ПМ Власкиной Н.А.). Во время одаривания молодых дружок разрезает свадебный каравай, разносит гостям спиртные

напитки, а свашка – части каравая. В Семикаракорском районе РО перед разделением каравая дружка его разламывал над головой: «Ну, объявили, что сейчас дары, каравай будут носить. Берёт его, у комна́тку несёт, эти розы долой и напололам его надрежет, и на полотенце, а две свахи идут по бокам. С одной стороны, с правой стороны идёт женихова сваха, а с левой эта, невестина. И толька в зал заходят и держать его на голове [у дружка]... ломаеть. Они, кто вперёд поцелует, какая сваха дружка́ [быстрее успеет поцеловать]» (зап. от Л.А. Голотовой, 1927 г.р., в х. Чебачий Семикаракорского р-на РО в 2008 г.) (ПМ Власкиной Н.А.).

Во время разрезания каравая и одаривания молодых главному распорядителю свадьбы пели специальные песни. Одна из самых распространенных – «Дружка каравай краит»:

«Дружка́ каравай кра ить,
Дружка каравай краить,
Да златой ножик ма еть,
На серебряной таре́ лощке
Позлащёные ви́ лощки.
Тебе дружка да не дружкова́ ти,
Тибе друшко да не дружковати,
Да только панова́ ти,
В Москве воеводою
Са хорошею природою.
А наш дружка пан-пан,
А наш дружка пан-пан,
Да надел соломенной кафтан,
Шлы́ щкой подтере́за лся¹

И под каравай убрался» (зап. от Голотовой Л.А., 1927 г.р., в х. Чебачий Семикаракорского р-на РО в 2008 г.) (ПМ Власкиной Н.А.).

В приведенном варианте произошла контаминация распространенной величальной песни, сопровождающей разделение каравая во многих казачьих станицах, с текстами сразу двух припевок: величальной «Тебе дружка да не дружковати» и корильной «А наш дружка пан», также известных на Дону (Листопадов, 1954: 281). Такие припевки-тирады характерны для украинской традиции и являются отличительной чертой свадебного фольклора нижнедонской свадьбы (Рудиченко, 2006). Их исполнение на Дону приурочено главным образом ко дню венчания, и многие из них адресованы именно представителям новобрачных – дружке и свашке. Например:

«Наша свашка – рохля,
Наша свашка – рохля,
Под плиткою сдохла,
Дружка заглядает,

Кочергой выгребает» (зап. от В.Ф. Пятницкой, 1924 г.р., в ст. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г.) (ПМА).

На Нижнем Дону после разнесения каравая дружке пели:

«Да спасибо тебе, дружечка,
Да спасибо тебе, дружечка,
За хорошую служечку,

Услуга большая – забот тебе много» (зап. от В.Ф. Пятницкой, 1924 г.р., в ст. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г.) (ПМА).

Следует отметить и другие эпизоды участия главного распорядителя в ритуалах со свадебным хлебом. В станице Старочеркасской дружка и сваха освещали печь при сажании в нее каравая (Сухоруков, 1892: 27). После открытия каравая, т.е. снятия с него платка, этот платок повязывали на шею или руку дружке (Аврамов 1875: № 57; Харузин, 1885: 156). У казаков Второго Донского округа дружка выбирали в доме жениха во время сажания каравая в печь (Никулин, 2019: 79). Участие главного распорядителя свадьбы в обрядах со свадебным караваем представляется вполне закономерным, если учесть, что этот обрядовый

¹ В говоре станицы Кочетовской слово *подтере́за́ться* имеет значение ‘подпоясаться’ (БТСДК: 386). У А.М. Листопадова это строка звучит как «Лычкою перевязалсы» (Листопадов, 1954: 281).

хлеб является символом соединения жениха и невесты, мужского и женского начал и бракосочетания в целом, а дружка – это свадебный чин, отвечающий за благополучное совершение ритуала.

Во время одаривания молодых распорядители свадьбы собирали и пересчитывали подарки. Дружка и свашка (иногда один дружка) провожали жениха и невесту на ночлег в первую брачную ночь. В некоторых местах они символически «грели постель» для молодых (Листопадов, 1954: 277; СДГВО: 122; Харузин, 1885: 153): «Это всё ложилась ответственность на плечи крёстной матери и крёстного отца, отец со стороны жениха, мать – со стороны невесты. Проводить крёстный и крёстная, нагреть постель молодым» (зап. от Какушкиной Ю.А., 1938 г.р., в х. Бубновском Урюпинского р-на ВО в 2008 г.) (ПМА). Иногда помощники даже давали наставления и советы новобрачным: «Дружка и свашка провожали их [молодых на ночлег]. Когда вяду́ть их, там только хозяйева – дружка и свашка. Тогда отдавали молодых, глупых, так что приходилось: дружка брали чужого и свашку брали чужую, чтобы они между собой никто были. (Соб.: А молодых обучали, что делать в амбаре?) Да, обязательно. Свашка с своей стороны, дружка – с своей стороны» (зап. от Шмелевой М.П., 1911 г.р., в х. Синякин Обливского р-на РО в 1998 г.) (ПМ Калиничевой Н.В.). Эта же пара свадебных чинов «поднимает» молодых после брачной ночи: «Молодые переспали, их поздравили с законным браком, пожелали им здоровья. Дружка со свашкой утрам их разбудили: “Как ваше здоровье?”» (зап. от Варламовой М.Я., 1940 г.р., в ст. Обливской РО в 1998 г.) (ПМ Власкиной Т.Ю.); «Рассказывали, что дружка и свашка идут за молодыми, смотреть постель, потом обнародывают это дело, чи честная, чи нечестная» (зап. от Антифеевой М.Н., 1922 г.р., в ст. Митякинской Тарасовского р-на РО в 2003 г., соб.: Лизогуб А.) (ПМДЭЭ РГУ). Участие главных свадебных чинов в постельном ритуале распространено у всех славян, а обычай «обогревания» постели молодым известен в южнорусской свадьбе и направлен на благополучное совершение супружеского акта (Гура, 2012а: 514–516, 527–528).

Окончание выполнения дружком своих обязанностей на Дону обозначалось выражением «сдать с рук (молодых)» и происходило обычно после первой брачной ночи или после обряда дарения подарков молодым и разделения свадебного каравая: «Дружок как хозяин на свадьбе, а после сыр-каравая он молодых с рук сдаёт и тожа может гулять» (СДГВО: 152); «Говорять, с рук сдадут, вот вечером, ну дары пройдут, говорить, с рук сдали. Она [невеста] снимает с себя платье, снимает с себя фату» (зап. от Великановой З.В., 1939 г.р., в х. Кружилинский Шолоховского р-на РО в 2005 г.) (ПМА). Внутренняя форма этого словосочетания указывает на то, что положение жениха и невесты в обряде осознается как пассивное, зависимое от распорядителей свадьбы: в самые важные моменты находятся как бы «на поруках» дружка и свашки. Словосочетание «сдать с рук» могло относиться к переходу новобрачных под опеку родителей, к передаче их от дружка к свашке с целью охранения от порчи и сглаза (БТСДК: 478), а также к обряду одаривания молодых (СДГВО: 536). Причиной трансформации семантики этого культурного термина можно считать метонимический перенос, который произошел вследствие временной близости данных обрядовых актов. Выражение «сдать с рук» в значении окончания исполнения обязанностей дружка встречается также в тамбовской свадьбе (Бузин, 2015: 513). В Вологодской области оно относится к передаче невесты от ее отца жениху для оберега ее от сглаза (СРНГ, 37: 50), Воронежской – обозначает дарение подарков молодым (СРНГ, 35: 245).

Иногда свои обязанности дружка выполнял вплоть до конца свадебного обряда – второго–третьего дня после венчания. Например, на второй день свадьбы он участвовал в шуточных обрядах в доме невесты, ряжении и «антисвадьбе» (переодевании гостей в жениха и невесту и разыгрывании шуточной свадьбы) (Листопадов, 1954: 297): «Когда приходять на второй день к невесте гости, там садятся у двери, там или дружка, или сват какой, кто боевой, ставит чашку, в чашке самогон налитый. И вот зачёрпывают этой кружкой и дают выпить, а то ни пропустят они тогда» (зап. от Токаревой Л.П., 1931 г.р., в ст. Нижнекундрюченской Усть-Донецкого р-на РО в 2007 г.) (ПМА). Представители молодых могли также участвовать в забивании чопы, которое совершалось обычно в случае женитьбы последнего ребенка в семье: «Обычно забивают дружка и свашка. Вот это садятся на пол, молоток, гвоздь дают и начинают колотить. Ох, ни попала, ни попала – давай рюмочку. Выпила, опять бьёт, покуда не забила этот чоп» (зап. от Казанкова И.А.,

1930 г.р., в х. Чекалов Морозовского р-на РО в 2009 г.) (ПМ Власкиной Н.А.). В Черкасском округе дружка и свашка передавали новобрачным родителям только после заливания трубы – последнего ритуала свадьбы (Аврамов 1875: №57). М.Н. Харузин описал обряд разжалования молодых и их помощников в конце свадьбы: «Потом и дружке говорят: “Ты теперь не дружка, а ты теперь не полудружье, а ты теперь не сваха”, и т.д. Тогда дружка, сваха и прочие снимают с себя полотенца и кладут в карман. Обязанности их кончены, и они могут отдохнуть» (Харузин, 1885: 158).

В Шолоховском районе РО перед окончанием свадьбы на второй день после венчания главный распорядитель тысяцкий делил каравай особым способом: «От этот тысяцкий всё делает, подре жеть, на голове от так полотенце поло жить на голову, вышитый, себе полотенце ло жить, надрезаеть этот каравай, на голову его, как прыгнетъ <...> Разломил пополам от и даёть этой, ну у кого будутъ жить молодые, допустим там тёща. Она берётъ эти две половиночки к себе и подзываетъ ту, сваху, и говорить: “На, тебе, свашенька, веточки, а мне остаются деточки”» (зап. от З.В. Великановой, 1939 г.р., в х. Кружилинский Шолоховского р-на РО в 2005 г.) (ПМА). В станицах Луганской (до революции входила в Донецкий округ ОВД) и Краснодонецкой дружка исполнял свои обязанности вплоть до последнего обрядового акта – разделения специального хлеба лежня: «Дружка разрезывает лежень на части и разделяет между гостями; потом он и свашка передают молодых на руки родителей и этим заканчивается свадьба» (Пономарев, 1876: 3); «По окончании обеда дружка... берет непочатый лежень, ставит себе на голову и, в сопровождении выряженных в вывернутые овчинные шубы свашек и полу дружья, смешно переодетого в какое-нибудь тряпье горбатым стариком, с полупустым бочонком из-под меда, – с напыщенной важностью несет лежень в горницу к гостям, оглушительным смехом встречающим чудную процессию. Поставив на стол, дружка режет лежень на куски, а свашки с полудружеством мажут медом и вместе с наполненными рюмками разносят гостям» (Листопадов, 1954: 296).

Главный отличительный признак главного распорядителя от остальных участников обряда в донской свадьбе, как и в других славянских традициях, – его формальная отмеченность каким-либо атрибутом. На Дону его обычно перевязывали отрезами материи, платками или лентами, прикрепляли к одежде цветы: «Крёстный жениха, он всю свадьбу вёл, и перевязывали его платком шалёвым» (зап. от В.И. Каргиной, 1940 г.р., в х. Чукаринский Шолоховского р-на РО в 2005 г.) (ПМА), «Друшко, вот крёстный его, например, женихов, он красной лентой так вот перевязан, с цветком» (зап. от Коровиной Р.А., 1957 г.р., в ст. Глазуновской Кумылженского р-на ВО в 2009 г.) (ПМА); «Дружка обязательно перевязывают матерьялом, матерьялом с одной стороны, с невестинной, с другой матерьял виситъ» (зап. от Н.И. Шевской, 1929 г.р., в ст. Раздорской Усть-Донецкого р-на РО в 2001 г.) (ПМ Власкиной Н.А.). На второй день свадьбы на Нижнем Дону к одежде дружка прикрепляли алые или разноцветные ленты в знак «честности» невесты (Аврамов, 1875: № 57; Ребров, 1875: 19).

Обратимся теперь к названиям главного распорядителя свадьбы на Дону. Как и в восточнославянской и западнославянской свадебных традициях, в донской свадьбе доминируют термины с корнем **drug-*. Наиболее распространенной является лексема *дружка*, встречающаяся повсеместно как в донском регионе, так и у всех восточных славян (Гура, 2012а: 129). Часто она соседствует с другими названиями этого свадебного чина с этим корнем (*дружка*, *дружка*) в одном населенном пункте и даже в речи одного диалектоносителя. При этом термин *дружка* в донской свадьбе может относиться как к представителю жениха, так и к подруге невесты, а название *дружок* также обозначает одного из друзей жениха, составляющих храбрый поезд. На Дону существует специальный глагол с корнем *друж-*, обозначающий выполнение обязанностей «заведующего» свадьбой, – *дружкова ть* (БТСДК: 141; СДГВО: 152), а также его дериват *отдружкова ть*, отмечающий завершение ведения свадьбы (СДГВО: 391). Лексема *дружковать* также встречается у терских и кубанских казаков, в Смоленской области, в областях Восточной Украины (*дружкувати*), у белорусов брестского Полесья (*дружковаты*) (Гура, 2012а: 132).

Слова, обозначающие главного распорядителя свадьбы, с другими корнями не так распространены в донском регионе. На Нижнем Дону, в Задонье и северо-востоке Ростовской области (Азовский, Аксайский, Верхнедонской, Зимовниковский,

Миллеровский, Пролетарский, Тарасовский районы) представителя жениха называли *боя́рин*. Ареал распространения этого культурного термина, располагающийся преимущественно в районах, в заселении которых большую роль сыграли выходцы из малороссийских губерний (Рис. 1), указывает на его украинское происхождение. Отметим, что *боярами* называли и участников храброго поезда жениха – неженатых парней, сопровождавших его на пути в дом невесты (БТСДК: 53). При этом словосочетание *старший боярин* (Азовский, Аксайский, Верхнедонской, Пролетарский, Тарасовский р-ны РО) всегда обозначает главного распорядителя свадьбы и указывает на иерархию свадебных чинов (ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ). Слово *боярин* в значении одного из представителей стороны жениха весьма распространено в восточнославянской свадьбе, где его семантика так же, как и на Дону, варьируется от одного из друзей жениха до самого почетного гостя, особенно в сочетании с прилагательными *старший, большой, первый, высокий* (Богословский, 1927: 16–17; Гура, 2012а: 132; СРНГ, 3: 143–144).

Несколько значений на Дону, как и в говорах других русских территорий, имеет и слово *сват*: 1) человек, отправляющийся сватать невесту; 2) отец жениха по отношению к отцу невесты и наоборот; 3) главный распорядитель свадебного обряда. Если первые два значения распространены повсеместно, то последнее, интересующее нас в рамках данной статьи, встречается на Дону точно (см. Рис. 1). Как и лексема *боярин*, термин *сват* с семантикой распорядителя свадьбы может употребляться с эпитетами *большой* (Цимлянский р-н РО) и *старший* (Азовский р-н РО) (ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ). В Котельниковском районе ВО выделяется узкий ареал бытования словосочетания *толстый сват*, компоненты которого могут сливаться в одно слово *толстосва́т* (СДГВО: 531, 592). Интересно, что в этом же районе распорядительницу свадьбы называли *толстосва́ха* (СДГВО: 592), что подтверждает парность этих свадебных чинов. Однако, в отличие от прилагательных *большой* и *старший*, характеристика *толстый* по отношению к главному распорядителю свадьбы на других территориях встречается редко. В Пермской губернии тысяцкого называли «большобрюхим» или «толстопузым» (Богословский, 1927: 59). В могилевской свадьбе *толстым сватом* и *толстой свахой* могли называть лиц, участвующих в сватовстве (Воробьева, 2016: 52). Такая характеристика свата, очевидно, акцентирует внимание не на его внешнем виде, а на его важной роли в свадебном обряде, высоком статусе в иерархии свадебных чинов. Это подтверждает наличие сем 'большой', 'сильный', 'проявляющийся в наибольшей степени' в значении слова *толстый* в русских диалектах (СРНГ, 44: 213–216).

Интересна фиксация на исследуемой территории названий главного свадебного распорядителя с корнем *тысяц-* / *тысяч-*, которые образуют компактный ареал в районах Верхнего Дона: *ты сяцки́й* (Боковский, Верхнедонской, Обливский, Шолоховский р-ны РО), *ты́ сячник* (Верхнедонской р-н РО), *ты́ сячный* (Боковский район РО) (рис. 1). Единичная фиксация лексемы *ты́ сячник* была сделана в ст. Кочетовской Семикаракорского района РО (ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ). В русском свадебном обряде *тысяцким* обычно называли одного из главных участников свадебного обряда, обычно крестного отца жениха и невесты (СРНГ, 45: 340–341). Этот термин, как и многие другие названия свадебных чинов, заимствован из военной терминологии. Оттуда же происходит и название *ма́ршал* (единичная фиксация в ст. Старочеркасской). По многим обрядовым функциям и степени родства с женихом тысяцкий сближается с дружкой. Наиболее обширными обязанностями наделен тысяцкий в свадьбе севернорусских областей (Гура, 2012б: 337–338). При участии в обряде и дружки, и тысяцкого последний обычно считается главным и самым почетным гостем, а первый – вторым свадебным чином (Богословский, 1927: 18). Название *тысяцкий* отмечено и в других русских регионах – Московской, Владимирской, Орловской, Тамбовской, Тульской, Тверской, Самарской, Астраханской, Оренбургской областях, в русских говорах Башкирии, Татарстана, Удмуртии, Сибири (Богословский, 1927: 17; СРНГ 45: 340–342), однако повсеместное бытование этого термина характерно именно для Русского Севера. При этом, как и на Дону, зачастую на одной территории бытуют сразу несколько вариантов этого обрядового термина (например, *тысяцкий, тысячник, тысячка, тысячный* в вологодских говорах (СВГ, 11: 82–83); *тысяцкий, тысячкий, тысячник, тысячка* – в вятских (ОСВГ, 11: 119) и др.)

Остальные названия главного распорядителя свадьбы на Дону единичны. Это уже упомянутая лексема *ма́ршал*, а также слова *схода́ тай* (г. Аксай РО), *ста́роста* (с. Ремонтное, п. Зимовники РО) (ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ). Термин *схода́ тай* (на Дону это чаще женщина – *схода́ тая*) встречается в нижнедонских районах в значении ‘человек, сватающий невесту’ (БТСДК: 520). Слова *маршал* и *староста* скорее всего появились в донской свадебной терминологии под влиянием традиционной культуры малороссов. Последнее в украинской свадьбе также обозначает участника сватовства (Тура, 2012а: 131, 147). Сходные функции с дружком может выполнять *поджени́шник* (БТСДК: 379; СДГВО: 434). Данное название указывает на близость этого свадебного чина к жениху, но относится в основном к одному из неженатых друзей молодого. Одну из функций дружка в обряде в некоторых населенных пунктах выполнял *дя́дька* – старший родственник невесты, несший икону в свадебной процессии (х. Евсеевский Усть-Донецкого р-на, ст. Краснодонецкая Белокалитвинского р-на РО) (ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ). В Алексеевском и Новоаннинском районах ВО записаны свидетельства о двух главных свадебных чинах: *дружко*, роль которого выполнял крёстный жениха, и *подру́жие* (*поддру́жий*), заведовавший свадебным столом: «Был подру́жий, и подру́жий это всё делал, командовал всем, это назывался подру́жий, от дружок стойть под караваем, а он, подру́жий, возле стойть и тут кома́ндует всем, всеми столами» (зап. от Р.Н. Сергеевой, 1930 г.р., в х. Березовка-2 Новоаннинского р-на ВО в 2010 г.) (ПМ Власкиной Н.А.).

Приведенные материалы по донской свадебной лексике показывают, что при анализе терминов, обозначающих главного свадебного распорядителя, часто необходимо обращение к обрядовому контексту. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, одна и та же лексема может относиться к разным участникам обряда (*дру́жка* – это и представитель жениха, и подруга невеста, *боярин* – и распорядитель на свадьбе, и участник храброго поезда и т.д.), а с другой – зачастую несколько названий «хозяина» свадьбы зафиксированы в одном населенном пункте и не всегда удается определить, какое из более употребительно: «Невеста, у неё дру́жка, а в жениха боя́рин. Вот они вдвоём как вспомогательные всегда рядом с ними... Ну дру́жко или дру́жка, ну у нас по-старинному это боярин, а то ведущие пожилые. У меня дочка была за свашку, а боярин с ихней стороны» (зап. от Герасименко З.Д., 1932 г.р., в сл. Криворожье Миллеровского р-на РО в 2012 г.) (ПМА). Однако можно утверждать, что такая ситуация характерна для терминологии участников свадьбы не только на Дону, но и в других восточнославянских регионах. По-видимому, это обусловлено тем, что система свадебных чинов в древности была более разветвленной и со стороны жениха на свадьбе присутствовали несколько главных мужских персонажей – тысяцкий, сват, дру́жко и др., за каждым из которых были закреплены определенные ритуальные функции. Следы этой системы еще сохраняются в севернорусской свадьбе (Тура, 2012а: 134–137), а на территориях позднего заселения, по-видимому, состав свадебных чинов был сильно редуцирован.

4. Заключение

Таким образом, основные функции главного распорядителя свадьбы на Дону, как и у славян в целом, были направлены на благополучное совершение ритуала и переход молодых в новый статус, кульминационные точки которого сосредоточены на дне венчания (в более позднее время – регистрации брака). В донской свадьбе эти обязанности обычно выполнял один свадебный чин со стороны жениха, который, с одной стороны, являлся его обрядовым «двойником», а с другой – охранял жениха и позже новобрачных как во время реального, пространственного перемещения, так и при «превращении» неженатых молодых людей в супружескую пару. Дру́жко должен был обладать определенными качествами: знать порядок проведения обряда, уметь развеселить гостей, защитить жениха и невесту от сглаза и порчи. Он мог иметь различные характеристики (молодой – старый, родственник – не родственник, профессиональный дру́жко или нет и т.д.), однако был легко «опознаваем» среди других свадебных гостей по внешним атрибутам (перевязан платками, лентами или тканью, его одежда украшена цветами).

В донских говорах преобладают названия главного распорядителя свадьбы с корнем *друж-*, широко распространенные также в других восточнославянских регионах. Менее употребительные термины и их ареалы могут указывать на особенности истории заселения

Дона, в котором приняли участие как выходцы из разных частей Российской империи, так и малороссийские крестьяне. Терминосистема свадебных чинов Верхнего Дона (*дружско – тысяцкий, дружско – поддружий*) свидетельствует о том, что, по-видимому, в старину здесь присутствовало два главных мужских персонажа. Это является одним из доказательств участия выходцев из севернорусских регионов в формировании духовной культуры населения этой части ОВД.

5. Благодарности

Автор выражает благодарность донским ученым, чьи полевые материалы были использованы для подготовки данной статьи: Н.А. Архипенко, Н.В. Безденежных, Т.Ю. Власкиной, Н.А. Власкиной, Н.В. Калиничевой, И.Ю. Калиниченко.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-312-00048 «Этнолингвистическая география донской свадьбы: культурная терминология и обрядовая символика».

Литература

Аврамов, 1875 – Аврамов. Свадебные обычаи в одной из станиц Черкасского округа // *Донские областные ведомости*. 1875. №№ 50, 51, 57.

Байбурин, 1993 – Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Богословский, 1927 – Богословский П.С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь: Издание кружка по изучению Северного края при Пермском университете, 1927. 64 с.

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. 608 с.

Бузин, 2015 – Бузин В.С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 640 с.

Воробьева, 2016 – Воробьева Т.С. Названия свадебных чинов со стороны жениха (на материале могилевских говоров) // Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. С. 51–53

Гура, 2012а – Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.

Гура, 2012б – Гура А.В. Тысяцкий // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица)*. М.: Международные отношения, 2012. С. 337–338.

Кирсанов, 1831 – Кирсанов Х.П. Старинные свадебные обряды донских казаков // *Северная Пчела*. 1831. №№ 258–259.

Листопадов, 1954 – Листопадов А.М. Песни донских казаков: в 5 т. / под общ. ред. Г. Сердюченко. Т. 5. М.: Музгиз, 1954. 358 с.

Материалы, 2013 – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / под общ. ред. П.Т. Тимофеева. Донецк: Юго-Восток, 2013. 384 с.

Никулин, 2019 – Никулин П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа // *Донская свадьба. Выпуск 1. Материалы архивов и публикации XIX века / сост., авт. коммент. и примеч. Рыблова М.А., Когитина А.В.* Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. 2019. С. 75–94.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–8. Киров: Изд-во ООО «Коннектика»; изд-во «Экспресс»; изд-во ВятГГУ; изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2004–2012.

Пивоваров, 1884 – Из донской старины. Записки священника Пивоварова // *Казачий вестник*. 1884. № 2. С. 1–2.

ПМ Безденежных Н.В. – Полевые материалы Безденежных Н.В., рукопись. Ростов-на-Дону.

ПМ Власкиной Н.А. – Полевые материалы Власкиной Н.А., рукопись. Ростов-на-Дону.

- ПМ Власкиной Т.Ю.** – Полевые материалы Власкиной Т.Ю., рукопись. Ростов-на-Дону.
- ПМ Калиничевой Н.В.** – Полевые материалы Калиничевой Н.В., рукопись. Ростов-на-Дону.
- ПМ Калиниченко И.Ю.** – Полевые материалы Калиниченко И.Ю., рукопись. Ростов-на-Дону.
- ПМА** – Полевые материалы Гревцовой Т.Е., рукопись. Ростов-на-Дону.
- ПМДЭЭ РГУ / ЮФУ** – Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (с 2006 г. – Южного федерального университета), рукопись. Ростов-на-Дону.
- Поляков, 1875** – Поляков. Старинная донская свадьба // *Донские областные ведомости*. 1875. № 22. С. 2–3.
- Пономарев, 1876** – Пономарев С. Луганская станица (этнографический очерк): о праздниках, рукобитье, подвеселках и свадьбе Луганской станицы // *Донские областные ведомости*. 1876. № 50. С. 2–3.
- Проценко, 2000** – Проценко Б.Н. Донской свадебный колдун: образ, действия, функции, значение // *Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. Сборник научных статей*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2000. С. 235–245.
- Рудиченко, 2006** – Рудиченко Т.С. Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) // *Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. Дикаревские чтения (12)*. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2006. С. 220–230.
- СВГ** – Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–12. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 1983–2007.
- СДГВО** – Словарь донских говоров Волгоградской области. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
- Сонин, 2019** – Сонин П. Рассказ Никиты Сливаева. Из быта донских казаков в Донецком округе (Московский вестник. 1860. № 11) // *Донская свадьба*. Выпуск 1. Материалы архивов и публикации XIX века / сост., авт. коммент. и примеч. Рыблова М.А., Когитина А.В. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. 2019. С. 32–45.
- СРНГ** – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47. М., Л., СПб.: Наука, 1965–2014.
- Сухоруков, 1892** – Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк. Издание газеты «Донская Речь». Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1892. 99 с.
- Толстой, 1995** – Толстой Н.И. Верх – низ // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г*. М.: Международные отношения, 1995. С. 345–346.
- Харузин, 1885** – Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М.: Типография М.П. Щепкина, 1885. 434 с.

References

- Avramov, 1875** – Avramov. (1875). Svadebnye obychai v odnoi iz stanits Cherkasskogo okruga [Wedding customs in one of the villages of Cherkassk district]. *Donskie oblastnye vedomosti*. № 50, 51, 57. [in Russian]
- Baiburin, 1993** – Baiburin A.K. (1993). Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticeskii analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka Publ., 240 p. [in Russian]
- Bogoslovskii, 1927** – Bogoslovskii P.S. (1927). K nomenklature, topografii i khronologii svadebnykh chinov [Nomenclature, topography and chronology of wedding ranks]. Perm: Publication of the circle for the study of the Northern region at the Perm University, 64 p. [in Russian]
- BTSDK** – Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks' dialect]. Moscow: Russkie slovari Publ.; Astrel' Publ.; AST Publ., 2003, 608 p. [in Russian]

Buzin, 2015 – *Buzin V.S.* (2015). Rozhdenie, vstuplenie v brak i smert' v traditsionnoi yuzhnorusskoi obryadnosti (Lipetskaya, Tambovskaya, Penzenskaya oblasti): Materialy i issledovaniya. [Birth, marriage and death in the traditional South Russian rituals (Lipetsk, Tambov, Penza Regions): materials and researches]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 640 p. [in Russian]

Vorob'eva, 2016 – *Vorob'eva T.S.* (2016). Nazvaniya svadebnykh chinov so storony zhenikha (na materiale mogilevskikh govorov) [Names of wedding ranks on the part of the groom (on the material of Mogilev dialects)]. Etnolingvisticheskoe i leksikograficheskoe opisanie govorov mogilevsko-smolenskogo pogranich'ya [Ethnolinguistic and lexicographical description of the dialects of the Mogilev-Smolensk borderland]. Mogilev: Mogilev State University named after A.A. Kuleshov Publ., pp. 51–53. [in Russian]

Gura, 2012a – *Gura A.V.* (2012). Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika [Marriage and wedding in the Slavic folk culture, Semantics and symbolics]. Moscow: Indrik Publ., 936 p. [in Russian]

Gura, 2012b – *Gura A.V.* (2012). Tysyatskii [Tysiatskii]. *Tolstoj N.I.* (Ed.). Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 5. S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 337–338. [in Russian]

Kirsanov, 1831 – *Kirsanov Kh.P.* (1831). Starinnye svadebnye obryady donskikh kazakov [Ancient wedding rituals of the Don Cossacks]. *Severnaya Pchela*, №№ 258–259 [in Russian]

Listopadov, 1954 – *Listopadov A.M.* (1954). Pesni donskikh kazakov [The Don Cossacks' songs]. In 5 vols. Ed. G. Serdyuchenko. Vol. 5. Moscow: Muzgiz Publ., 358 p. [in Russian]

Materialy, 2013 – *Timofeev P.T.* (Ed.). Materialy mezhdunarodnykh studencheskikh fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsii Donetskogo natsional'nogo universiteta na Verkhonii Don (Volgogradskaya i Rostovskaya oblasti: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 gg.) [Materials of international student folklore and ethnographic expeditions of Donetsk National University to the Upper Don (Volgograd and Rostov regions: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012)]. Donetsk: Yugo-Vostok Publ., 2013, 384 p. [in Russian]

Nikulin, 2019 – *Nikulin P.* (2019). Narodnye yuridicheskie obychai donskikh kazakov 2-go okruga [Folk legal customs of the Don Cossacks of the 2nd district]. Donskaya svad'ba. Vypusk 1. Materialy arkhivov i publikatsii XIX veka [Don Wedding. Issue 1. Materials of archives and publications of the XIX century]. Composition, author's comments and examples of Ryblova M.A., Kogitina A.V. Volgograd: Publishing house of Volgograd Institute of management, a branch of RANEPa, pp. 75–94. [in Russian]

OSVG – Oblastnoi slovar' vyatskikh govorov [Regional dictionary of Vyatka dialects]. Issues 1–8. Kirov: Publishing houses “Konnektika”; “Ekspress”; “Raduga-PRESS”; Vyatka State Humanitarian University Publ., 2004–2012. [in Russian]

Pivovarov, 1884 – Iz donskoi stariny. Zapiski svyashchennika Pivovarova [From the Don antiquities. Notes of the priest Pivovarov]. *Kazachii vestnik*. 1884, № 2, pp. 1–2 [in Russian]

PM Bezdenezhnykh N.V. – Polevye materialy Bezdenezhnykh N.V. [Field data of Bezdenezhnykh N.V.], manuscript. Rostov-on-Don.

PM Vlaskinoy N.A. – Polevye materialy Vlaskinoy N.A. [Field data of Vlaskina N.A.], manuscript. Rostov-on-Don.

PM Vlaskinoy T.Yu. – Polevye materialy Vlaskinoy T.Yu. [Field data of Vlaskina T.Yu.], manuscript. Rostov-on-Don.

PM Kalinichevoi N.V. – Polevye materialy Kalinichevoi N.V. [Field data of Kalinicheva N.V.], manuscript. Rostov-on-Don.

PM Kalinichenko I.Yu. – Polevye materialy Kalinichenko I.Yu. [Field data of Kalinichenko I.Yu.], manuscript. Rostov-on-Don.

PMA – Polevye materialy Grevtsovoi T.E. [Field data of Grevtsova T.E.], manuscript. Rostov-on-Don.

PMDEE RGU / YuFU – Polevye materialy dialektologicheskikh i etnolingvisticheskikh ekspeditsii Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta (s 2006 g. – Yuzhnogo federal'nogo universiteta), [Field data of dialectological and ethnolinguistic expeditions of Rostov State University (since 2006 – Southern Federal University)], manuscript. Rostov-on-Don.

Polyakov, 1875 – *Polyakov*. (1875). Starinnaya donskaya svad'ba [Ancient Don wedding]. *Donskie oblastnye vedomosti*, № 22, pp 2–3. [in Russian]

Ponomarev, 1876 – *Ponomarev S.* (1876). Luganskaya stanitsa (etnograficheskii ocherk): o prazdnikakh, rukobit'e, podveselkakh i svad'be Luganskoi stanitsy [Luhansk stanitsa (ethnographic essay): about holidays, engagement, hen day and wedding of Luhansk stanitsa]. *Donskie oblastnye vedomosti*, № 50, pp. 2–3. [in Russian]

Protsenko, 2000 – *Protsenko B.N.* (2000). Donskoi svadebnyi koldun: obraz, deistviya, funktsii, znachenie [Don wedding sorcerer: image, actions, functions, meaning]. *Khristianstvo i khristianskaya kul'tura v stepnom Predkavkaz'e i na Severnom Kavkaze* [Christianity and Christian culture in the steppe Pre-Caucasus and the North Caucasus]. Collection of scientific papers. Rostov-on-Don: Rostov State Conservatory named after S.V. Rakhmaninov Publ., pp. 235–245. [in Russian]

Rudichenko, 2006 – *Rudichenko T.S.* (2006). Pripevki-tirady v donskoi svad'be (k izucheniyu universalii fol'klora) [Chorus-tirades in the Don wedding (to the study of folklore universalism)]. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2005 g. Dikarevskie chteniya (12)* [Results of folklore-ethnographic studies of ethnic cultures of the North Caucasus in 2005. Dikarev readings]. Krasnodar: Mir Kubani Publ., pp. 220–230. [in Russian]

SVG – Slovar' vologodskikh govorov. Uchebnoe posobie po russkoi dialektologii [Vologda dialects dictionary. Study guide for Russian dialectology]. Is. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical University Publ., 1983–2007. [in Russian]

SDGVO – Slovar' donskikh govorov Volgogradskoi oblasti [Dictionary of Don dialects of Volgograd Region]. 2nd revised and enlarged ed. Volgograd: Izdatel Publ., 2011. 704 p. [in Russian]

Sonin, 2019 – *Sonin P.* (2019). Rasskaz Nikity Slivaeva. Iz byta donskikh kazakov v Donetskom okruge (Moskovskii vestnik. 1860. №11) [Nikita Slivayev's story. From the everyday life of the Don Cossacks in the Donetsk district (Moscow Newsletter. 1860. № 11)]. *Donskaya svad'ba*. Vypusk 1. Materialy arkhivov i publikatsii XIX veka [Don Wedding. Issue 1. Materials of archives and publications of the XIX century]. Composition, author's comments and examples of Ryblova M.A., Kogitina A.V. Volgograd: Publishing house of Volgograd Institute of management, a branch of RANEPА. pp. 32–45. [in Russian]

SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov. [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–47. Moscow, Leningrad, St. Petersburg: Nauka Publ., 1965–2014 [in Russian]

Sukhorukov, 1892 – *Sukhorukov V.D.* (1892). Obshchezhitie donskikh kazakov v XVII i XVIII stoletiyakh. Istoricheskii ocherk [Hostel of the Don Cossacks in the XVII and XVIII centuries. Historical essay]. Edition of newspaper «Donskaya Rech'». Novocherkassk: Printing House of the Don Cossacks Host, 99 p. [in Russian]

Tolstoi, 1995 – *Tolstoi N.I.* (1995). Verkh – niz [Top - Bottom]. *Tolstoj N.I.* (Ed.). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 1. A–G. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 345–346. [in Russian]

Kharuzin, 1885 – *Kharuzin M.N.* (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu. Materialy dlya obychnogo prava [Information about Cossack communities on the Don. Materials for customary law]. Is. 1. Moscow: M.P. Shchepkin's printing house, 434 p. [in Russian]

Главный распорядитель свадьбы на Дону: функции и терминология

Татьяна Евгеньевна Гревцова ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tanyar_2@mail.ru (Т.Е. Гревцова)

Аннотация. В статье рассматриваются обрядовые функции и названия главного распорядителя свадьбы на территории Ростовской и части Волгоградской областей, до революции входившей в состав Области Войска Донского. В донской свадьбе обязанности *дружка* обычно выполнял один человек, который должен был обладать определенными качествами и мог иметь различные социовозрастные характеристики. Он отличался от остальных гостей формальной отмеченностью каким-либо атрибутом (платком, лентой, цветком и т.д.). Этот свадебный чин, с одной стороны, являлся обрядовым «двойником» жениха и действовал от его имени, а с другой – охранял его и позже новобрачных как во время реального, пространственного перемещения, так и при «превращении» неженатых молодых людей в супружескую пару. Действия главного распорядителя свадьбы на Дону, как и у славян в целом, направлены на благополучное совершение ритуала и переход молодых в новый статус, кульминационные точки которого сосредоточены на дне свадьбы. В донских говорах преобладают названия данного свадебного чина с корнем *друж-*, широко распространенные также в других восточнославянских регионах. Менее употребительные термины и их ареалы могут указывать на особенности истории заселения Дона, в котором принимали участие как выходцы из разных частей Российской империи, так и малороссийские крестьяне. Ареальное распространение названий главного распорядителя свадьбы в донских говорах показывает лексическая карта, составленная автором на основе неопубликованных экспедиционных материалов и опубликованных источников.

Ключевые слова: свадебный обряд, свадебный чин, главный распорядитель, дружок, Область Войска Донского, донские казаки, лексическая карта.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2019, 10(2): 173-182

DOI: 10.13187/rs.2019.2.173
www.ejournal15.com

Shipboard Structure's Reconstruction of the Izhevsk Operational Office/ Izhevsk Pier in 1948–1986

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}, Anatoly N. Loshkarev ^d, Svetlana L. Bautina ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington (DC), USA

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

^d Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^e Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Russian Federation

Abstract

Basing on the statistical reports, personnel documentation and operational reports, the evolution of the shipboard structure of the Izhevsk operational office/Izhevsk pier has been reconstructed. These sources show that in 1948–1953 the Izhevsk office actually monopolized transportation along the Izhevsk Pond, eventually becoming the enterprise with the largest fleet. Since 1954, the process of technical re-equipment began in it. Since 1962, in pursuit of a decrease in loss ratio, a sharp decrease in the number of ships of the Izhevsk Pier occurred. As an element of increasing profitability, from the mid-1960-s for passenger traffic, the widespread use of non-self-propelled boats began. Starting from the late 1970's due to the increase of the road network and the development of motor transport, water transport had to be reoriented for tourist and recreational purposes. The transfer in 2019 of the Izhevsk Pier to the Gorky's Summer Garden balance consolidated this state of affairs.

Keywords: Izhevsk, water transport, passenger transportation, ship, Izhevsk pier.

1. Введение

В настоящее время Ижевская пристань, входящая в состав Летнего сада им. Горького, является единственным хозяйством на Ижевском пруду, имеющим свой крупный самоходный флот. Предприятие берет свое начало от Ижевской эксплуатационной конторы (ЭК), созданной в 1948 г. в составе Управления по транспортному освоению и эксплуатации малых рек при Совмине Удмуртской АССР (далее – Управление). В 1962 г. с ликвидацией Управления судовой состав конторы перешел ее правопреемнице – Ижевской пристани в составе Сарапульского порта Камского речного пароходства. Летом 1993 г. пристань, получив самостоятельность, оказалась муниципальным предприятием города Ижевска. Но поскольку водные перевозки к этому времени стали хронически убыточными, 19 января 2010 г. МУП «Пристань Ижевска» была ликвидирована путем присоединения к МУП «Ижевский городской электрический транспорт» (МУП ИжГЭТ). Наконец, 20 декабря 2018 г. пристань перешла в подчинение Летнего сада им. Горького.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

Столь богатая переподчинениями история предприятия не способствовала сохранению его делопроизводственной документации, позволяющей восстановить хотя бы ключевую хронологию. В 1961 г. часть документации передали в Сарапул, по-видимому, уничтожив остальное. В 1993 г. часть архива предприятия снова, вероятно, была утилизирована. В связи с этим поиск и анализ тех небольших остатков документации о предприятии сможет пролить свет на его историю. Решение задачи реконструкции судового состава Ижевской ЭК/Ижевской пристани даст возможность восстановить те решения, которые приводили к его изменению

2. Материалы и методы

Основой для исследования послужили три группы источников, каждый из которых потребовал применения специфических методов исследования.

Во-первых, это эксплуатационные отчеты (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1). В них содержится информация о судах, начавших навигацию, ее закончивших, дается краткая характеристика проведенного межнавигационного зимнего ремонта и прочая информация, позволяющая восстановить списочный состав судов, имевшихся на данный год. Вторым документом этой группы, позволяющим реализовать заявленную цель, является штатное расписание (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1). К сожалению, в фондах СГА имеются всего два расписания за 22 года, в течение которых Ижевская пристань входила в состав Сарапульского порта. Эта группа источников позволяет достаточно достоверно восстановить судовой состав, начиная с 1962 г.

Как показывает практика, наиболее защищенный массив делопроизводственной документации – это документация по личному составу, составившая вторую группу источников. Ее сохранение необходимо, например, для подтверждения стажа работникам, выявления возможностей назначения социальных льгот и т.п. В связи с этим документация по личному составу из всего корпуса документов обычно уничтожается в последнюю очередь. Между тем, как показал архивный поиск, старейшие документы по личному составу относятся лишь к 1956 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2). Тем не менее, она охватывает период с 1956 по 1962 гг., необходимый для продления задачи реконструкции судового состава далее по временной шкале. В большинстве случаев, наиболее информативными являются зарплатные ведомости. С их помощью можно узнать, что на определенный месяц судно укомплектовано и команда получает зарплату. Однако, применительно к Ижевской ЭК за указанный период, в зарплатных ведомостях отсутствует детализация по судам. Имеются лишь общие ведомости выдачи для команд, которые расположены в списке в порядке убывания значимости должностей. Поэтому в период с 1956 по 1962 гг. большое значение приобретают приказы по личному составу. Как правило, они содержат приказы об укомплектовании судов в начале навигации и разукомплектовании по окончании. Кроме того, списочный судовой состав может присутствовать в случаях, когда идет какое-то крупное мероприятие, например, связанное с техникой безопасности или внеплановым осмотром технического состояния. В связи с этим можно предположить, что судовой списочный состав охватывается приказами по личному составу практически целиком.

Наконец, период с 1948 по 1955 гг. может быть охвачен третьей группой источников – ежегодными статистическими отчетами. Каждый год Управление сдавало в ЦСУ отчет по форме «26-вод» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4). В нем приводилось общее количество самоходных и несамоходных судов, а также их суммарная мощность или грузоподъемность. К сожалению, за указанный период отчет собственно по Ижевской конторе встречается не часто, зато отчет по всему Управлению дается каждый год. В связи с этим задачу реконструкции судового состава пришлось решать комплексно по всему управлению, с последующим вычленением оттуда Ижевской ЭК. В данном случае проблема обработки статистических отчетов и разработка соответствующей методики стала отдельной исследовательской задачей, которая будет нами рассмотрена в других публикациях. В настоящую же работу мы включаем уже полученные и обоснованные выводы.

3. Обсуждение и результаты

Статистические отчеты Управления. Первый отчет Управления за 1948 г. дает суммарную численность судов без разбивки по эксплуатационным конторам (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1287. Л. 8). В ходе проведенного анализа удалось выяснить, что в нем

фигурируют катера «Ярославец» (70 л.с.) и «Пионер» (50 л.с.), доставленные на Ижевский пруд специально для нужд конторы. Отчет 1949 г. также дает суммарные цифры для всего Управления (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 21), но при этом имеется отдельная форма, где приводится лишь количество судов по конторам (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1567. Л. 25). При расшифровке данных получилось, что в этом году к судам конторы добавился пароход «Свобода» (120 л.с.), переданный от завода № 71. В этом же отчете в конторе числится одно несамоходное судно. Что это такое, без привлечения дополнительных источников сказать невозможно, тем более что все пять указанных несамоходных плавсредств практически идеально вписываются в структуру Сарапульской ЭК. Можно лишь предположить, что в конце года, незадолго до заполнения отчета, было принято решение о переводе одной из барж в Ижевск, которое хоть и нашло отражение в отчете, на практике не было реализовано.

Отчет 1950 г. снова приводит суммарную численность по всему Управлению (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1941. Л. 6). Но после его обработки и анализа получилось, что судовой состав Ижевской ЭК остался тем же самым.

Отчет 1951 г. имеется в двух разновидностях (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 2297. Л. 4) и (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 2309. Л. 16), данные которых различаются. По Ижевской ЭК они снова приводят лишь общую численность. Различие между ними объясняется переводом одного катера в несамоходное плавсредство и получением еще двух катеров, которые в одном отчете указаны, а во втором нет. Вероятно, это обстоятельство и послужило причиной заполнения еще одного уточненного отчета. Что касается Ижевской ЭК, то в этом году она получила катер «Комсомолец» (60 л.с.) и произвела ремонт с заменой машин парохода «Свобода», из-за чего с этого года его мощность указывается как 170 л.с. Количество несамоходных плавсредств Ижевской ЭК в этом году указано как два. Возможно, туда вошел пароход «Свобода», прошедший навигацию без машин, а также полученная в этом году 40-тонная пассажирская баржа № 5.

Отчет 1952 г. впервые дает детализацию по Ижевской ЭК, полностью подтверждая предыдущие выводы (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 2716. Л. 8). На этот год в конторе числятся три судна суммарной мощностью машин 300 л.с. («Ярославец», «Свобода» и «Комсомолец»), а также одна баржа (№ 5). Кроме того, «Пионер» перечислен в путевые суда, но, по-видимому, остался на Ижевском пруду. Комплексная расшифровка всего флота Управления показала также, что в нем присутствует еще одно судно – пароход «Звезда», бывший «Красный сплавщик» (115 л.с.), переданный от треста «Удмуртлес». Однако в составе Ижевской ЭК этот пароход пока еще не числился, хотя и находился на Ижевском пруду.

В 1953 г. расшифровка отчетов (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3095. Л. 1) показала наличие на Ижевском пруду пяти судов («Ярославец», «Пионер», «Свобода», «Комсомолец» и «Звезда»), что подтверждает предположение, что «Пионер» использовался в качестве путевого лишь временно, без покидания пруда. Снова в составе конторы имеется одна баржа (№ 5). В этом году для Ижевской ЭК получен новый теплоход «Победа», но Ижевского пруда он так и не достиг, поскольку его передали в состав Сарапульской ЭК.

Отчет следующего, 1954 года вносит некоторую неопределенность в картину распределения мощности по судам Ижевской ЭК (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4295. Л. 2). Хотя детализация по конторам в этом году отсутствует, информация состыковывается лишь в том случае, если предположить, что мощность машин «Свободы» в этом отчете показана равной нулю. Впрочем, в этом есть определенный резон, поскольку контора в этом году получила два теплохода Калининской верфи типа К-80: «Искра» и «Герой» по 80 л.с., что и дало возможность вывести из эксплуатации «Свободу». Приказ об ее списании вышел в январе 1955 г., но, очевидно, из-за новых теплоходов ее в этом году могли не использовать. Остальной судовой состав конторы в этом году прежний: «Ярославец», «Пионер», «Комсомолец», «Звезда» и баржа № 5.

В январе 1955 г. вышел приказ о списании парохода «Свобода» и катера «Пионер» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3847. Л. 25), которые в отчете за 1955 г. уже отсутствуют. За этот год имеется лишь общий отчет Управления, по отдельным конторам указывающий лишь число судов (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 3847. Л. 1). Но понятно, что числящиеся в Ижевской ЭК судна – это «Ярославец», «Комсомолец», «Звезда», «Искра» и «Герой». Одна проходящая по отчету баржа – это баржа № 5.

Приказы по личному составу Ижевской ЭК. С 1956 г. появляются приказы по личному составу Ижевской ЭК (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 32). С одной стороны, они дают возможность получить более детальную информацию по судам, но с другой – исключают наличие списочного списка судов. Поэтому, если о каком-то судне в течение нескольких лет не упоминается, оно может просто стоять на приколе и использоваться для вспомогательных целей. Тем не менее, в 1956 г. в приказах повторяются лишь уже известные суда. В 1957 г. к ним добавляются два новых теплохода: «Мышкин» (позднее «Россия») и ПС-70 (позднее «Восход»). Первое упоминание о ПС-70 относится к 20 мая 1957 г., когда приказом по конторе назначается перегоночная команда для доставки ПС-70 из Ростова-на-Дону. Первое упоминание о «Мышкине» относится к 10 сентября 1957 г., когда на него назначается капитан. В этом году фигурируют еще пять судов: «Искра», «Герой», «Комсомольск», «Звезда» и «Ярославль», а также баржа № 5 (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 36). Что интересно, в приказах нет устоявшейся формы названия. Так «Комсомольск» может упоминаться также как «Комсомолец». Двойное название имеет и катер «Ярославль» – «Ярославец».

В приказах 1958 г. появляются еще два катера. Так, 12 июня 1958 г. впервые упомянут теплоход «Четырехсотлетие» (будущий «Юбилейный») (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 39) в связи с назначением на него команды, а 17 декабря 1957 г. – ПТ-112 (будущий «Дружба») (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 40). Из несамостоятельных судов 16 марта 1959 г. впервые упоминается баржа № 8, которая передавалась в распоряжение Участка путейских работ (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 40). С ней связано странное обстоятельство. Обычно при доставке новых судов на Ижевский пруд назначалась какая-то перегоночная команда, или, если доставка осуществлялась по железной дороге, в пункт, где осуществлялась приемка, командировался работник конторы (обычно будущий капитан). В данном же случае баржа просто появилась на пруду, словно тут была ранее. Между тем в пояснительной записке к статистическому отчету за 1956 г., в разделе «Стихийные бедствия», имеется упоминание, что затонул корпус бывшего парохода «Свобода» (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4316. Л. 11). Из того же отчета понятно, что его пытались использовать как склад ГСМ. Вполне вероятно, что корпус в конце концов подняли и именно с 1959 г. он начинает использоваться как путевая баржа, а позднее как понтон. То, что корпус «Свободы» использовался до 1980-х гг., подтверждается рассказом ветерана Ижевской пристани В.К. Лунышина, который упоминал, что плавсредство как понтон находилось у водной станции «Ижсталь». Еще один довод за то, что баржа № 8 – это бывшая «Свобода», приводится в передаточном акте, когда суда ликвидированной Ижевской ЭК передавались в состав Сарапульского порта. Из переданных по акту четырех барж № 8 стоит особняком. Она числится 40-тонной сухогрузной баржей, не подлежащей осмотру регистром (!). Но при этом у нее единственной имеется регистровый номер МР-693 (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 54), совершенно не характерный для барж. Обычно подобные номера имели суда, полученные от различных собственников, не подведомственных Минречфлоту. Все это подтверждает гипотезу, что баржа № 8 – это бывшая «Свобода». При балансовой стоимости 2602 руб. 10 коп. ее износ в акте оценивался в 760 руб. (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 94).

В 1959 г. впервые упоминаются катера ПС-129 (потом «Прибой») и «Путеец» (типа БМК-90). В апреле этого года для доставки полученных в Ростове-на-Дону ПС-128 (в будущем катер «Венера» Воткинской ЭК) и ПС-129 создается перегоночная команда. Что касается «Путейца», то он впервые упоминается 27 июня 1959 г. как уже находящийся на Ижевском пруду. Но, учитывая его небольшие размеры, возможно, он сравнительно легко был перевезен или просто принят от какого-то хозяйства на Ижевском пруду. 5 октября 1959 г. в связи с окончанием навигации и выводом в зимний отстой в последний раз упоминается «Комсомольск» (СГА Ф. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 46).

Навигация 1960 г. на Ижевском пруду стала первой для катеров «Заря», № 35 (будущий «Сокол») и баржи № 15 (потом БС-39). 28 марта 1960 г. для приемки толкача № 35 в Красноярск командировается специальная команда. Предполагалось, что судно будет использоваться для буксировки баржи № 15. 21 июля 1960 г. работники конторы командированы в Красноярск для приемки еще одного катера, из последующих приказов становится понятно, что это катер «Заря» (типа 222В). 14 октября 1960 г. в приказах в последний раз упомянуты катер «Ярославец» и пароход «Звезда». Из дальнейших

приказов становится понятно, что в декабре на «Звезде» идет демонтаж надстроек (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 46).

В 1961 г. контора пополнилась еще одним толкачом с баржей: «Красноярск» и баржа № 16 (потом БС-40). Еще в октябре 1960 г. для транспортировки в Сарапул катера в Красноярск командиром назначается сотрудник конторы. 12 июня 1961 г. в Ростов-на-Дону для приема и транспортировки очередной ПС командиром назначается перегоночная команда. Речь идет о ПС-199 (будущий «Комсомолец»). Наконец, 21 октября 1961 г. в приказах впервые упомянут катер «Моряк» (СГА Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 57). Судя по отсутствию информации о его транспортировке, до этого судно принадлежало какому-то местному хозяйству. В уже упомянутом акте о передаче имущества Ижевской ЭК в 1962 г. отсутствует дата постройки катера «Моряк», а регистрационный номер МР-2033 (характерный для судов хозяйств неподотчетных Главречтрансу) лишь подтверждает данное предположение (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 54).

В 1962 г. Ижевская ЭК достигает пика численности судов за всю ее историю. Имеется акт передачи от 1 апреля 1962 г. (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 54), по которому можно перепроверить состав имевшихся судов. За исключением полуглиссеров в конторе числятся пассажирские катера: «Юбилейный», «Дружба», «Россия», «Заря», «Герой», «Искра», «Восход», «Прибой», «Комсомолец». Буксиры: «Красноярск», «Сокол», «Моряк» и БМК-90. Баржи: № 5, № 8, № 15, № 16 и склад ГСМ «Звезда». Тем не менее, несмотря на большую численность, конторе уже выделили и вскоре в этом году получены еще несколько судов: пассажирские катера «Иж», «Звезда» и ПТ-130 (будущий «Первомаец»). Первые два катера отправились в Ижевск по железной дороге еще в феврале, но прибыли в апреле и потому в акт передачи не включены. 10 ноября в Сарапуле получены катер ПТ-130 и пассажирская баржа (платформа БП-42 типа 1515). 6 мая впервые упомянут катер «Камбаряк», но, по-видимому, это бывший «Путеец», упомянутый в передаточном акте как БМК-90. Наконец, 16 июня выходит приказ о разукрупнении для последующего списания катера «Моряк» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 57).

В январе 1963 г. состоялась доставка в Ижевск из Гольян катера ПТ-130 (будущая «Дружба»). А вот транспортировка БП-42, по всей видимости, встретила какие-то трудности, о чем упомянуто в приказе от 4 февраля 1963 г. В связи с этим непонятно, имелась ли указанная баржа в навигации 1963 г. на Ижевском пруду или нет, поскольку в приказах о ней упоминается лишь в апреле 1964 г. Получив под свое управление Ижевскую пристань, Камское речное пароходство вынуждено было решать вопрос по снижению ее убыточности. В результате зимой 1963/64 г. катера «Заря», «Звезда», «Иж» и «Россия» сдаются на ответственное хранение (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 81). В последующем «Россию» списали, а все три катера типа 222В перевезли по железной дороге на другие акватории. «Заря» будет работать в Воткинске, «Иж» – в Набережных Челнах, а «Звезда», по-видимому, – в Перми.

Эксплуатационные отчеты и штатные расписания Сарапульского порта. Использование эксплуатационных отчетов и штатных расписаний практически исключает какие-либо дополнительные методы исторических исследований. В них в виде таблицы имеются данные, когда имеющееся в составе судно начало навигацию и закончило. А в штатных расписаниях также прямо указано, было ли укомплектовано судно в данную навигацию. В документации по Ижевской пристани имеются следующие отчеты: 1961 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 71), где по понятным причинам информация по Ижевской пристани отсутствует; 1963 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 75), 1964 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 77), 1965 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 81), 1966 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 82), 1966 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 85), 1967 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 89), 1968 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 93), 1969 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 97), 1970 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 102), 1971 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 105), 1972 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 113), 1973 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 118), 1974 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 124), 1975 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 130), 1976 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 136), 1978 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 150), 1979 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 157), 1982 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 188), 1983 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 198), 1985 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 223), 1986 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 236), 1987 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 250), 1988 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 264), 1989 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 276), 1990 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 290), 1992 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 323), 1993 г. (СГА. Ф. Р-82. Оп. 1а. Д. 12).

Имеются также штатные расписания: 1977 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 142), 1978 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 148), 1979 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 155), 1980 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 163), 1981 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 174), 1982 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 186), 1983 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 196), 1984 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 207), 1985 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 221), 1986 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 234), 1987 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 248), 1989 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 274), 1990 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 288), 1991 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 305), 1992 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 321), 1993 г. (СГА Ф. Р-82. Оп. 1а. Д. 10).

Но при этом возникает хорошая возможность перепроверки и взаимного дополнения данных, приведенных на сайте «Водный транспорт» ([Водный транспорт](#)). Там имеются выписки из приказов по Камскому речному пароходству о списании судов, входивших в состав Ижевской пристани.

«Герой», списан 12.1971 (рег. № 5959).

«Дружба», списана 10.1974 (рег. № 9709)

«Заря» (рег. № 74275).

«Заря-65», 12.1987 передана тресту столовых № 3 г. Ижевска.

Теплоход «Звезда», с 10.1965 у Ленинского райисполкома Ижевска.

Пароход «Звезда», списан 04.1963 (рег. № 99354).

«Иж», списан 06.1976 (рег. № 74700), с 01.1964 в Набережных Челнах в составе Камского речного пароходства, с 01.1970 в Набережных Челнах в составе Волжского объединенного речного пароходства.

«Искра», списана 07.1970 (рег. № 5742).

«Камбаряк», списан 05.1966 (рег. № 73619), на момент списания в Сарапуле.

«Красноярск» (рег. № 74347) с 1974 г. в Сарапульском порту, возможно, списан в 1986 г.

«Моряк», списан 04.1964 (рег. № 12637, до 1962 г. МР-2033), оператором на момент списания значится Сарапульский порт.

«Пионер», списан 05.1969. (рег. № 73665), на момент списания водооткачная станция Сарапульского порта.

«Россия», списана 03.1965 (рег. № 5298).

«Сокол» (рег. № 129124) около 1962 г. в Сарапуле как «Путейский-25», списан 04.1980.

«Юбилейный», списан 04.1980 (рег. № 128801).

БС-39, списана 10.1967.

БС-40, списана 03.1965.

Паром-11, до 02.1963 паром № 5 (рег. № 28649), списан 12.1965.

Паром-12, до 02.1963 паром-причал, списан 12.1965.

В приведенном списке особняком стоят паромы № 11 и 12. В 1962 г. их в Ижевске нет, и вряд ли их сюда привезли, чтобы через два года списать. Очевидно, что паром-11, бывший паром № 5 – это баржа № 5 (совпадает номер). После ее перевода в стоечный флот вполне логично должна была произойти ее переклассификация в паром. Точно так же паром-причал – это, скорее всего, бывшая баржа № 8, ранее «Свобода». Поскольку ее переименование в № 8 произошло, скорее всего, по локальному приказу (Ижевская ЭК подчинялась Управлению и через него Совмину УАССР, а Ижевская пристань через Камское речное – пароходству Минречтрансу), в Минречтрансе могли счесть подобное переименование нелегитимным. По крайней мере, других барж, которые могли бы стать паромом-12, в Ижевске нет.

Вторая несогласованность данных проявляется относительно «Дружбы». Судя по эксплуатационному отчету 1975 г., она 29 октября этого года закончила навигацию и выведена в зимний отстой. Хотя в течение года она почти не эксплуатировалась, но, вероятно, списание произошло в октябре 1975 г., а не 1974 г.

В итоге получается следующая таблица судового состава (рис. 1), численные значения представлены на [Рис. 2](#).

В период после 1986 г. произошла доставка еще одного теплохода типа «Москва» («Москва-181»), что дало возможность отказаться от быстроходного катера «Заря-65», переданного тресту столовых и по настоящее время используемому в качестве ресторана. Официальными причинами этого шага указывались экологические проблемы, связанные с его эксплуатацией. Якобы он поднимал большую волну, которая сильно подмывала берега и

уничтожала мальков рыб (Артемов, 1988). В последнее время на форумах, посвященных жизни и истории Ижевска, озвучена альтернативная версия, к сожалению, не подтвержденная документально, по которой продажа двигателя катера сторонним организациям дала возможность свести дебет с кредитом муниципального бюджета. Одновременно с «Зарей-65» из эксплуатации был выведен еще один катер, имевший при работе множество технических проблем – в 1987 г. Клубу Юных моряков «Дельфин» передали М-204. А несколько лет спустя, в 1990–1991 гг. этому же клубу передали ставшие ненужными пассажирские платформы БП-4 и БП-42. С этого периода состав судов на Ижевском пруду остался неизменным, три теплохода: «Москва-117», «Москва-181», М-221.

4. Заключение

Анализ эволюции судового состава Ижевской ЭК / Ижевской пристани позволяет сделать следующие выводы.

1. В период 1948–1953 гг. идет процесс укрупнения хозяйства. Контора получает новые суда («Ярославец», «Пионер», «Комсомолец»), как правило, это небольшие катера ограниченной вместимости, которые достаточно просто запустить в производство в условиях послевоенной разрухи. Одновременно производится монополизация перевозок, в результате чего контора получает оба наиболее крупных судна, имевшиеся в то время на Ижевском пруду (пароходы «Свобода» и «Звезда»).

2. В 1954 г. началось техническое перевооружение Ижевской ЭК. Вместо старых пароходов и катеров небольшой вместимости, она получает современные теплоходы. Хотя вместимость «Героя» и «Искры» соизмерима с вместимостью «Свободы» и «Звезды», преимущества дизельной установки делают их списание лишь вопросом времени. К 1959 г. процесс технического перевооружения в целом завершился.

3. Запущенный процесс технического перевооружения судового состава Ижевской пристани вместе с тем заставил пройти точку убыточности. В результате к концу 1950-х гг. Ижевская ЭК, с одной стороны, не может наличным флотом обеспечить пиковые перевозки, которыми характеризуется пассажиропоток на Ижевском пруду, а с другой, происходит дальнейшее увеличение флота, делающее контору все более убыточной. Финансовое оздоровление предприятия началось лишь с преобразованием Ижевской ЭК в Ижевскую пристань и привело в первую очередь к существенному численному сокращению судового состава.

4. Мероприятия по финансовому оздоровлению ситуации свелись к ликвидации судов небольшой вместимости (типа ПС) после ликвидации переправы из Пушкинского городка, поскольку развитие городского транспорта сделало ее в новых условиях бессмысленной. Одновременно, поскольку пиковые нагрузки по-прежнему были характерны для водных перевозок Ижевского пруда, Ижевская пристань пошла на приобретение специальных пассажирских платформ проекта 1515. Первоначально ее буксировал специальный буксир («Красноярск»), но постепенно, с оборудованием узлов буксировки на серийных катерах проекта 544, от буксира удалось отказаться.

5. Начиная с конца 1970-х гг. из-за увеличения сети дорог и развития личного автотранспорта происходит уменьшение объема пассажирских перевозок. Это заставило Ижевскую пристань переориентироваться от чисто пассажирских перевозок к экскурсионным и рекреационным. Это положение вещей фактически закрепилось в 2018 г. передачей Ижевской пристани на баланс Летнего сада.

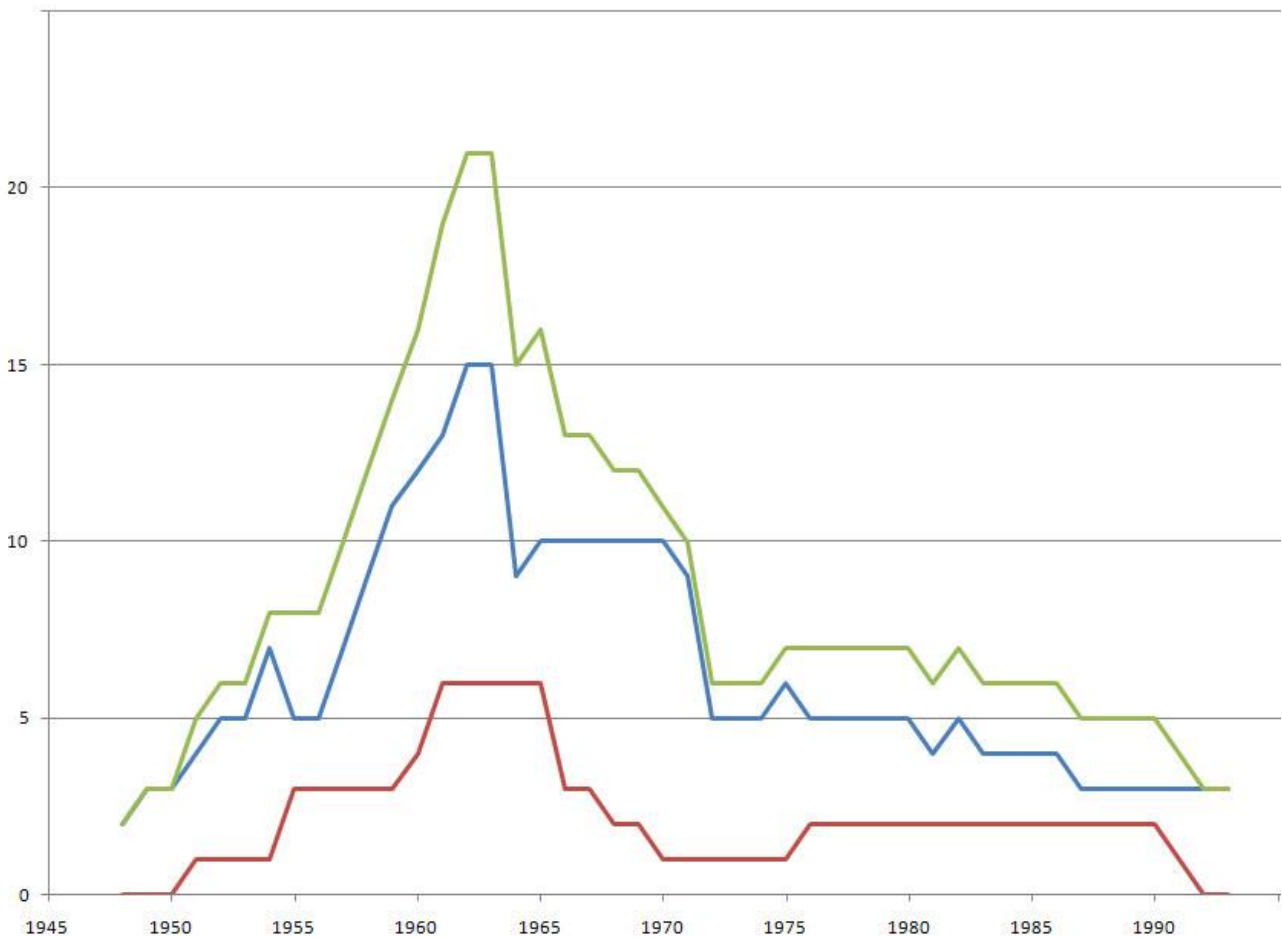

Рис. 2. Изменение численности судового состава Ижевской ЭК / Ижевской пристани: нижняя линия – несамоходные средства, средняя – самоходный, верхняя – всего

5. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

- [ЦГА УР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
[СГА](#) – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула.
[Артемов, 1988](#) – Артемов Н.П. «Двадцать лет спустя» «КУ», 2 апреля 1988 г. // *Комсомолец Удмуртии*. 1988. 9 июля. С. 6–7.
[Водный транспорт](#) – Водный транспорт. [Электронный ресурс]. URL: fleetphoto.ru (дата обращения: 22.09.2019).

References

- [CGA UR](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].
[SGA](#) – Upravlenie po delam arhivov Administracii goroda Sarapula [Office of Archives Affairs of the Administration of the city of Sarapul].
[Artemov, 1988](#) – Artemov N.P. “Dvadcat let spustya” “KU”, 2 aprelya 1988 g. [“Twenty years later”. To the “KU”, April 2, 1988] // *Komsomolec Udmurtii*. 1988. July 9. pp. 6–7.
[Vodnyi transport](#) – Vodnyi transport [Water transport]. [Electronic resource]. URL: fleetphoto.ru (accessed on: September 22, 2019). [in Russian]

Реконструкция судового состава Ижевской эксплуатационной конторы/Ижевской пристани 1948–1986

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}, Анатолий Николаевич Лошкарев ^d,
Светлана Леонидовна Баутина ^e

^a Международной сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований,
Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения
Российской академии наук, Российская Федерация

^c Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^d Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова,
Российская Федерация

^e Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация

Аннотация. На основе статистических отчетов, документации по личному составу и эксплуатационных отчетов реконструирована эволюция судового состава Ижевской эксплуатационной конторы/Ижевской пристани. Эти документы показывают, что в период 1948–1953 гг. контора фактически произвела монополизацию перевозок по Ижевскому пруду, став в итоге хозяйством с самым крупным флотом. С 1954 г. в ней начался процесс технического перевооружения. С 1962 г. в погоне за снижением убыточности произошло резкое снижение численности судов Ижевской пристани. Как элемент повышения рентабельности с середины 1960-х гг. для пассажирских перевозок начинается широкое использование несамоходных плавсредств. Начиная с конца 1970-х гг. из-за увеличения сети автомобильных дорог и развития автотранспорта водный транспорт пришлось переориентировать на экскурсионные и рекреационные цели. Это положение вещей закрепилось передачей в 2019 г. Ижевской пристани на баланс Летнего сада им. Горького.

Ключевые слова: Ижевск, водный транспорт, пассажирские перевозки, теплоход, Ижевская пристань.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)